

”ЛУЧШЕ БЫ
МЫ СДАЛИСЬ
ГИТЛЕРУ”?

9
1991

РАТОВАРЕЦ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626

Американские
бомбы по...
Украине

Из архивов КГБ

Дореволюционные
военные звания

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Подписка на наш журнал принимается всеми отделениями связи и органами "Союзпечати" без каких-либо ограничений и на любой срок. В связи с тем что розничная продажа журнала, к сожалению, ограничена, советуем подписываться на наше издание заблаговременно. Подписная цена на 1992 год – 13 р. 20 к.; на 6 месяцев – 6 р. 60 к. В случае отказа в подписке просим сообщать в редакцию.

Ассоциация "СОЮЗ-ИЗМАЙЛОВО"
и рекламная фирма "ПРИМУЛА"
ПРЕДЛАГАЮТ:

для военно-патриотических
и военно-исторических клубов:
производство и разработку
военных костюмов и символики;
рекламу;
организацию слетов и форумов;
изготовление сувенирной
и подарочной продукции;
разработку фирменных знаков;
изготовление визиток,
календарей и другой
полиграфической продукции
из пластика и бумаги;
устройство рекламных шоу;
изготовление рекламных щитов,
альбомов для визиток,
самоклеющихся аппликаций,
керамики;
трафаретную печать.

На снимке: стилизованные под военную форму
костюмы. Автор – художник А.ИГМАНД.

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Фирма "Примула"
г. Москва, 105023,
Е-23 А/Я № 19.
Тел.: 426-50-33, 462-25-71.

Ассоциация "Союз-Измайлово"
г. Москва, 105215,
Е-215 А/Я № 51.
Тел.: 367-49-27, 367-55-83.

НАШ ЛОЗУНГ – ВИВАТ, РОССИЯ!

ТАК РОЖДАЛАСЬ СОВЕТСКАЯ ГВАРДИЯ

● Вручение гврдвйского Знамени 1-й ордена Ленина гвардейской стрелковой дивизии.

- Враг не пройдет.
- Атака отбита.
- Залп гврдвйских минометов (1941 г.).

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9 1991

ОРГАН
МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ СССР

ОСНОВАН
В АВГУСТЕ
1939 ГОДА

Издается
ежемесячно

Главный редактор
В. С. ЕЩЕНКО.

Редакционная коллегия:
Н. Г. АКСЕНОВ

(ответственный секретарь),
А. Д. БОРЦОВ,
А. В. БУЛАНЬКО,
В. А. ЗОЛОТАРЕВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. ИЩЕНКО

(заместитель
главного редактора),

Д. Ш. КАРИМОВ,
Г. И. КОРОТКОВ,
О. Ю. ЛАТЫПОВ,
П. Н. ЛАЩЕНКО,
Ю. К. ЛУГОВОЙ,
А. М. МАЙОРОВ,
Р. Г. ПИХОЯ,
В. А. РЫБИН,
А. Н. СЕНИЦЫН,
А. М. СОКОЛОВ,
В. И. ШЕРЕМЕТ,
В. А. ЧИРВИН.

Редактор по отделу
оформления
А. Е. ШАДРИН.
Художественный
редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал».
Тел. 296-44-87, 296-44-95,
296-44-96, 296-45-35.

Сдано в набор 12.07.91
Подписано к печати 04.10.91
Бумага 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8,44+0,35 вкл.
уч.-изд. л. 12.
Усл. кр.-отт. 14.
Высокая печать.
Регистрац. № 559.
Тираж 116 115 экз.
Зак. 1760. Цена 1 р.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

© «Военно-исторический
журнал», 1991.

● МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

С. А. ГОРЛОВ — Военное сотрудничество СССР и
Германии в 20-е годы

4

● В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ

О. А. ДУДОРОВА — Неизвестные страницы «зимней
войны»

12

● К 50-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ ГВАРДИИ

О. А. ЛОСИН, А. А. БЕЛОУСОВ, В. Г. МИЛЛЕР —
«Против них никто устоять не может»

24

● ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Советские военнопленные: бухгалтерия по-фашистски

(Публикация Б. И. КАПТЕЛОВА, А. А. ВАЖЕРКИНА)

30

А. Ф. КАТУСЕВ, В. Г. ОПОКОВ — Движение, кото-
рого не было

45

● ВПЕРВЫЕ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ

Погибли за Родину

52

(Публикация А. Н. СИДОРОВА)

● ИЗ АРХИВОВ КГБ

1937. Показания маршала Тухачевского

55

(Публикация В. К. ВИННОГРАДОВА)

● ЛЕТОПИСЬ ПОЛКОВ РОССИЙСКИХ

А. И. ТАЛАНОВ — Армейские драгуны

64

● ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ВЕРСИИ

Ромуальд СВЯТЕК — Катынский лес

68

● ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

В. А. АВДЕЕВ — Забытое имя

80

Ю. Н. ДАНИЛОВ — На пути к крушению

81

● НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Ю. А. ТРАМБИЦКИЙ — Чины и звания русской ар-
мии

85

М. П. ЛУКИЧЕВ — Архив древних актов

94

НАМ ПИШУТ

26, 27, 51, 78

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

С ПРИХОДОМ нового главного редактора, как правило, меняется содержание и направленность журнала. Хотел бы высказать самые принципиальные соображения. Во-первых, нам необходимо поднять теоретический уровень журнала. Он должен отражать все богатство содержания современного военно-исторического знания. Вместе с тем журнал должен представлять интересы самой широкой читательской аудитории. Поэтому мы будем публиковать материалы, рассчитанные не только на специалистов-историков, но и на всех любителей военной истории.

Во-вторых, анализ читательской почты показывает, что заидеологизованность и чрезмерная политизация журнала во многом подрывали к нему доверие, не способствовали привлечению новых читателей, уставших от пропагандистской войны. Журнал не может служить местом для псевдоидейных схваток, выражения личных политических и иных пристрастий, давать повод для разжигания шовинистических настроений, взаимной неприязни, подозрительности. Журнал должен последовательно и твердо придерживаться таких принципов, как объективность и преданность истине, доказательность, беспристрастность, информативность, консолидировать читателей на идеях патриотизма, любви к отечественной военной истории. В-третьих, в интересах повышения научного уровня журнала необходимо больше внимания уделять освещению общих проблем и методологии военной истории, проверке достоверности в освещении различных военно-исторических событий, значительная часть которых в прошлом фальсифицировалась.

Каким я вижу содержание журнала в будущем? Прежде всего он должен точно отвечать своему назначению. В связи с этим, полагаю,

большого внимания заслуживают проблемы истории войн и военного искусства, военной политики и военного строительства, теоретических и прикладных вопросов источниковедения, историографии, истории создания оружия и военной техники, проблем военной статистики.

Особо хотел бы отметить, что нынешняя общественная ситуация в стране требует пристального внимания военных историков к теме военных реформ. Как в современных условиях обеспечить военную безопасность страны? Какие для этого требуются вооруженные силы? Что нужно делать сегодня, чтобы избежать югославского варианта гражданской войны? Мы обязаны публиковать материалы по истории отечественных и зарубежных военных реформ, освещать современные аспекты военной реформы в нашей стране. Поэтому мы обращаемся к авторскому активу с просьбой присылать материалы по истории отечественных и зарубежных реформ.

Предполагаем освещать актуальные проблемы теории и истории взаимосвязей общества и армии, ее предназначения, функций и задач, особенностей строительства на различных этапах, использования советской военной мощи в вооруженных конфликтах, интернациональной миссии Советской Армии в ее подлинном значении, социальной политики и межнациональных отношений в Вооруженных Силах. Большое внимание уделим объективному освещению белых пятен, которых в отечественной военной истории еще немало.

Нельзя считать нормальным тот факт, что на протяжении последних лет журнал фактически отстранился от освещения хода разработки десятилетиями Истории Великой Отечественной войны, не поддерживал тесных связей с Институтом военной истории. Такое противостояние

значительно ограничивало творческие возможности журнала. Об издержках и прямых ошибках, а также устарелости методологии при освещении истории Великой Отечественной войны справедливо писал в журнале «Вопросы истории» (1991, № 2—3) доктор исторических наук А. Н. Мерцалов. Коллектив редакции благодарен ему за высказанные критические замечания и искреннее беспокойство за состояние военной историографии в стране и научного уровня нашего журнала. С октябрьского номера начинаем публикацию материалов из первых четырех томов Истории Великой Отечественной войны советского народа, подготовленных Институтом. Читатель самостоятельно по первоисточникам должен судить об их качестве, а не по полемическим статьям.

Читатели интересуются, будет ли продолжена публикация архивных материалов и исторических документов. Будет, потому что без них невозможно раскрытие движущих сил и подлинного содержания исторического процесса. Однако я считаю, что в этом деле должна присутствовать система и здравый смысл. Хаотический подбор документов и их публикация без комментариев специалистов — неприемлемый способ обеспечения популярности журнала. Кроме того, следует учитывать, что наше общество вправе рассчитывать на консолидирующую функцию журнала, и мы не намерены подливать масла в огонь социальных, межнациональных и иных конфликтов путем публикации сомнительных и общественно-взрывоопасных материалов.

О творческих планах редакции. Прежде всего хотелось бы отметить, что коллектив редакции много усилий прилагает к тому, чтобы журнал был содержательным, ин-

тересным и удержал свой тираж, который составляет около 120 тысяч. Это один из немногих военных журналов, который обходится без дотаций. Перспективный план работы журнала в 1992 году мы публикуем в ближайшее время. Но уже сейчас могу сказать, что мы получили рукописи интересных материалов по военной истории дооктябрьского периода, гражданской и Великой Отечественной войн, истории советской военной доктрины, неопубликованные воспоминания советских военачальников. Мы намерены продолжить освещение кадровой политики в Советских Вооруженных Силах в 20—30-е годы, начать публикацию кратких биографий командующих фронтами, армиями, командиров корпусов и дивизий, историю объединений, соединений и частей, начиная с Петровской эпохи.

Есть у нас и проблемы, которые тормозят повышение эффективности работы журнала, наращивание его научного потенциала, привлечение новых читателей. Одна из них — это отсутствие возможностей для информатизации и компьютеризации редакционно-издательской деятельности. Мы не имеем собственного финансового счета и не готовы к рыночным отношениям.

Редколлегия и редакция рассчитывают на то, что профессиональные историки и все, кто интересуется вопросами отечественной военной истории, примут активное участие в совершенствовании методологии ее освещения, помогут поднять теоретический уровень «Военно-исторического журнала», сделать его содержание полезным и интересным для широкого круга читателей, воспитывать высокие патристические чувства.

Полковник В. С. ЕЩЕНКО

(Гонорар за этот материал перечисляется в Фонд защиты музея В. И. Ленина)

НА С. 1 ОБЛОЖКИ. Вверху: Нина Алексеевна Лобковская (1991 г.). В годы войны — командир роты снайперов 3-й Ударной армии (фото А. Е. ШАДРИНА). Внизу: концлагерь в Польше, в котором замучено и сожжено 100 тыс. русских и поляков (фото из архива).

Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы

16 апреля 1922 года в предместье Генуи Рапалло Г. В. Чичерин и В. Ратенау подписали договор между Советской Россией и Германией.

Советская республика и германское государство взаимно отказались от возмещения военных расходов и убытков, включая убытки от реквизиций в военных условиях, а также от других мероприятий государственных органов сторон, в частности национализации иностранной собственности. Договор предусматривал также отказ от возмещения расходов на содержание военнопленных. Статья 2 определяла принципиально важное обязательство — отказ германской стороны от национализированной в Советской России собственности, от претензий на ее возмещение. Советская Россия в свою очередь отказалась от репараций. Между странами немедленно возобновлялись дипломатические и консульские отношения, была достигнута договоренность о всестороннем развитии экономических отношений. В договоре отмечалось, что для общего правового положения граждан обеих сторон и для общего урегулирования взаимных торговых и хозяйственных отношений должен действовать принцип наибольшего благоприятствования.

Рапалльский договор явился первым официальным международным признанием равноправия систем собственности — социалистической и капиталистической. Советское правительство рассматривало этот договор как образец регулирования отношений с капиталистическими странами в условиях мирного сосуществования. Это был удар по империалистической политике изоляции Советской России, ознаменовавший

провал планов создания единого антисоветского фронта капиталистических держав.

Он означал также прекращение полной политической изоляции Германии, содействовал восстановлению ее международного положения. Наша страна явилась первым государством, которое после войны признало побежденную Германию в качестве равноправного партнера.

Сотрудничество в духе Рапалло было выгодным и плодотворным для обеих стран, охватывало широкий спектр отношений, включая взаимодействие в военной области. Кстати сказать, этот аспект их взаимоотношений отечественной историографией почти не затрагивался. Более того, он тщательно замалчивался, создавался эффект его отсутствия. Между тем можно полагать, что именно военное сотрудничество являлось одной из основ советско-германских отношений рапалльского периода, и, несмотря на противоречивость и различные трудности в реализации связей в военной области, практическая польза от него для обеих сторон была достаточно велика. Так, советской стороне военное сотрудничество позволяло улучшать вооруженность Красной Армии, повышать квалификацию ее состава, а Германии в обход военных ограничений Версальского договора осуществлять подготовку военных кадров и производство вооружений.

Таким образом, публикуя статью, подготовленную на основе архивных материалов МИД СССР, редакция надеется, что этим внесится определенная лепта в дело исследования неизвестных страниц истории нашей Родины и что она будет интересна широкой читательской аудитории.

Побудительной причиной двустороннего советско-германского военного сотрудничества являлось наличие общих врагов. Самым опасным из них была тогда Польша, притязания которой к соседям активно поддерживали бывшие союзники России по войне — Франция и Англия.

В 1920 году резкое обострение германо-польских споров по территориальным вопросам едва не переросло в вооруженный конфликт (Силезия, Восточная Пруссия). Кризис в советско-польских отношениях в апреле 1920 года привел к войне, развязанной Ю. Пилсудским. 6 мая белополяки заняли Киев, но уже в июне польские войска, теснимые частями РККА Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского, оказались вынуждены отойти за линию, где они находились до похода на Киев.

Примерно тогда же в руководстве германского рейхсвера и вызревали планы военного союза с «советским большевизмом» для ликвидации последствий Версальского договора и восстановления общей границы между Германией и Россией на возможном большем протяжении¹.

Первые контакты с целью наладить военное сотрудничество имели место как минимум уже в августе — сентябре 1920 года. Их вдохновителем и наиболее активным сторонником с немецкой стороны был генерал Х. фон Зект (Сект), главнокомандующий сухопутными войсками рейхсвера. Его планы были направлены на то, чтобы Германия и Советская Россия взяли Польшу в клещи. Более того, наблюдая за успешными действиями Красной Армии в польско-советской войне 1920

года (до сражения под Варшавой), он считал возможным, опираясь на союз с Советской Россией, ликвидировать последствия Версаля.

Уже в августе того же года Зект через посредничество Энвер-паши² установил тайные контакты с Председателем Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцким, о которых в германских правящих кругах знал только канцлер Вирт, его кабинет был информирован об этом лишь после заключения Рапалльского договора³.

Однако, как сообщал наркому иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину в письме от 20 сентября 1920 года В. Л. Копп, являвшийся руководителем Советской миссии по делам военнопленных в Германии и неофициальным представителем Советского государства в Берлине, после неудач Красной Армии в советско-польской войне в августе 1920 года (особенно после сражения под Варшавой, где РККА потерпела сокрушительное поражение, определившее и общий исход войны), «идея восточной ориентации (в Германии. — С. Г.) ...сильно поблекла»⁴. На передний план вышла другая идея — долговременного военного сотрудничества, активно поддерживаемая обеими сторонами.

Концепция двустороннего военного сотрудничества была намечена в результате серии секретных двусторонних переговоров в Москве и Берлине в 1920—1923 гг. Так, в письме Г. В. Чичерину от 2 декабря 1920 года В. Л. Копп сообщал об одной из бесед с Зектом, в которой тот говорил о желательности «установить более тесный контакт между германским генштабом и нашими военными властями». При этом Зект настаивал на том, чтобы германские военные специалисты принимали участие в создании советской военной промышленности с целью использования ее затем «как источника вооружения для разоруженной Германии при столкновении ее с Антантой». Он дал понять, что в случае вооружен-

¹ Согласно подписанному 28 июня 1919 г. Версальскому договору германская армия не должна была превышать 100 тыс. человек. Офицерский корпус ограничивался 4000 человек. Германский генштаб ликвидировался, и его восстановление запрещалось. Всеобщая воинская повинность отменялась. Германия запрещалось проводить какую бы то ни было военную подготовку в учебных заведениях, а также иметь тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, дирижабли и военную авиацию. Она лишалась права аккредитовывать в других странах свои военные миссии, германские граждане не имели возможности поступать на военную службу и получать военную подготовку в армиях других государств. Версальский договор делал лишь одно исключение: немцам разрешалось служить во французском иностранном легионе.

² Бывший турецкий военный министр (1914—1918 гг.), инициатор заключения Турцией военного союза с Германией в первой мировой войне.

³ Schieder T. Die Probleme des Rapallo-Vertrages. Eine Studie über die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1922—1926. — Köln und Opladen, 1956. — S. 24—25.

⁴ Архив внешней политики СССР (далее АВП СССР), ф. 04, оп. 13, п. 73, д. 1038, л. 1.

ного столкновения с Польшей Германия рассчитывает на помощь Советской России, и выразил готовность оказать поддержку в закупках оружия и содействие при вывозе военных материалов, закупленных советским представителем в Германии. Одновременно Зект заявил, что германский генштаб согласен помочь в получении сведений о Польше⁵.

В начале 1921 года для осуществления связей с наркоматом обороны и руководством Красной Армии в военном министерстве Германии была создана «Зондсгруппа Р», именуемая советской стороной «Вогру» (то есть военная группа. — С. Г.), а в 1923 году при германском посольстве в Москве — его исполнительный орган «Центр Москва», который возглавил полковник Лит-Томзен.

Попеременно в течение 1921 года в Москве и Берлине шли интенсивные переговоры. В их ходе, как писал Г. В. Чичерин В. И. Ленину, «т. Копп сыграл подготавливательную и инициативную роль». По предложению В. И. Ленина именно Коппу и было поручено вести переговоры в Берлине.

В результате Политбюро ЦК РКП(б) был принят план восстановления военной и мирной промышленности РСФСР «при помощи немецкого консорциума, предложенный представителем группы виднейших военных и политических деятелей» Германии⁶. Об этом упоминается в записке Г. В. Чичерина в ЦК РКП(б) от 10 июля 1921 года, который, в частности, писал, что «первоначально немцы больше всего интересовались военной промышленностью⁷. Производимое вооружение

оставалось бы у нас... на складах до момента новой войны. На наш вопрос, как решаются немцы оставить на складах у нас это оружие без гарантий, они отвечали, что гарантия — единство политических интересов... Для финансирования предприятия образован консорциум по инициативе «Дойче Ориентбанк», в который входят все крупнейшие банки в Германии, за исключением связанной со Стайнессом «Дискоито-Гезельшафт». От нас требуются юридические гарантии (правовые основы предприятия) и финансовые: гарантия прибыли минимум 6%, а группа военных и политических деятелей депонирует сумму для обеспечения от излишнего риска»⁸.

Уже в сентябре 1921 года в Берлине состоялись секретные переговоры между Л. Б. Красиным (с советской стороны участвовал также В. Л. Копп) и руководством рейхсвера⁹.

К этому времени ввиду возникших между «Вогру» и промышленниками трений, грозивших провалить все дело, руководство рейхсвера решило «целиком и окончательно» отделить соглашение с «Вогру» от соглашения с промышленниками. 20 сентября 1921 года Копп информировал Чичерина о том, что были достигнуты конкретные условия сотрудничества, в соответствии с которыми «Вогру» дает советской стороне заказы на производство самолетов, тяжелой артиллерии и других предметов военного снаряжения, гарантирует оплату депонированием суммы, пополняемой по мере выполнения и сдачи заказа, а также кредиты для пополнения оборудования советских заводов. В свою очередь та обязывалась привлечь для исполнения заказов германские фирмы по указанию «Вогру» и гарантировать «Вогру» непосредственное участие ее военно-технических кадров при выполнении ее заказов на советских заводах¹⁰.

Кроме того, советская сторона в целях восстановления оборонной промышленности давала обязатель-

⁵ Там же, лл. 69—70.

⁶ Там же, ф. 082, оп. 4, п. 4, д. 2, лл. 12, 27.

⁷ Примерно в то же время, в июле-августе 1921 г., в Москве появился первый уполномоченный от рейхсвера О. фон Нидермайер, действовавший под псевдонимом Нойман. С согласия советской стороны он совершил ознакомительную поездку по оборонным заводам и верфям Петрограда, на восстановление которых при помощи немецкого капитала и специалистов, а затем на значительные заказы из Германии та рассчитывала. Нидермайера в его поездке сопровождали заместитель наркома иностранных дел Советской России Л. М. Карахан, В. Л. Копп и руководитель германской миссии по делам военнопленных в Советской России Г. Хильгер.

См. Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918—1945. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. — Frankfurt-am-Main, Bonn, 1964. — S. 189—190; Carr E. H. German-Soviet Relations between the Two World Wars, 1919—1939. — Baltimore, 1951. — P. 57—58.

⁸ АВП СССР, ф. 082, оп. 4, п. 4, д. 2, л. 12.

⁹ Главнокомандующий рейхсвером генерал Х. фон Зект, начальник генштаба генерал В. Хайе, начальник оперативного отдела генштаба полковник О. Хассе, начальник снабжения рейхсвера полковник Л. Вурдбахер, уполномоченный рейхсвера в РСФСР О. фон Нидермайер.

¹⁰ АВП СССР, ф. 082, оп. 4, п. 4, д. 8, л. 104.

ство создать трест, в который бы вошли основные предприятия по изготовлению тяжелой артиллерии (Мотовилиха, Царицын), самолетов (Рыбинск, Ярославль), пороха, снарядов и т. д. Было договорено, что наблюдательный совет треста будет составлен из представителей Советского правительства и «Вогру» (формально трест должен был финансироваться советской стороной, по существу же все необходимые средства намечалось предоставлять «Вогру»). Планировалось, что программу составят «Вогру» и штаб Красной Армии. Для обсуждения программы и обследования состояния заводов, предложенных для военно-промышленного треста, «Вогру» предполагалось делегировать в Москву военно-техническую комиссию. Советская сторона принимала все необходимые организационные меры. В качестве первого пункта подлежащей исполнению программы признавалось производство самолетов.

Давая отчет по итогам переговоров, Копи сообщал Председателю ВСНХ П. А. Богданову в письме от 24 сентября 1921 г., что «в военной области... уже изготовлен список первого заказа. Основные цифры следующие: 1000 самолетов, 300 полевых орудий, 300 тяжелых орудий, 200 зенитных, 200 пулеметов, 200 броневых автомобилей, по 3000 штук снарядов для каждого орудия»¹¹.

С декабря 1921 по май 1922 года упомянутая военно-техническая комиссия, в состав которой вошли представители «Вогру», «Круппа» и «Юнкерса», находилась в РСФСР. Она осмотрела интересовавшие ее заводы и вела переговоры о заключении концессий.

Следует отметить, что наряду с этим с 15 января по 17 февраля 1922 года в обеих столицах, а затем в первых числах апреля 1922 года в Берлине по инициативе В. И. Ленина шли переговоры о советско-германских контактах на предстоявшей Генуэзской конференции. Интересно, что в состав германской делегации для участия в конференции в Генуе в качестве военного советника был включен уже известный нам гене-

рал-майор О. Хассе. И хотя вопросы военного сотрудничества при заключении 16 апреля 1922 года Рапалльского договора не затрагивались, наличие всех приведенных фактов в одной цепи весьма симптоматично. Во всяком случае заключение этого договора создало крепкую правовую базу для становления межгосударственных отношений и налаживания всестороннего советско-германского сотрудничества.

Пару месяцев спустя, в июне 1922 года, Чичерин, негодуя по поводу беспардонной деятельности чекистов в отношении немецких партнеров по военным переговорам в Москве, писал своему заместителю Л. М. Карахану: «Наиболее важным я считаю дело «Вогру». Тут мы нагнали больше, чем в чем-либо другом. Идиотское вмешательство Уншлихта грозит уничтожением одному из главнейших факторов нашей внешней политики»¹². Вот так. Сотрудничество с рейхсвером через «Вогру» нарком иностранных дел Г. В. Чичерин считал уже тогда, «одним из главнейших факторов нашей внешней политики». И у него, как очевидно, были на это достаточные веские основания.

После продолжительных переговоров 26 ноября 1922 года в Москве были подписаны концессионный договор с самолетостроительной фирмой «Юнкерс» о производстве металлических самолетов и моторов, а также еще два договора — об устройстве транзитного сообщения Швеция — Персия и об организации аэросъемки. Договор о производстве металлических самолетов и моторов заключался на 30 лет, фирме передавался в аренду Русско-Балтийский завод в Филях под Москвой. Производственная программа устанавливалась в размере 300 самолетов в год, серийный выпуск самолетов должен был начаться не позднее 1 октября 1923 года, а серийный выпуск моторов — через год после подтверждения договора¹³.

Уже в январе 1923 года в Берлин с целью размещения военных заказов выезжала делегация во главе с заместителем председателя РВС

¹² И. С. Уншлихт в 1921—1923 гг. был заместителем председателя ВЧК (ГПУ). АВП ССР, ф. 04, оп. 69, п. 454, д. 26, л. 6.

¹³ Там же, ф. 0165, оп. 2, п. 111, д. 61, лл. 34—88.

¹¹ Там же, оп. 13, п. 74, д. 1066, л. 44; ф. 082, оп. 4, п. 4, д. 8 л. 104.

Республики Е. М. Склянским. В феврале и апреле того же года группа высших офицеров рейхсвера во главе с Хассе («комиссия немецкого профессора Геллера») продолжила эти переговоры в Москве. А в июле Главный начальник воздушного флота Республики и председатель Главконцесскома А. П. Розенгольц вел в Берлине переговоры с канцлером В. Куно, а после его отставки в августе 1923 года их продолжил Г. Штреземан.

В итоге наряду с созданием смешанных русско-германских предприятий и концессий на территории СССР создавались замаскированные под них военно-промышленные предприятия, на которых выполнялись и немецкие военные заказы. Для маскировки финансирования предприятий и координации их деятельности немецкой стороной военное министерство Германии в августе 1923 года основало «Общество содействия промышленным предприятиям» (ГЕФУ) с местоположением в Берлине и Москве, обеспечив его необходимым производственным капиталом. Руководство ГЕФУ было возложено на майора рейхсвера Ф. Чунке. В частности, речь шла о самолетостроительном заводе в Филях при участии «Юнкерса», химзаводе «Берсоль» по производству отравляющих веществ близ Самары с участием «Штольценберга» и производстве боеприпасов для артиллерии на различных советских заводах (Златоуст, Тула, Петроград) «при немецком техническом содействии» с помощью «Круппа»¹⁴. Корни на нашей земле пустили «БМВ» (танковые и авиационные моторы), «Карл Вальтер» (стрелковое оружие), «Рейнметалл», «Сименс» и др.

Переговоры велись и о других проектах. Так, например, в донесении советского представителя в Германии В. Л. Коппа Председателю РВС Республики Л. Д. Троцкому от 7 апреля 1921 года речь шла о концессии с фирмой «Блом унд Фосс» с целью производства подводных лодок¹⁵.

Наиболее удачным оказалось сотрудничество с «Юнкерсом»: к 1925 году авиационный завод в Филях,

на котором по договору с фирмой осваивалось производство цельнометаллического самолета, превратился во флагман советского самолетостроения. Плодотворным было и сотрудничество с «Круппом».

Другим важным направлением «военно-технических контактов» являлась деятельность военно-учебных центров рейхсвера. Результатом уже упоминавшихся переговоров и других контактов явился ряд договоренностей, в соответствии с которыми на территории СССР в 1924—1928 гг. были организованы военные учебные центры рейхсвера: летная школа под Липецком, танковая школа под Казанью, аэрохимическая опытная станция под Саратовом (или школа химической войны, так называемый «объект Томка»), где проводились испытания химического оружия. Для осуществления координации работы этих объектов Зект в 1924 году назначил О. фон Нидермайера¹⁶, формально находившегося в подчинении Лит-Томзена.

По свидетельству Г. Хильгера, советника германского посольства в Москве в 1922—1941 гг., за период существования летной школы под Липецком прошли обучение сотни немецких летчиков. Одновременно в ней обучались и советские пилоты, с успехом перенимавшие опыт и знания немецких коллег. Ценность летной и танковой школ заключалась в том, что обучавшиеся в них могли знакомиться с новейшими типами самолетов и танков.

В сентябре 1925 года советские командиры во главе с членом РВС СССР, помощником начальника штаба РККА М. Н. Тухачевским впервые присутствовали на маневрах рейхсвера. Причем это был «ответный визит». Первый секретарь полпредства СССР в Германии Штанге писал в дневнике: «Тов. Тухачевский... отметил важное значение, которое имеет более детальное ознакомление представителей обеих армий. Он указал, что сейчас он и его коллеги присутствовали, так сказать, на экзамене, но они не видели еще своих германских товарищей в повседневной жизни и работе». И далее о впечатлениях офицеров гер-

¹⁴ Hilger G. Op. cit. — S. 191; Schieder T. Op. cit. — S. 27.

¹⁵ Carr E. H. Op. cit. — P. 57.

¹⁶ Rosenfeld G. Sowjetunion und Deutschland 1922—1933. — Berlin, 1984. — S. 271, 272.

манского генштаба: «...я должен, во-первых, отметить, видимо, совершенно искреннее удовлетворение, вынесенное как из поездки германских представителей в СССР, так и из посещения Германии нашими товарищами. Полковник и майор¹⁷, оба рассыпались в комплиментах по адресу наших товарищей, искренне удивляясь их эрудиции даже в отношении немецкой военной литературы. Должен добавить, что внешнее впечатление, которое производили прибывшие товарищи, было действительно великолепно. Они держали себя с большой выдержкой и тактом, причем в то же время не чувствовало абсолюто никакой натянутости. Немцы, приехавшие из СССР, в полном восторге от оказанного им там приема»¹⁸.

После 1925 года взаимный обмен и посылка на маневры и крупные учения военных делегаций из высшего командования армий обеих стран стали регулярными¹⁹. Более того, до 1930 года Германия была, пожалуй, единственной страной, чьи офицеры участвовали в крупных осенних маневрах Красной Армии.

Посол Германии в Москве Брокдорф-Ранцау, опасаясь негативной реакции стран Антанты, поначалу отнесся к этим контактам крайне негативно. Но уже в 1923 году он изменил точку зрения по данному вопросу, увидев в связях по военной линии средство усиления политических отношений между двумя странами. Если учесть, что, по свидетельству Х. фон Дирксена, возглавлявшего в тот период Восточный отдел МИД Германии, «центр тяжести политики... в отношении России находился не в МИДе в Берлине, а у нашего посла в Москве, графа Брокдорфа-Ранцау», то можно, очевидно, не сомневаться в истинном значении военного сотрудничества для взаимоотношений обеих стран. Ранцау поддержал выдвинутое советской стороной предложение о финансировании рейхсвером военно-

промышленных проектов Советского Союза в обмен на возможность создания в СССР военных учебных центров рейхсвера.

Однако значительного, как это представляла себе советская сторона, наращивания взаимного, главным образом военно-промышленного, сотрудничества не произошло. Немецкая сторона объясняла невозможность увеличить объемы военно-промышленной помощи опасениями утечки информации в страны Антанты, что вызвало бы немедленную и соответствующую реакцию с их стороны. Инфляция в Германии, изменение экономической ситуации в Советском Союзе, которое свело на нет фактор дешевой рабочей силы, ужесточение надзора на немецкими специалистами со стороны ГПУ не могли не отразиться на атмосфере этого сотрудничества. Имели также место взаимное недоверие и даже открытая неприязнь между специалистами обеих сторон, непосредственно взаимодействовавшими друг с другом.

Но, пожалуй, самым существенным было то, что в 1925—1927 гг. Германия начала вновь активно включаться в мировую политику. Отношения же с Советским Союзом были нужны главным образом для выхода из политической изоляции после поражения в первой мировой войне и использовались германской дипломатией в качестве козыря во внешнеполитической игре с западными державами.

К концу 1925 года военно-промышленное сотрудничество при посредничестве ГЕФУ переживало довольно критический момент. Не случайно советский полпред в Германии Крестинский в одной из бесед с Зектом в конце января 1926 года вынужден был констатировать: «...подводя деловые итоги совместной трехлетней работы вынуждены признать, что работа эта почти ничего не дала»²⁰. Неоднозначно военное сотрудничество воспринималось и в тех советских кругах, от которых зависело его продолжение или замедление и свертывание (в первую

¹⁷ Офицеры германского генштаба О. фон Штюльпнагель и Х. Фишер.

¹⁸ АВП СССР, ф. 04, оп. 13, п. 87, д. 50123, л. 19.

¹⁹ Известно, что помимо Тухачевского на маневрах рейхсвера в Германии присутствовали В. К. Триандафиллов, И. В. Уборевич, И. Э. Якир, А. И. Корк, В. К. Путна, Р. П. Эйдеман, Э. Ф. Аллога, К. А. Мерецков, А. И. Егоров и другие.

²⁰ В конце концов в июле 1927 г. ГЕФУ, обанкротившееся в результате финансовых махинаций его руководителей, было ликвидировано и его функции взяла на себя организация ВИКО — «Хозяйственная контора».

очередь руководителем советского военного ведомства К. Е. Ворошиловым).

Тем не менее, учитывая общую внешнеполитическую ситуацию в те годы и политическое значение военного аспекта сотрудничества для взаимоотношений двух стран, а также его практическую пользу в деле повышения боеспособности и выучки РККА, Крестинский настоял на проведении в Берлине в марте 1926 года переговоров советской военной делегации во главе с заместителем Председателя РВС И. С. Уншлихтом с высшим политическим и военным руководством Германии (канцлером Х. Лютером, министром иностранных дел Г. Штресеманом, военным министром О. Гесслером, главнокомандующим рейхсвером Х. фон Зектом, начальником оперативного штаба рейхсвера О. Хассе).

Уншлихт привез развернутую программу наращивания двустороннего военного сотрудничества, которая была обсуждена с руководством рейхсвера. На беседе с Лютером, Штресеманом и Зектом 30 марта 1926 года Уншлихт и Крестинский вновь ее изложили и предприняли попытку добиться ее одобрения политическим руководством Германии. Но Лютер и Штресеман уклонились от обсуждения выдвинутых советской стороной предложений, сославшись на ограничения Версальского договора. План, таким образом, не был принят.

С одной стороны, сыграли свою роль противоречия между ведомственными интересами рейхсвера и политического руководства Германии. Об этом Уншлихт и Крестинский открыто сказали на переговорах с Гесслером и Зектом год спустя, в июле 1927 года²¹. С другой стороны, именно в этот период шла форсированная переориентация внешней политики Германии с Востока на Запад. На конференции в Локарно в октябре 1925 года все ее участники высказались за вступление Германии в Лигу Наций. 16 октября 1925 года в Локарно состоялось подписание Рейнского гарантийного пакта, закрепившего статус-кво ее западных

границ. В марте 1926 года на чрезвычайной сессии Лиги Наций в Женеве решался вопрос о приеме Германии и предоставлении ей места постоянного члена Совета. Но из-за претензий Польши, Испании и Бразилии на это место ее прием был отложен²². Как раз в это время в Берлин и приехала военная делегация во главе с Уншлихтом. Естественно, расширение военного сотрудничества с Советским Союзом, если бы об этом стало известно, «лишило бы Германию всякого политического кредита в (западном) мире»^{22а}.

До конца 1926 года военное сотрудничество держалось в тайне. Тучи стали сгущаться уже к осени того же года, после отставки Зекта. К декабрю фирма «Юнкерс», выполнявшая военный заказ по созданию авиационного завода в СССР, попав в финансовые затруднения, вынуждена была представить в рейхстаг меморандум, подробно отражавший ее контакты с «Зондергруппой Р» военного министерства и советской стороной.

Приобретая этот меморандум, влиятельная английская газета «Манчестер Гардиан» 3 декабря 1926 года выступила с резкой критикой обеих сторон. На другой день с нападками на СССР и рейхсвер выступил социал-демократический «Форвертс». В том же ключе прозвучали выступления депутатов СДПГ в рейхстаге. Стали известны и советские поставки морем снарядов и гранат для рейхсвера. (В прессе Германии это получило хлесткое название «гранатной аферы».)

В условиях нагнетания Англией напряженности в англо-советских отношениях (27 мая 1927 года Англия разорвала дипломатические отношения с СССР) советская сторона имела все основания для опасений относительно прекращения Германией двустороннего военного сотрудничества. Поэтому она старалась добиться того, чтобы правительство Германии, которое до тех пор практически не вмешивалось в эту область взаимоотношений с Советской Россией, считавшуюся прерогативой

²¹ АВП СССР. ф. 0165, оп. 5, п. 123, д. 146, лл. 107—111;

Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945 (ADAP); Ser. B, Bd II/I, S. 262—265; Ser. B., Bd. IV, S. 125.

²² 8 сентября 1926 г. VII сессия Ассамблеи Лиги Наций приняла решение о приятии Германии в Лигу и предоставлении ей постоянного места в Совете Лиги.

^{22а} ADAP. Ser. B., II/I, S. 258, 259.

руководства рейхсвера, сделало официальное заявление о продолжении этого сотрудничества на легальной базе.

7 мая 1927 года заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов поставил вопрос об этом перед германским послом в Москве Брокдорфом-Ранцау. Об этом же шла речь и во время переговоров Уншлихта с главнокомандующим рейхсвером генералом В. Хайс, сменившим Зекта, в июле 1927 года в Берлине.

В августе 1927 года Брокдорф-Ранцау, получив полномочия от Штреземана, в беседе с Чичерин²² официально уведомил Советское правительство о том, что германское правительство не имеет ничего против дальнейшего функционирования военного учебного центра рейхсвера в Казани. Таким образом, продолжение военного сотрудничества, несмотря на его крайне нежелательную для обеих сторон огласку, явилось своего рода индикатором сохранения рапальской политики.

Весьма интересными в данной связи представляются воспоминания германского дипломата Г. Хильгера. Он отмечал, что, несмотря на разоблачения, «Берлин и не думал прекращать прежней политики. Более того, все... начиная со Штреземана, были полны решимости не только в том же объеме продолжать военное сотрудничество, но и, пусть очень осторожно, интенсифицировать его»²³.

Однако с 1928 года в условиях начавшегося свертывания в СССР новой экономической политики в нашей стране стали стремительно нарастать подозрительность, недове-

рие, а зачастую и открытая враждебность к иностранным специалистам. Одно время довольно остро стоял вопрос о целесообразности продолжения военного сотрудничества и контактов между Красной Армией и рейхсвером. Была создана даже комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по этому вопросу. Крестинскому пришлось употребить все свое дипломатическое искусство, на этот раз уже в переписке со Сталиным и Ворошиловым, с тем чтобы показать все плюсы военного сотрудничества для советской стороны и не допустить разрыва. К тому времени уже осуществлялись взаимное участие наблюдателей на маневрах, посылка комсостава РККА на стажировку в военную академию и даже обмен разведданными по некоторым вопросам. На повестку дня был поставлен вопрос об установлении контактов между военными флотами обеих стран²⁴.

Военное сотрудничество продолжалось до середины 1933 года и было свернуто с приходом к власти в Германии А. Гитлера²⁵.

²² АВП СССР, ф. 0165, оп. 7, п. 140, д. 234, лл. 71—78.

В августе 1929 г. впервые состоялся заход военных кораблей Советского Балтфлота (2 крейсера и отряд эскадренных миноносцев) в германские порты Свинемюнде и Цилау (см. АВП СССР, ф. 0165, оп. 14, п. 157, д. 8, лл. 40, 46).

²³ Так, еще в мае 1933 г. довольно представительная делегация рейхсвера под руководством генерал-лейтенанта фон Бокельберга присутствовала на военных маневрах в СССР. Делегацию принимало высшее военное руководство СССР (см. АВП СССР, ф. 05, оп. 13, п. 91, д. 27, л. 40).

**С. А. ГОРЛОВ, третий секретарь
Отдела научных исследований
Историко-дипломатического
управления МИД СССР**

²⁴ Hilger G. Op. cit. — S. 198.

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ход боевых действий и причины возникновения советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг. советской историографией замалчивались. Имела право на существование лишь официальная версия, характеризующая политику правительства Финляндии как отражающую глубокую враждебность к Советскому Союзу и призванную довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами. Документы же, отражающие события периода советско-финляндской войны, в Центральном государственном архиве Советской Армии в течение длительного времени лежали не тронутыми.

По сей день судьба многих бойцов и командиров, погибших и пропавших без вести в период с 30 ноября 1939-го по 13 марта 1940 года, остается неизвестной даже для их родственников.

Поводом для обращения к теме данной публикации послужил пришедший в ЦГАСА в октябре 1988 года запрос военного комиссариата Севастопольского района Москвы. В нем содержалась просьба установить судьбу полковника Волкова Онуфрия Иосифовича, бывшего начальника штаба 44-й дивизии имени Щорса, связь с которой прервалась в период декабря 1939-го — сентября 1940 года. Почти полвека вдова О. И. Волкова не имела сведений о муже. Пересмотр степени секретности архивных документов, расширение исторической базы позволили провести поиск. Он увенчался успехом. Однако многие документы, касающиеся истории советско-финляндской войны, еще ждут своих исследователей.

30 НОЯБРЯ 1991 года исполнится пятьдесят два года с того дня, как на северо-западе страны войска Красной Армии пересекли государственную границу и началась советско-финляндская война.

Бои развернулись на тысячекилометровом фронте от побережья Баренцева моря до Финского залива. Для руководства действиями советских войск, расположенных на участке Кандалякша — Кемь, было сформировано управление 9-й армии, перед войсками которой ставилась задача за короткий срок выйти через Финляндию к Ботническому заливу. В 9-ю армию наряду с другими частями и соединениями вошла 44-я стрелковая дивизия, прибывшая из Киевского военного округа.

Первоначальным вариантом оперативно-го плана 9-й армии предусматривалось нанесение удара на левом фланге (на ребольском направлении) силами 44-й и 54-й стрелковых дивизий, однако в связи с неустойчивым положением в центре (на ухтинском направлении), на участке 163-й стрелковой дивизии, 44-я стрелковая дивизия была перебросена на центральное направление действий армии. Дивизия получила задачу выдвинуться по дороге Важенвара — Суомуссалми и оказать помощь 163-й стрелковой дивизии в уничтожении группировки противника в районе Суомуссалми.

К 14 декабря 1939 года на станцию Кемь прибыли и разгрузились эшелоны 44-й стрелковой дивизии: управление, 305-й стрелковый полк, по два батальона 25-го и 146-го стрелковых полков, дивизион 122-го артиллерийского полка, отдельный

танковый батальон, противотанковый дивизион и отдельный разведывательный батальон в половинном составе¹.

Военный совет 9-й армии из-за нехватки автотранспорта принял решение перебрасывать прибывшие части дивизии комбинированным способом: на автомашинах и походным маршем. Это решение привело к тому, что части 44-й дивизии (сд) вступали в бой прямо с марша, без предварительного сосредоточения на исходном рубеже. Уже 16 декабря 3-й батальон 305 сп вступил в бой с противником на 25-м километре Важенварской дороги², тогда как остальные части подтягивались к району оборонительной полосы противника до 1 января 1940 года. Причем, как отмечалось в последующих докладах прокуроров Главной военной прокуратуры и 9-й армии на имя заместителя наркома обороны СССР Л. З. Мехлиса о причинах поражения 44 сд, «отдельный разведывательный батальон, который должен был обеспечить глубокую разведку противника, и отдельный саперный батальон, который по местным условиям был совершенно необходим для расчистки придорожного леса, постройки блокгаузов, мостов и прочих сооружений, прибыли в самом арьергарде дивизии, вместо того чтобы быть впереди»³.

В отдельных частях 44 сд из-за разновременности подхода подразделений к передовой линии также не было организовано их управление. Так, 1 сб 25 сп прибыл в Важенвара 19—20 декабря, 2 сб этого же полка — 25 декабря, 3 сб — только 27 декабря. В связи с этим 1 сб 25 сп первоначально был передан в подчинение командиру 305 сп, а затем вновь возвращен в состав 25 сп.

Как показали последующие события, ни командование, ни личный состав дивизии перед началом боевых действий в условиях лесисто-озерной местности не были ознакомлены с особенностями финского театра военных действий и тактики противника. Кроме того, в дивизии не хватало лыж⁴, а лыжная подготовка, как следует из записи в «Журнале боевых действий 44 сд», была начата только в канун 1940 го-

да⁵. Личный состав полков мог передвигаться в основном только по дороге. Глубокий снег становился серьезным препятствием для передвижения и совершения каких-либо маневров.

Впоследствии вина за все упущения была возложена на командование дивизии. Однако следует отметить, что отсутствию должного опыта у командования 44 сд способствовала политика, проводившаяся в конце 30-х годов в отношении РККА в целом: в результате репрессий против командного состава быстро продвинулись по службе и заняли командные должности люди, не вполне соответствовавшие занимаемым постам и не имевшие необходимых знаний и опыта.

В этом отношении продвижение по службе командира и начальника штаба 44 сд являлось вполне типичным. Так, в послужном списке командира 44 Алексея Изановича Виноградова значилось, что в 1936 году он был майором, с июня следующего года командовал 143-м стрелковым полком, в феврале 1938-го досрочно получил звание полковник, в марте того же года был направлен в распоряжение Управления по командно-начальствующему составу РККА. Командиром 44 сд А. И. Виноградов был назначен в январе 1939 года, и тогда же ему было присвоено внеочередное воинское звание комбриг.

Начальником штаба 44 сд был Онуфрий Иосифович Волков, назначенный на эту должность 26 декабря 1938 года. Звание капитан ему было присвоено 30 декабря 1935 года, как окончившему три курса академии РККА имени М. В. Фрунзе, а уже 31 июля 1939 года он стал полковником.

Большинство личного состава 44 сд было слабо обучено и подготовлено к боевым действиям. Основная часть красноармейцев призвана накануне войны. Так, из 3229 человек красноармейцев 25-го стрелкового полка только 900 были кадровыми⁶, т. е. менее 30 проц. всего личного состава.

Опыт боевых действий на финском фронте, в частности соседней 163 сд, ни командованием дивизии, ни штабом 9-й армии учтен не был, поэтому изучать условия войны и постигать партизанскую тактику финнов и командиры, и рядовые должны были непосредственно в процессе боевых действий.

Боевые операции 44 сд в период с 16 декабря 1939-го по 8 января 1940 года раз-

¹ ЦГАСА, ф. 34980, оп. 10, д. 658, л. 1.

² Там же, оп. 5, д. 42, л. 37.

³ Там же, д. 45, л. 12.

⁴ Недостаток лыж был характерен в целом для 9-й армии: так, на 20 января 1940 г. части армии имели некомплект в 10 896 пар лыж, не было лыжных волокуш под пулеметы, лыжных установок под минометы, не хватало саней для обеспечения обоза (ЦГАСА, ф. 34980, оп. 5, д. 7, л. 19).

⁵ Запись в журнале боевых действий 44 сд от 31 декабря 1939 г.

⁶ Там же, д. 44, л. 37.

ворачивались следующим образом. 16 декабря передовые части, двигавшиеся по Важенварской дороге на запад в направлении на Суомуссалми, вошли в соприкосновение с противником. 3-й стрелковый батальон 305 сп занял позицию на 25-м километре этой дороги⁷, получив задачу «наступать вдоль дороги на Суомуссалми и уничтожить противника, перерезавшего путь подвоза 759 сп 163 сд»⁸, и далее выполнять ранее поставленную задачу — соединиться с подразделением 163 сд в районе Суомуссалми. В течение трех дней батальон вместе с приданными ему 312-м танковым батальоном и батареей полковой артиллерии 305 сп неоднократно пытался атаковать противника с фронта, однако успеха эти действия не имели. 20 декабря атака была начата вновь, уже под командованием прибывшего в район боевых действий командира 305-го стрелкового полка, но оказалась такой же безуспешной.

22 декабря на передовые позиции прибыл комбриг А. И. Виноградов, устроивший свой КП на 26-м километре дороги и вступивший в непосредственное командование боевыми действиями дивизии.

23 декабря финские лыжники внезапно напали на батарею пто 305 сп⁹, где не было организовано боевого охранения, и вывели из строя значительное число людей, перебили лошадей. В последующие два дня, также пользуясь тем, что дорога не охраняется, финны устраивали на ней завалы и минировали ее.

24 декабря согласно приказу по 9-й армии № 08/оп от 23 декабря 1939 года А. И. Виноградов дважды намечал атаку, которую каждый раз приходилось откладывать из-за неподготовленности 759 сп 163 сд, наступавшего со стороны Суомуссалми. Неудаче действий 19 — 24 декабря способствовало отсутствие глубокой разведки и незнание фактической обстановки и сил противника.

В последующие дни (вплоть до 1 января) на фронте дивизии установилось относительное затишье, обе стороны накапливали силы для дальнейших действий. Атаки, назначенные военным советом 9-й армии на 28 и 31 декабря, им же были отменены¹⁰. В связи с завалами на Важенварской дороге уже к 29 декабря в частях 44 сд сложилось очень тяжелое положение с продовольствием и фуражом. В

результате люди находились в полуголодном состоянии, а конский состав совершенно истощился¹¹.

К 1 января 1940 года в районе боевых действий сосредоточилась практически вся дивизия. Не подошли только гаубичный артиллерийский полк и разведывательный и саперный батальоны.

Прибывшие части разместились на небольшом участке дороги. Тыловое обеспечение было организовано слабо. Полки подтянули на свои участки весь транспорт и обозы. В результате маневренность их была сильно затруднена, а скопление людей и техники явилось удобной мишенью для противника.

На 1 января 1940 года передовые части дивизии занимали боевой участок по восточному берегу озер Куоляярви и Хатаола. Тылы соединения располагались на 19-м километре дороги. В течение дня противник четырежды переходил в наступление на участке 146 сп, но был отброшен. В ночь на 2 января отряд финских лыжников при поддержке танков вышел на Важенварскую дорогу в расположении 3-го дивизиона 122 ап и после боя, овладев участком дороги между 22-м и 23-м километрами¹², устроил там завал. Тылы дивизии были отрезаны.

Комдив А. И. Виноградов предпринял атаку, чтобы восстановить положение. Одновременно с востока к месту завала должен был выдвинуться отряд в составе части ОРБ и батальона пограничников, однако он был задержан финнами на 22-м километре, и атака с запада была отбита противником.

Атаки на прорыв и обход завала 2 — 4 января также успеха не имели. Выполняя приказ военного совета 9-й армии, части 44 сд неоднократно поднимались в атаку. Приказ командующего армией предусматривал совместные наступательные действия 44 сд и 3-го пограничного полка НКВД, высланного ей на помощь, а также поддержку атаки бомбардировкой расположения противника с воздуха. Однако бомбардировка не была произведена, полк НКВД к началу атаки опоздал, и в результате атаки ударной группы 44 сд были отбиты, противник перешел в контрнаступление и отрезал ударную группу дивизии¹³.

Вечером 4 января самовольно покинул свои позиции 2-й батальон 146 сп, прикрывавший левый фланг дивизии. Этим не

⁷ Там же, д. 45, л. 54.

⁸ Там же, д. 46, л. 125.

⁹ Там же, д. 45, л. 55.

¹⁰ Там же, л. 68.

¹¹ Там же, д. 43, л. 48; д. 45, л. 67.

¹² Там же, д. 46, л. 134, 62; д. 43, л. 67; д. 44, л. 42.

¹³ Там же, д. 46, л. 134.

замедлил воспользоваться противник и перерезал Важенварскую дорогу между 24-м и 25-м километрами¹⁴. В донесении военному совету 9-й армии А. И. Виноградов вечером того же дня просил оказать ему помощь и разрешить отход частей дивизии, а также спрашивал, как быть с техникой и материальной частью.

В свою очередь командующий 9-й армией комкор В. И. Чуйков в 21.00 4 января в донесении наркому обороны СССР маршалу К. Е. Ворошилову сообщал о положении на фронте 44 сд, завалах на Важенварской дороге, нарушении с утра 2 января подвоза питания и давал следующую оценку сложившейся ситуации: «Считаю положение 44-й дивизии очень тяжелым и, если к 4.00 5 января очистить дорогу не удастся и давление противника с юга на стык дорог у 19-го км усилится, прошу разрешения части 44 сд отвести на новый оборонительный рубеж к востоку от 19-го км»¹⁵.

5 января в течение дня финские отряды атаковали части 44 сд на участке 28-го километра дороги в стык расположений 146-го и 25-го стрелковых полков. Со стороны 44 сд была предпринята очередная безрезультатная попытка овладеть завалом на 23-м километре, причем артподготовка отстала от начала атаки на 3 часа¹⁶.

5 — 6 января отдельные группы противника постоянно атаковали части 44 сд на различных участках дороги вплоть до 5-го километра¹⁷.

5 января в 23 часа военный совет 9-й армии отдал приказ, требуя выводить материальную часть и пробиваться к 19-му километру¹⁸, полагая, что этот участок занят советскими частями, тогда как к этому времени он уже был занят противником.

6 января в 22 часа, получив через штаб дивизии в Важенваре разрешение от командующего армией «действовать по своей инициативе»¹⁹, А. И. Виноградов отдал приказ на выход из окружения. Части дивизии были разбиты на две колонны: одна, как ударная, действовала вдоль дороги, другая — в качестве арьергарда. Бой продолжался с 22 часов до шести утра 7 января. Пробиться с техникой не удалось, и Виноградов принял решение, оставив матчасть, отводить людей лесами с север-

ной стороны дороги в обход противника на Важенвара.

К вечеру 7 января первые группы из состава 44 сд, в том числе и командир дивизии, добрались до Важенвара. Еще несколько дней отступали разрозненные части и люди выходили из окружения. Вернулись далеко не все, кто перешел государственную границу в декабре 1939 года.

Только с 1 по 7 января 44 сд потеряла убитыми 1001 человек, ранеными 1430, обмороженными 82, без вести пропавшими 2243 человека. Всего 4756 человек²⁰.

За этот же период потери материальной части составили: винтовок различных образцов — 4340 штук, револьверов и пистолетов — 1235, ручных пулеметов — 251, станковых пулеметов — 97, 45-мм пушек — 30 шт., 76-мм пушек — 40 шт., 122-мм гаубиц — 17 шт., 82-мм минометов — 14 шт. и др.²¹.

За невыполнение поставленной перед дивизией задачи, значительные потери в личном составе и отступление без материальной части, которая практически полностью попала в руки противника, «трусость и паникерство» и «бездарное управление войсками» командование дивизии (А. И. Виноградов, О. И. Волков, начальник политотдела И. Т. Пахоменко) было осуждено военным трибуналом 9-й армии и приговорено к высшей мере наказания — расстрелу. В январе 1940 года приговор был приведен в исполнение перед строем личного состава 44 сд²².

В последующий период военных действий, вплоть до окончания войны 13 марта 1940 года, 44 сд продолжала действовать на этом же участке фронта. После подписания мирного договора государственная граница между СССР и Финляндией в этом районе осталась на прежнем месте.

Приговором военного трибунала по делу командования 44 сд Виноградову, Волкову и Пахоменко вменялось в вину, что они «преступно игнорировали все приказы высшего командования Красной Армии и военного совета 9-й армии о построении на коммуникациях дивизии оборонительных сооружений, блокгаузов, расчистке и разрядке леса по обеим сторонам шоссе... разбросали части дивизии на отдельные отряды и группы, между собой не связанные...», что, «спасая свою шкуру, позорно бежали с небольшой группой людей в тыл»²³.

¹⁴ Там же, л. 135.

¹⁵ Там же, л. 114.

¹⁶ Там же, д. 44, л. 49; д. 46, л. 22.

¹⁷ Там же, д. 43, л. 67.

¹⁸ Там же, д. 44, л. 25.

¹⁹ Там же, д. 44, л. 47; д. 46, лл. 77, 78.

²⁰ Там же, д. 46, л. 11; д. 45, л. 43.

²¹ Там же, л. 12.

²² Там же, д. 7, л. 8.

²³ Там же, д. 218, лл. 34—36.

Аналогичная оценка действиям командования 44 сд была дана и в докладе наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на заседании Главного военного совета весной 1940 года, который сказал, что 44 сд «была блокирована вследствие трусости и предательства со стороны командования дивизии».

Однако в Центральном государственном архиве Советской Армии имеются документы, которые дают основание сомневаться в справедливости вышеуказанного приговора военного трибунала, возложившего всю тяжесть вины за поражение 44 сд только на ее командование, а также считать, что неуспех действий не только 44 сд, но и других дивизий, действовавших к северу от Ладожского озера (54 и 163 сд в составе 9-й армии, 18 и 168 сд в составе 8-й, затем 15-й армии), был заложен в самом начале событий на северо-западных рубежах страны и определен как замыслами армейского командования по проведению наступательной операции, так и установками командования РККА и Наркомата обороны СССР по ведению советско-финляндской войны в целом.

В этом плане представляют интерес «Соображения по проведению операции 9-й армии»²⁴, подготовленные в конце ноября 1939 года штабом армии (подписаны командармом М. П. Духановым, членом военного совета П. С. Фуртом и начальником штаба А. П. Соколовым) и представленные на рассмотрение военного совета Ленинградского военного округа. На основании сравнения количественного состава и обеспечения техникой частей РККА и финской армии на участке 9-й армии авторы «Соображений» сделали вывод о подавляющем преимуществе РККА над противником в живой силе, огне и технике и исходя из этого определили срок в 20 суток на проведение всей операции по выходу частей в район Оулу (Улеаборг) на побережье Ботнического залива.

Правда, при характеристике предполагаемого театра военных действий в названном документе говорилось о возможных попытках противника «дезорганизовать работу тыла налетами на коммуникации, которые ...будут растянуты на 140—160 км от границы и почти вдвое от баз снабжения», однако это обстоятельство не повлияло на составление оперативного плана 9-й армии. При определении средних темпов продвижения дивизий по финской территории в

22 км в сутки не были приняты в расчет сопротивление противника и то обстоятельство, что даже по советской территории дивизии подтягивались к границе в среднем только по 12—16 км в сутки с большой растяжкой частей и отставанием техники, главным образом артиллерии.

После ознакомления с «Соображениями» в оперативном отделе штаба Ленинградского военного округа был высказан ряд замечаний и предложений по усовершенствованию плана предстоящих действий 9-й армии. В частности, было замечено, что коммуникации дивизий «все будут перерезаны диверсионными группами противника», в результате чего соединения «могут оказаться без питания и боеприпасов, причем тактика финнов к этому в основном будет сводиться, так как открытого [боя] они, видимо, принимать не будут с большими нашими частями». Одновременно предлагалось до начала военных действий создать при дивизиях отряды из хороших лыжников и побеспокоиться об обеспечении лыжами всех дивизий, так как без лыж части «не смогут сойти с дорог и будут сбивать противника в лоб, что будет сильно задерживать движение». Однако военный совет Ленинградского военного округа при официальном одобрении и утверждении плана действий 9-й армии не учел рекомендации работников оперативного отдела. Было решено «действовать по тому плану, что есть», и темпов операции не сбавлять.

Ход боевых действий на советско-финском фронте к северу от Ладоги подтвердил правильность высказанных замечаний по «Соображениям». Уже в начале января 1940 года начальник штаба 9-й армии Д. Н. Нижишев (назначен на должность 5 января 1940 г.) в докладе на имя наркома обороны СССР писал: «Наши части по своей организации и насыщенности техникой, особенно артиллерией, и обозом не приспособлены к маневру и действиям на этом театре, они тяжеловесны и зачастую прикованы к технике, которая следует только по дороге... действиям в особых условиях не научены — леса боятся и на лыжах не ходят...»²⁵.

Командующий войсками 9-й армии В. И. Чуйков по завершении военных действий с Финляндией в «Кратком отчете о боевых действиях 9-й армии» резюмировал: «...установленные нормы, по которым мы учились,

²⁴ Там же, д. 3, лл. 1—7.

²⁵ Там же, д. 296, л. 5.

оказались неприемлемыми на театре северной Финляндии...»²⁰.

В публикуемых ниже документах — журнале боевых действий 44 сд и бюллетене последних известий за 8 января 1940 года — подробно освещается ход событий в районе Важенварской дороги и приводится оценка последних противной стороной. Журнал боевых действий 44 сд за период с 20 декабря 1939 года по 10 января 1940 года публикуется с небольшими сокращениями; опущены начальные записи на 1—19 декабря, в которых приведены сведения о последовательности переезда частей дивизии из Киевского особого военного округа на ст. Кемь и об их поочередном выступлении в район боевых действий, а также записи с 11 января по март 1940 года, освещающие дальнейшие события на участке 44 сд.

Из журнала боевых действий
44-й стрелковой дивизии
за 11 ноября 1939 г. —
7 января 1940 г.

...20 декабря [1939 г.] ОГ штадива — Важенвара (погранзастава) прибыла... в 10.30, остальной состав штадива подтянулся к 15.00. Задача 44 сд на 20 декабря 1939 г.: продолжая сосредоточение главных сил передовых групп в составе 3-го [батальона] 305 сп и 1-го [батальона] 25 сп, полковой артиллерии 305 сп, танкового батальона и птд дивизии нанести удар с востока вдоль дороги на Суомуссалми [с целью] разгромить противника и овладеть переправами через озеро южнее Суомуссалми. В дальнейшем выставить небольшие заслоны на сторону Хюрюнсальми, развивать наступление на Вааяла-Кюре. Начало атаки в 12.00 20 декабря после налета авиации и артподготовки.

Результат атаки. Оперсводка № 1 к 17.00 20 декабря Важенвара: 3-й [батальон] 305 сп и 1-й [батальон] 25 сп достигли восточного берега реки, что южнее оз. Карпиярви.

1-й [батальон] 25 сп — восточный берег оз. Карпиярви; дальнейшее продвижение остановлено огнем ст[анковых] пул[еметов] и минометов с западного берега оз. Карпиярви.

3-й [батальон] 305 сп — восточный берег безымянной реки, что южнее оз. Карпиярви.

Атака захлебнулась в результате сильного пулеметного и минометного огня с западного берега.

Потери: убито 4, ранено 24, трофеев нет. Полк окопался на ночь. Ведет разведку. С соседом справа связи нет.

21 декабря. Задача 3-го [батальона] 305 сп, 1-го [батальона] 25 сп, батареи па и птд — наступать в направлении Раса и овладеть переправой южнее Суомуссалми, выставив заслон в направлении Хюрюнсальми и обеспечить свой левый фланг, и в дальнейшем наступать в направлении Вааяла-Кюре. Начало атаки в 11.00 21 декабря. С 10.30 до 11.00 21 декабря будет произведен налет бомбардировщиков на передний край противника. Противник: до роты, усиленный 4 станковыми пулеметами и минометом (боевой приказ 44 сд № 02 от 21 декабря. 0.30. Важенвара). 305 сп с танковым батальоном 44 сд (без птд — не успел подойти по состоянию матчасти) в течение 21 декабря остается без изменений на достигнутом рубеже. В связи с отсутствием эффективного действия нашей авиации и сильным пулеметно-ружейным огнем со стороны противника, не позволяющим подняться, атака не состоялась.

Потери: 1 убит, 6 ранено, 35 чел[овек] 1-го [батальона] 25 сп обморожены...

22 декабря... Положение 305 сп без изменений. В течение 22 декабря частям 305 сп подготовиться к наступлению на 23 декабря, особое внимание обратить на разведку (штабсрм-9).

23 декабря. Наступление 305 сп отложено на 24 декабря. Полк в течение дня ведет подготовку к наступлению, имея разведку на флангах и командирскую [разведку] перед фронтом. В 15.00 группа противника силою до двух рот, с донесением командира 305 сп, выйдя с северного направления на дорогу на 17—21 км, открыла огонь и повела наступление на взвод, охраняющий тыл 305 сп. Взвод стал отходить и был поддержан огнем бойцов батареи птд, где и стал совместно с батареей птд удерживать наступающего противника. Противник стал угрожать флангам. Командиру 305 сп было приказано немедленно выбросить в свой тыл отряд силою с усиленную роту для поддержки батареи птд и стрелкового взвода. Кроме того, штабом дивизии был организован отряд из батальона связи и отставших бойцов 1-го [батальона] 25 сп в составе 80 человек, 4 станковых пулеметов, 2 машин зенитно-пулеметной роты, 2 45-мм орудий, которому была поставлена задача: зайдя во фланги противника, отрезать отход и уничтожить [его]. Отрядом командовал

²⁰ Там же, л. 7.

капитан Банников. Отряд был выброшен на 17 км на машинах. В результате боя противник произвел два завала дороги. К 5.00 24 декабря противник отошел в лес, оставив один станковый пулемет и много боевых патронов, лыжи, один автомат... Потери: убитых — 3, раненых — 4 (по неточным сведениям).

24 декабря. Атака назначена на 11.00, но ввиду того, что после ночного боя пришлось части приводить в порядок, комбриг атаку отложил на 40—45 минут, но и после этого времени части привести в порядок не удалось, срок атаки был назначен на 13.30. Ровно в указанное время части под прикрытием огня артиллерии и станковых пулеметов перешли в атаку; дойдя до речки, подразделения двигаться дальше не могли из-за сильного ружейно-пулеметного огня противника, где и закрепились. По неточным данным, имеются 6 убитых и 21 раненый. Лошадей убитых и раненых — 16 шт.

За 23 и 24 декабря ниже даны дополнительные данные²⁷.

25 декабря. Положение 305 сп без изменений. В 9.00 прошел Важенвара 3-й [батальон] 25 сп по направлению к фронту, прибывает ориентировочно к 16—17 часам. На подходе к Важенваре части 2-го [батальона] 25 сп, 146 сп. Противник продолжает производить нападения на дорогу Важенвара — Суомуссалми. Вчера у мостов убит часовой. В 12.30 наша авиация кончила бомбежку расположения противника, одна авиабомба упала в расположение нашего боевого охранения, ранено 4 человека.

1-й [батальон] 25 сп пошел в обход правого фланга противника, начало атаки зависит от того, когда 1-й [батальон] 25 сп обойдет оз. Курмиярви и выйдет во фланг. 3-й [батальон] 305 сп к атаке готов.

2-й, 3-й [батальоны], штаб и спецподразделения 146 сп в 16.00 прибыли в Важенвару, где и остановились на ночевку. 2-й [батальон] 25 сп на машинах прибывает в Важенвару к 18—19.00 (ориентировочно).

26 декабря ...Атака, намеченная на 25 декабря, не состоялась ввиду того, что 1-й [батальон] 25 сп, выйдя на севверо-восточный берег оз. Карпи-ярви, был встречен ружейно-пулеметным огнем противника (около роты) и завязал с ним бой. В результате боя убито 15 чел[овек], ранено 7 чел[овек]. Продвижения вперед не имеет. Занял оборону и повел разведку в западном направлении. 3-й [батальон] 25

сп, прибыв 25 декабря в 17.00 в район действий, имеет задачу выйти на правый фланг 1-го [батальона] 25 сп и быть в готовности к наступлению за 1-м [батальоном] 25 сп.

3-й [батальон] 305 сп выводится в полном составе в резерв комдива (за исключением батареи па, которая остается на месте и входит в подчинение командира 25 сп), [чтобы] 3-й [батальон] 305 сп привести в порядок и занять оборону в районе поляны в тылу отд и тб, обеспечив тыл 25 сп и технических подразделений [44] сд. Район обороны лично командиру 305 сп сдать 25 сп и к 20.00 26 декабря доложить комдиву.

146 сп — 2-й, 3-й [батальоны] 146 сп в 7.00 26 декабря выступили в район Важенвара с задачей к 15.00 26 декабря сосредоточиться и занять оборону в районах: одному батальону в расположении 19-го км на развилке дорог, заменив подразделения 25 и 305 сп, занять оборону и обеспечить тыл и фланг дивизии, одновременно вести разведку по дороге на Езкота, обеспечивая левый фланг дивизии. Отдельными группами в составе отд[елений] (на километр по одному) обеспечить беспрепятственное движение транспорта с 19-го по 12-й км. Ответственность за охрану левого фланга возложена на командира 146 сп.

Одним батальоном занять опушку рощи перед озером в районе 23-го км, обеспечив тыл сд.

2-й [батальон] 25 сп на машинах подбрасывается в район боевых действий.

Остальные части дивизии остаются на своих прежних местах в районе боевых действий.

ДОП — Важенвара, штадив — Важенвара.

27 декабря 3-й [батальон] 25 сп сменил 3-й [батальон] 305 сп, закончил [смену] к 8.00 утра 27 декабря. 2-й [батальон] 25 сп указанного района еще не занял, находится в пути. 1-й [батальон] 25 сп продолжает обороняться, имея перед собой до роты противника и проволочное заграждение в 2—3 кола. В 2.00 27 декабря половина 2-го батальона 25 сп убыла в направлении фронта. Перед фронтом 3-го [батальона] 25 сп проволочное заграждение в 2 кола. В 12.00 наша авиация бомбила расположение противника. С пулеметов наши самолеты обстреливали расположение 8-й стр[елковой] роты 25 сп, о потерях неизвестно (после выяснения не подтвердились). Разведкой установлено наличие 45-мм пушек у противника. В течение ночи в районе 12-го км было сде-

²⁷ Далее в журнале оставлено пустое место, которое в последующем заполнено не было.

лено противником 4 завала без минирования. Завалы убраны...

Задача 44-й стрепковой дивизии на 28 декабря 1939 г.

1. Противник силою до батальона занимал оборону по западному берегу реки между озерами Куоми-ярви и северным берегом оз. Хатиаола, имея проволочное заграждение в два кола.

2. Соседа справа и слева нет.

3. Дивизия прорывает в центре и охватом обоих флангов окружает и уничтожает противника в районе оз. Куоми-ярви, Суомуссалми, северный берег выступа оз. Хатиаола.

Атака пехоты в 10.00 28 декабря 1939 г. [Приказано:]

а) 25 сп с ротой танков Т-36, дивизионом птд наступать: 1-му [батальону] 25 сп обходом северного берега оз. Куоми-ярви в направлении Раси и далее совместно с 3-м [батальоном] 25 сп в направлении Суомуссалми. 3-му [батальону] 25 сп с ротой танков наступать в направлении Суомуссалми, седлая дорогу. Ближайшая задача — овладеть Раси и в дальнейшем южной переправой Суомуссалми. 2-й [батальон] 25 сп оставить в своем резерве, за 3-м [батальоном] 25 сп — группа поддержки пехоты от 1-го [дивизиона] 122 ап.

б) 146 сп: 2-й [батальон] наступает в направлении южного берега оз. Хаталло с задачей не допустить отхода противника на юг, овладеть стыком рокадных дорог южнее Суомуссалми. По овладении стыком дорог выставить усиленный заслон не менее стрелковой роты на юго-западном берегу оз. Хатаярви. Выход на исходное положение для атаки на линию южного берега оз. Хаталло [к] 9.30 28 декабря. 2-му батальону выполнить прежнюю задачу, оставаясь на месте. Сам комполка — на командном пункте на 25-м км.

в) 305 сп: 3-му батальону прочно прикрыть тыл 25 сп, оставаясь на своем месте. Артиллерия: артподготовка — 20 минут, артналет — 5 минут после бомбежки авиацией. Задача артиллерии: а) подавить огневые точки на переднем крае; б) подавить огневые точки южного берега озера; в) не допустить контратаки с направления Кюлмяля.

4. Вылет авиации и бомбардировка переднего края противника с 10.00 28 декабря 1939 г. Штадив — Важенвара, доп — Важенвара.

28 декабря. На основании приказа командующего 9-й армией наступление от-

ложить до особого распоряжения, провести только артподготовку, усилить охрану флангов и тыла. Организовать активную разведку. В 22.30 разведроты, выполняя поставленную задачу по ведению разведки в направлении дороги, идущей на юг, в 2 км наткнулась на минированный завал, при разборке такого ранены 3 бойца.

29 декабря. Положение частей дивизии на 10.00 остается без изменений. Важенвара — ночевал кавэскадрон, бронерота — Наволок. 1-й [батальон] 25 сп отошел на юго-восточный берег оз. Куоми-ярви, где и занял круговую оборону.

30 декабря. Положение частей дивизии согласно схеме № 4³⁰. В Важенвара прибыла бронерота, кавэскадрон, сосредоточиваются на 10-м км. На...³¹ сделан завал. Было нападение на штаб 146 сп, нападение отбито. Убито 4 финна. Порвана связь в расположении 146 сп. Прибыл 1-й [батальон] 146 сп в 16.00. 2-й дивизион 122 ап — на подходе к Важенваре. 3-й дивизион 122 ап в 10.00 выступил из Вокнаволок. 2-й дивизион 122 ап — на огневых позициях. Полковая артиллерия 25 сп в 13.00 прошла Важенвара.

31 декабря. Положение дивизии согласно схеме № 4. Части приступили к выполнению приказа № 8, а также начали лыжную подготовку. На фронте — перестрелка.

Потери за 28 декабря. В 146 сп: убитых — 15, раненых — 37, [пропавших] без вести — 4; в 25 сп: убитых — 13, раненых — 60.

29 декабря ранено 5 [человек]. 30 декабря в 146 сп убит 1, ранено 4; в 25 сп ранено 2 [человека].

2-й дивизион 122 ап убыл на фронт.

В 12.00 на КП штадива сброшены три авиабомбы, которые разорвались в 500 м восточнее. Самолет ушел, зенитный огонь открыли поздно.

1 января 1940 года.

3-й дивизион 122 ап на огневых позициях (122 ап полностью). На подходе 1-й дивизион 179 гап. В ночь с 31 декабря на 1 января 1940 г. по тылу 2-го [батальона] 25 сп был открыт огонь артиллерии противника — шрапнелью, в результате один красноармеец ранен. Обстреливали 3 76-мм пушки. С 8.00 1 января 1940 г. на 2-й [батальон] 146 сп противник повел наступление силой от полутора до двух батальонов. Первая атака была отбита, после

³⁰ К журналу боевых действий схемы не приложены.

³¹ В тексте пропуск, видимо, речь идет о завале на 25-м км Важенварской дороги.

чего противник атаку повторил, но также был отбит. Не имея успеха, противник начал обход правого и левого флангов. Командир 146 сп для оказания помощи 2-му [батальону] 146 сп были направлены две роты 1-го батальона, с помощью которых 2-й батальон и отбил вторую атаку. После расширения флангом⁸² 2-м [батальоном] 146 сп противник был остановлен...

Штадив — Важенвара.

2 января в 24.30 противник начал обстрел расположения 1-го [батальона] 146 сп, тб 3-го [дивизиона] 122 ап, штаба 146 сп (23км) и в течение ночи повел наступление на 146 сп, производя завал на 21-м км. Одновременно обойдя 146 сп, противник его окружил и огнем автоматов нанес большой урон. В 3-м [дивизионе] 122 ап в двух батареях выведены полностью [из строя] весь конский состав и большое количество людского состава. О потерях за двое суток боя сведений не поступало. По сообщению командира танкового батальона, он находился в окружении, имея потери 3 танка и один поврежден[ный]. Взорвана одна бронемашина. На окружение и уничтожение противника было брошено: 2 роты 3-го пограничного полка (которые опоздали к началу общего отражения противника), два взвода 3-го батальона 146 сп, одна саперная рота осб, бронерота и спешенный кавэскадрон. 146 сп к 23.00 2 января продолжает оставаться в окружении. Подвоз огнеприпасов и продуктов был отрезан. В танковом батальоне убито 3, ранено 7. На 2-й батальон 146 сп, оборонявший юго-восточный берег оз. Хатаола, днем было повторено противником наступление, которое было отбито.

В течение дня 9-я рота, находящаяся на 7-м км южнее 19-го км⁸³, также вела бой с группой противника. Все эти действия противника были произведены одновременно. Когда атаки на 2-й [батальон] 146 сп не удалось, противник все внимание обратил на тыл 146 сп, который, начиная с ночи 2 января, подвергался безостановочным налетам, применял тактику партизанских действий. Положение 3-го [батальона] 305 сп — без изменений, из состава батальона была выдвинута рота для помощи 146 сп.

25 сп: 1-й батальон, находясь на правом фланге, вел перестрелку с против-

ником численностью в роту с минометами и ст[анковыми] пул[еметами], противник отошел. Тылы 2-го [батальона] 25 сп были обстреляны батареями противника. 2 красноармейца ранены. Против 3-го [батальона] 25 сп противник действий не производил. По сообщению комполка, две роты 2-го [батальона] 25 сп им были выдвинуты в промежуток между 1-м и 3-м батальонами 25 сп и одна рота оставлена в резерве комполка.

По сведениям разведки, в районе действий 44 сд имеется до полка противника.

С 9.00 1 января 1940 г. на фронт выехали комбриг, начальник 1-й части, начальник 2-й части, начинж, начсан, начподив.

179 гап — в 20—60 км от Важенвара. В 11.20 самолет противника пролетел стороной от кп штадива.

По сообщению Виноградова (кодограмма), [на] 27-м км захваченные две батареи 3-го дивизиона 122 ап противник использует против нас. На 6-м км было нападение на автоколонну, ехавшую на фронт. На 12-м км было нападение надвигающуюся погранроту, которая быстрым движением отбросила мелкие группы противника.

24.00 2 января 1940 г. 146 сп продолжает находиться в окружении противника. 25 сп и 305 сп без изменений.

3 января ...В результате совместных действий наших отрядов с обеих сторон (комбригом был брошен батальон) последние к 18.00 овладели завалом, где и укрепились, продолжая бой на окружение и уничтожение противника. В 22.00 наши части в районе 23-го км продолжали бой с противником, засевшим на флангах завала.

Положение конского состава, находившегося в течение 5—7 суток без фуража (сена), плюс холода, в очень скверном положении.

Группа во главе с комбригом остается в расположении 25 сп.

Изменений на фронте 25 сп нет.

Соединение отрядов к 18.00 не подтвердилось⁸⁴.

4 января ...В течение ночи продолжался бой за овладение завалом на 23-м км. Положение частей в районе 23-го км — смотри схему № 5⁸⁵.

2-й батальон 25 сп с двумя ротами 146 сп с танками и артиллерией атаковал противника в ночь на 4 января, прорвав обо-

⁸² Так в тексте.

⁸³ Имеется в виду 7-километровая отметка просеки, отходящей на юг от 19-километровой отметки Важенварской дороги.

⁸⁴ Подчеркнуто в тексте.

⁸⁵ Схема не приложена.

рону противника, и вышел на 22-й км, где устанавливает связь с передовыми частями орб (по сообщению Виноградова в 10.50).

2. орб, две роты пограничников и саперная рота после 25 минут артподготовки перешли в наступление, встречая редкий огонь противника. В 11.30 бронемашин подходили к завалу, рота погранполка еще не вышла на линию завала. При подходе к завалу огонь противника нарастает особенно сильно.

3. Связи с ротой 146 сп нет, выслана стрелковая рота с танком на помощь.

4. Взят один пленный на 19-м км (боевое донесение № 15 от 4 января 13.00).

На фронте 25 сп — без перемен.

Дивизия продолжает оставаться отрезанной от базы снабжения с 2, 3, 4 января 1940 г.

По сообщению штаарма—9, 4 января будет вылет 15 самолетов для подвоза продуктов; 3 бомбардировщика и 3 истребителя для сопровождения. Нашим самолетом У-2 сегодня сброшены продукты, но, конечно, очень мало, 150—200 кг.

Противник установил в районе завала 10—12 пулеметов и минометов.

3-й батальон 146 сп двумя стрелковыми ротами (без одного взвода), пулеметной ротой занимает круговую оборону на развилке дорог на 19 км (схема № 5).

9-я стрелковая рота, находясь в 7 км южнее развилки дорог, у озера, ведет сильный огневой бой с противником, неся большие потери. Связи с ней нет.

В 3.00 4 января начальник штаба дивизии выехал для руководства отрядом по овладению завалом, в 15.30 результатов еще нет.

На подходе к Важенвара 1-й дивизион 179 гап.

В 18.00, по донесению начальника боепитания 3-го погранполка, противник сделал завал на 20-м км и продолжает валить деревья. Шедшие машины были обстреляны пулеметным и автоматным огнем. Подготавливается выброска людей из состава 1-го дивизиона 179 гап на машинах в район 20-го км. Против 9-й стрелковой роты — до 100 человек противника, артиллерия на хутора. Над 25 сп противник сбросил листовки в 19.00 4 января.

Наступление для захвата и разграбления завала на 23-м км началось в 11.00 4 января после 25-минутной артподготовки четырьмя батареями по подступам к завалу прямой наводкой. Отряд, наступа

по сторонам дороги на удалении до одного км и по дороге спешенным эскадронном и бронеротой, подвергся сильному пулеметному и автоматному огню и [огню] минометов. К 16.00 отряд достиг завала, где был встречен особо метким огнем пулеметов и автоматов, и залег...

В 19.00 стало известно о действии группы противника в тылу отряда с возведением завалов и минированием дороги. К 24.00 4 января 1940 г. отряд, отойдя в исходное положение, перешел к круговой обороне под воздействием авто[матного] огня противника со всех сторон (боевое донесение начштаба—44).

5 января ...2-й батальон 146 сп в 18.00 4 января 1940 г. самовольно бросил район обороны на юго-восточном берегу озера Хатаиола и пришел в расположение 3-го батальона 305 сп, где занял оборону фронтом на юг. Свой отход комбат Пастухов мотивирует тем, что в течение четырех суток люди не ели.

Сведений от 9-й стрелковой роты 146 сп не поступило, рота продолжает вести бой в окружении. На помощь 9-й стрелковой роте выброшена 4 января 7-я стр[елковая] рота, но, пройдя 2,5 км, [она] встретила сильный пулеметный огонь с фронта, залегла и продвигаться дальше не может. В течение 5 января связи как с 9-й, так и с 7-й стр[елковыми] ротами нет. Высланная разведка в ночь с 4 на 5 января в составе двух взводов в направлении 7-й стр[елковой] роты также встречена огнем противника, продвигаться не может, ведет бой. Самолет со знаками красной звезды на крыльях в 11.00 5 января, пролетая над 19-м км, обстрелял расположение наших частей. Части, находящиеся на фронте, срочно требуют подфуража — люди истощали. Перед фронтом 25 сп противник проявляет активность. 4 января получен приказ командарма о переходе в атаку в 8.00 5 января, но ввиду позднего [его] получения атака отложена на 13.00. Задача: оставив перед фронтом до двух батальонов, применяя ложную артподготовку, остальными частями атаковать и уничтожить противника в районе 23 км. Виноградов: «Атаку начал в 13.00, успеха не имел. Полка НКВД нет. В связи с уходом 2-го [батальона] 146 сп из района обороны противник использует открытый фланг и перерезает оборону дивизии на 24-м км» (из донесения командующему 9-й армией).

Виноградов — Пахоменко в 19.50 5 янва-

ря: «Положение дивизии тяжелое, особенно продфуража нет, люди обессилены, раненых 400 чел[овек], лошадидохнут, бензина нет, выбито большее количество конского состава, боеприпасы на исходе. Противник с фронта переходит в наступление... Настроение людей плохое, часть командиров дезориентирует с поля боя, прошу срочной помощи».

Командир 146 сп (подпись нет) в 21.45 5 января: «146 сп в результате боя понес большие потери, сил осталось мало, необходима помощь».

Виноградов — командиру армией в 19.30: «В связи с вытеснением 2-го батальона 146 сп из района обороны левый фланг остался открыт, заполнить его не удается. Противник сосредоточивает силы с задачей перерезать оборону дивизии. В связи с отсутствием продфуража настроение чрезвычайно плохое, лошадидохнут, бензин и боеприпасы на исходе».

6 января 1940 г.

В течение ночи с 5 на 6 января и весь день 6 января дивизия продолжала вести бой в окружении. Положение частей следующее: 146 сп на 23-м км ведет бой в окружении, имея большие потери.

Открытым текстом передано от 146 сп: «Дайте помощь, нас добивают, дайте помощь (в течение нескольких раз). Снаряды рвутся в расположении наших частей (Ивлев)».

«Дорога на 21—22-м км минирована и завал на 22-м км. Связи и сведений от 7-й — 9-й стрелковых рот нет. 25 сп сейчас окружен. Матчасть и раненых без помощи вывести не можем. Возможно, удастся пробиться пехоте. Спрашиваю, что делать с матчастью» (Виноградов). Связи телефонной нет ни с кем, даже с кордоном. При попытке ее восстановить в районе 1-го километра были обстреляны противником, где обнаружен завал. Штаб дивизии занял круговую оборону.

Виноградову передано: «Если не можете пробиться с матчастью к нам, то держитесь, помощь послана, держите связь. Чуйков, Фурт».

Перед фронтом 3-го батальона 305 сп противник ведет наступление, обстреливая расположение части минометным и автоматным огнем (сообщение Виноградова). Танковый батальон вел бой в районе 25 сп. Разведывательный батальон вел бой в районе 18-го км, с 11.00 связь с ним прервалась.

Ударная группа в составе 2-го батальона 25 сп, 1-го батальона 146 сп, роты

305 сп, 2-й роты 25 сп. В результате отхода 2-го батальона 146 сп, который своим отходом открыл левый фланг дивизии, ударная группа оказалась отрезанной от остальных частей дивизии, чем и воспользовался противник. КП 25 сп разбит. Много потерь. В настоящее время ударная группа связи со своими частями не имеет.

В распоряжении Виноградова остались 3-й батальон 25 сп, который занимает передний край обороны, и 1-й батальон 25 сп без одной роты, который прикрывает левый фланг.

«Положение тяжелое, помогите всеми средствами — путь отхода отрезан, пробиться не могу», — Виноградов — Пахоменко.

5.30. Противник ведет сильный огонь между 146 и 305 сп ([по донесению] из 146 сп). Полк 4-е сутки находится в окружении противника [силой] до батальона. Ведем активную борьбу, несем большие потери, боеприпасы на исходе, продфуража нет 5-е сутки. «146 сп — народ бежит, н[ач] состав»³⁶ — Виноградов. «Мы в окружении, дайте помощь» (без подписи), в 11.05 6 января.

7 января 1940 г.

Всю ночь шел бой во всех частях дивизии. Противник обстреливал мсб с полноты до 10—12 часов дня. Прибывшая рота запасного полка была брошена на выручку мсб и разграждение завала на нашей территории. Рота все время подвергалась обстрелу. Связь с кордоном прервана. Вышедшие для исправления линии связисты были обстреляны.

Дегазрота была выброшена 5 января в район 11-го км и возвратилась 7 января вечером.

В 2.00 7 января наша гаубичная батарея вела огонь по завалу и сторонам дороги. После обстрела высланным дополнительно взводом саперов завалы были разграждены. И медсанбат полностью был переброшен в Лавозеро.

С 14.00 стали прибывать отдельные группы бойцов со всех частей. Комбат-2 146 сп привел 200 человек. Начальник 2-й части дивизии — около 300 человек разных частей. Старший врач 146 сп тов. Соболев сообщил, что по озеру (8—9-й км) видел группу финнов в 200 человек, идущих на лыжах в направлении нашей границы.

Прибывшему из 163 сд 1-му [баталь-

³⁶ Там же документ.

ону] 305 сп в 14.30 7 января поставлена задача овладеть районом финского кордона на 4-м км и обеспечить выход идущим на Важенвара подразделениям. Три наших самолета пролетели над нами, один из них бросил две бомбы, которые разорвались в стороне. Находящиеся бойцы и зен[итчики] и с КП открыли огонь по самолетам, которые ушли в северо-восточном направлении.

8 января ...К утру пришел комбриг, начальник политотдела дивизии, начальники 1-го и 2-го отделов. Комиссара еще нет. Дивизия приводит себя в порядок, к 20.00 прибыло с фронта: среднего командного состава — 75 чел[овек], младшего командного состава — 126 чел[овек], рядового состава — 672 чел[овека].

9 января ...Части дивизии продолжают сосредотачиваться в Важенвара. В 1-м батальоне 305 сп незначительная перестрелка. Батарея 1-го дивизиона 179 гап вела огонь по мелким группам противника на левом фланге батальона.

10 января ...Дивизия занимает [оборону] и укрепляется на рубеже госграницы, устраивая завалы впереди обороны на 250—300 м, в готовности к наступлению. К 3.00 10 января 1940 г. дивизия имеет: старшего командного состава — 58 чел[овек], среднего командного состава — 701 чел[овек], младшего командного состава — 1305 чел[овек], рядового состава — 6008 человек...

ЦГАСА, ф. 34980, оп. 10, д. 656, лл. 1—22. Подлинник.

Из бюллетеня последних известий
на 8 января 1940 г., 22.00, № 36

ПАРИЖ. Агентство Гавас.

Хельсинки. Финские сообщения о сражении 7 января у Раати, в 36 км от Суомуссалми, говорят о сокрушающей победе финнов.

По дороге от Суомуссалми к границе финны уничтожили 44-ю русскую дивизию. Более 1000 человек взято в плен, захвачено громадное количество военных материалов. До сего времени из военной добычи учтено 102 пушки различных типов, 42 танка, 10 броневедомостей, 20 тракторов, 278 автомобилей разных типов, из которых 16 с зенитными счетверенными пулеметами, 46 автоматических ружей, 1170 лошадей и 47 полевых кухонь. Финны продолжают очищение территории и подсчет добычи.

Хельсинки. Полученные подробные сообщения о сражении при Раати подтверждают важное значение этой добычи финнов.

После разгрома 44-й советской дивизии можно считать главные силы неприятеля в этом секторе уничтоженными. После победы у Суомуссалми бои в последние дни происходили вдоль дороги, ведущей от Раати к советской границе. Эта дорога пересекает почти непроходимые места. Финны сейчас очищают отвоюемую территорию...

БЕРЛИН. Агентство Трансоцеан.

Хельсинки. Сражение у Саллы еще не пришло к определенному результату. Важность этого сражения и значительность финских потерь подтверждают 8-го утром в Хельсинки.

СТОКГОЛЬМ.

Финны сообщают о большой победе, одержанной на Восточном фронте 8-го после полудня над 44-й советской дивизией.

Русская дивизия, продвигавшаяся к Суомуссалми, была разгромлена вблизи Раати, где финны за день до того сосредоточили войска.

Операция, по-видимому, была подобна уничтожению 163-й русской дивизии, которая была окружена финнами в районе озера Кянтя-ярви перед Рождеством.

Число убитых и раненых велико с обеих сторон. Военные материалы, захваченные финнами, представляют наиболее богатую добычу с момента начала враждебных действий.

ЦГАСА, ф. 34980, оп. 5, д. 9, лл. 29, 30. Заверенная копия.

Публикацию подготовила
О. А. ДУДОРОВА,
старший научный сотрудник ЦГАСА

СОКРАЩЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В ДОКУМЕНТАХ

КП — командный пункт
штаб — штаб армии
штаб — штаб дивизии
начальник 1-й части — начальник оперативного отдела дивизии
начальник 2-й части — начальник разведывательного отдела дивизии
начальник — начальник инженерной службы
начсан — начальник санитарной части
начподив — начальник политического отдела дивизии
доп, коп — дивизионный, корпусной обменные пункты
ап — артиллерийский полк
гап — гаубичный артиллерийский полк
ппг — полевой походный госпиталь
сп — стрелковый полк
птд — противотанковый дивизион
осб — отдельный саперный батальон
орб — отдельный разведывательный батальон
осб — отдельный батальон связи
отб — отдельный танковый батальон
сб — стрелковый батальон
мсб — медико-санитарный батальон
батарея пто — батарея противотанковых орудий
батарея па — батарея полковой артиллерии
дегазрота — дегазационная рота
ОГ — оперативная группа

«Против них никто устоять не может»

ГВАРДИЯ! У кого из советских воинов не дрогнет сердце при этом слове? Оно звучит как страстный призыв к подвигу и славе.

Термин «гвардия» появился в Италии в XII веке и обозначал отборный отряд для охраны государственного знамени. В XV веке гвардия была создана во Франции, в XVII — в Англии, Швеции, России, Пруссии, в XIX — в Турции, Японии и других государствах.

Слово «гвардия» живет в нашем народе со времен Петра I, который в 1687 году создал гвардию (лейб-гвардию) из потешных войск в составе Пресображенского и Семеновского полков, официально получивших звание гвардейских в 1700 году.

Гвардия решила успешный исход знаменитой Полтавской битвы. А ведь в ней была полностью разгромлена шведская армия Карла XII, наводившая ранее ужас на все государства Европы. До нас дошли слова Петра I, с которыми он обратился к гвардейцам после битвы: «Вы не щадили живота своего и на тысячи смертей устремлялись безбоязненно. Храбрые дела ваши никогда не забудет потомство»¹.

Немеркнувшей славой покрыли свои знамена русские гвардейцы в битве с армией Фридриха II при Гросс-Егерсдорфе в 1757 году. В критический момент они внезапно ударили по врагу, сломив беззаветной храбростью его сопротивление, и рассеяли неприятельские полки. Фельдмаршал Салтыков так оценил тогда подвиг гвардейцев: «Что до российских гвардейцев касается, могу сказать, что против них никто устоять не может, а сами они, подобно львам, презирают раны свои»².

Навеки сохранится в народе память о русской гвардии, показавшей чудеса храбрости в Бородинском сражении. Гвардейцы мужественно отбивали многочисленные яростные атаки превосходящих сил противника и, переходя в контратаки сами, наносили смертельные удары. Ничто не могло поколебать их стойкость. По свидетельству одного наполеоновского генерала, «русские гвардейцы, даже раненные, подползали к неприятелю, дрелись с ним, валили его и умирал, цепляясь за горло врага». Сам Бонапарт признал, что в Бо-

родинском сражении «русские оказались достойными быть непобедимыми».

Гвардия комплектовалась преимущественно из дворян. По Табели о рангах (1722 г.) ее офицеры пользовались особыми привилегиями и имели старшинство в два чина перед армейскими офицерами. Солдаты отбирались из физически исключительно крепких людей и благонадежных в политическом отношении.

Во время первой мировой войны гвардия понесла большие потери в кадровом составе. В 1918 году императорская гвардия была распущена.

Днем рождения советской гвардии считается 18 сентября 1941 года, когда в соответствии с решением Ставки ВГК за массовый героизм, мужество личного состава, высокое воинское мастерство приказом наркома обороны СССР № 308³ были переименованы 100-я (командир генерал-майор И. Н. Руссиянов), 127-я (командир полковник А. З. Акименко), 153-я (командир генерал-майор Н. А. Гаген), 161-я (командир полковник П. Ф. Москвитин) стрелковые дивизии в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии соответственно.

Эти соединения героически сражались с врагом под Минском и Смоленском, участвовали в контрударе войск Западного и Резервного фронтов под Ельней. Ельнинская наступательная операция Резервного фронта (командующий генерал армии Г. К. Жуков), проведенная в период с 30 августа по 8 сентября 1941 года в ходе Смоленского сражения, была первой в Великой Отечественной войне, в ходе которой наши войска прорвали сильную оборону противника, разгромили его группировку и освободили значительную по размерам территорию.

В результате прорыва войск 2-й немецкой танковой группы южнее Смоленска и захвата 19 июля 1941 года города Ельни противник создал важный, хорошо укрепленный плацдарм, с которого планировал возобновить наступление на Москву. По указанию Ставки ВГК генерал армии Г. К. Жуков поставил войскам 24-й армии задачу встречными ударами под основание ельнинского выступа окружить и уничтожить группировку врага и в дальнейшем продолжать наступление на Запад.

¹ Соин П. М. Советская гвардия. — М.: Воениздат, 1952. — С. 3.

² Там же. — С. 4.

³ Советская Военная Энциклопедия. — М.: Воениздат, 1976. — Т. 2. — С. 496.

Войска 24-й армии в ходе Ельнинской операции нанесли поражение двум танковым, одной моторизованной и семи пехотным дивизиям противника и ликвидировали ельнинский выступ.

В приказе НКО о переименовании первых четырех стрелковых дивизий в гвардейские говорилось: «Почему этим нашим стрелковым дивизиям удавалось бить врага и гнать перед собой хваленые немецкие войска? Потому, что, во-первых, при наступлении они шли вперед не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьезной подготовки, после того, как они прощупали слабые места противника и обеспечили охранение своих флангов. Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника они не ограничивались движением вперед, а старались расширить прорыв своими действиями по ближайшим тылам противника, направо и налево от места прорыва. Потому, в-третьих, что, захватив у противника территорию, они немедленно закрепляли за собой захваченное, окапывались на новом месте, организуя крепкое охранение на ночь и высылая вперед серьезную разведку для нового прощупывания отступающего противника. Потому, в-четвертых, что, занимая оборонительную позицию, они осуществляли ее не как пассивную оборону, а как оборону активную, соединенную с контратаками»⁴.

С появлением советской гвардии возродились и лучшие традиции русской гвардии. Высокая честь носить гордое звание гвардейских выпала на долю самых стойких, спянных, дисциплинированных войсковых формирований.

В сражениях Великой Отечественной войны ряды советской гвардии росли. 21 сентября 1941 года гвардейского звания была удостоена 1-я Московская Пролетарская мотострелковая дивизия, отличившаяся в Смоленском оборонительном сражении, а через пять дней гвардейские звания получили 107, 120, 64-я стрелковые дивизии, ставшие соответственно 1-й Московской гвардейской мотострелковой, 5, 6 и 7-й гвардейскими стрелковыми дивизиями.

В танковых войсках первой, получившей звание гвардейской стала 4-я танковая бригада (командир полковник М. Е. Катуков), преобразованная 11 ноября 1941 года в 1-ю гвардейскую. Танкисты этой бригады особенно отличились в оборонительных боях под Мценском, Тулой и Москвой. В начале октября бригада, действуя в составе 1-го стрелкового корпуса, была выдвинута на орловско-тульское направление в район Мценска навстречу прорвавшейся таковой группировке врага. Широко применяя засады, части бригады в течение нескольких дней сдерживали удары двух фашистских танковых и одной моторизованной дивизий и уничтожили в боях 133 танка, 49 орудий, 15 тягачей с боеприпасами, 8 самолетов, 6 минометов и до полка пехоты противника.

Большой вклад в боевую летопись советской гвардии внесли воины-кавалеристы. 26 ноября 1941 года были преобразованы в

гвардейские 2-й (командир, генерал-майор П. А. Белов) и 3-й (командир генерал-майор Л. М. Доватор), а 25 декабря 5-й (командир генерал-майор В. Д. Крюченкин) кавалерийские корпуса, ставшие соответственно 1, 2, 3-м гвардейскими кавалерийскими корпусами.

В авиации первой гвардейской частью 6 декабря 1941 года стал 29-й истребительный авиационный полк, летчики которого за два с половиной месяца сбили 47 самолетов врага. В тот же день гвардейскими стали 129, 155 и 526-й истребительные, 31-й бомбардировочный и 215-й штурмовой авиационные полки.

8 января 1942 года восемью артиллерийским полкам (289, 296, 509, 760-му противотанковым, 440, 471, 555 и 274-му артиллерийским) были присвоены гвардейские звания. В тот же день в гвардейские были преобразованы 36-й мотоциклетный полк и 12-й полк связи. 18 января 1942 года были удостоены гвардейского звания 1-й минно-торпедный авиационный полк, не раз участвовавший в налетах на Берлин, а также 5-й и 13-й истребительные авиационные полки Краснознаменного Балтийского флота и 72-й смешанный авиационный полк Северного флота.

Первыми в Военно-Морском Флоте 3 апреля 1942 года гвардейскими стали: крейсер «Красный Кавказ» (командир капитан 2 ранга А. М. Гуцин), отличившийся при обороне Одессы и Севастополя, эсминец «Стойкий» (командир капитан-лейтенант Б. П. Левченко), минный заградитель «Марти» (командир капитан 1 ранга Н. И. Мещерский), тральщик Т-205, подводные лодки Д-3, М-171, М-174, К-22.

К маю 1942 года все виды Советских Вооруженных Сил и рода войск имели гвардейские части и соединения. По решению Президиума Верховного Совета им вручались гвардейские Красные Знамена, а кораблям гвардейские Военно-морские флаги.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 года для военнослужащих гвардейских частей и соединений Советской Армии были установлены гвардейские воинские звания и был учрежден нагрудный знак «Гвардия», а для гвардейцев в Военно-Морском Флоте — нагрудная прямоугольная пластинка с муаровой лентой оранжевого цвета с черными продольными полосами и лента на матросскую бескозырку такого же цвета.

Во время битвы на Волге бойцы и командиры 33-й гвардейской стрелковой дивизии обсудили и приняли так называемые законы советской гвардии, явившиеся затем своеобразным уставом всех гвардейцев армии и флота. В них следующим образом было сформулировано боевое кредо советской гвардии: «Там, где наступает гвардия, враг не устоит! Там, где обороняется гвардия, враг не пройдет!» Гвардейцы-сталинградцы блестяще доказали верность этому правилу в боях с немецко-фашистскими захватчиками между Волгой и Доном. Еще в январе 1943 года восемь гвардейских танковых и механизированных корпусов были впервые удостоены почетных наименований: Сталинградский, Тацинский,

⁴ Кузмичев А. П. Советская гвардия. — М.: Воениздат, 1969. — С. 41.

Донской, Котельниковский, Зимовниковский, Кантемировский.

Массовым участием в боях гвардейских соединений и частей характеризуется битва под Курском. В состав группировки советских войск входили семь гвардейских армий, пять общевойсковых и две танковые.

Гвардейские соединения и части первыми в Советской Армии получили учрежденные в годы войны ордена Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского. Так, орденом Суворова II степени первой была награждена 55-я гвардейская Иркутская, ордена Ленина, трижды Краснознаменная стрелковая дивизия имени Верховного Совета РСФСР (16 сентября 1943 г.), орденом Богдана Хмельницкого II степени 1, 2, и 7-я гвардейские кавалерийские дивизии (22 июня 1944 г.), орденом Александра Невского 31-й отдельный гвардейский танковый полк и 1-й отдельный гвардейский мотризованный понтонно-мостовой батальон (22 июня 1944 г.).

За мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны, многим гвардейцам было присвоено звание Героя Советского Союза. Герой Советского Союза гвардии рядовой Александр Матросов первым из воинов Советской Армии зачислен навечно в списки своего полка.

Гвардейцы артиллерист А. В. Алешин, стрепок П. Х. Дубинда и летчик И. Г. Драченко стали Героями Советского Союза и кавалерами ордена Славы трех степеней.

Среди дважды Героев Советского Союза гвардейцы составляют подавляющее большинство. Трижды Героями Советского Союза закончили войну летчики-гвардейцы А. И. Покрышкин и И. Н. Кожедуб.

В конце Великой Отечественной войны советская гвардия выросла в могучую силу. На 9 мая 1945 года высокого звания гвардейских были удостоены 11 общевойсковых и 6 танковых армий, 1 конно-механизированная группа, 40 стрелковых, 7 кавалерийских, 12 танковых, 9 механизированных и 14 авиационных корпусов, 117 стрелковых, 9 воздушно-десантных, 17 кавалерийских, 6 артиллерийских, 53 авиационные, 6 зенитно-артиллерийских дивизий, 7 дивизий реактивной артиллерии, 4 танковых и 2 минометно-артиллерийских училища, а также большое количество бригад, частей, боевых кораблей различных родов войск и видов вооруженных Сил⁵.

Советская гвардия взяла на вооружение все лучшее, что было в старой русской гвардии, она продолжила и во много крат приумножила боевые традиции наших предков.

⁵ Советская Военная Энциклопедия. — Т. 2. — С. 498.

*Маршал бронетанковых войск
О. А. ЛОСКИН;
гвардии полковник А. А. БЕЛОУСОВ;
полковник В. Г. МИЛЛЕР,
кандидат военных наук*

ОТКЛИК НА ПИСЬМО

В № 6 «Военно-исторического журнала» опубликовано письмо А. Гапенко «Культура независимости». К сожалению, в описании судеб памятников М. Б. Барклаю-де-Толли, Петру I и колонны победы в 1812 году автор неточен. Эти памятники были демонтированы и эвакуированы еще в 1915 году с приближением войск кайзеровской Германии. Пароход «Сербино», везший статую Петра I, затонул у о. Саарема. Куда делись фигура М. Б. Барклая-де-Толли и бронзовые детали колонны, пока неизвестно. Обидно, когда политические амбиции превалируют над исторической истиной.

А. А. СМЕРНОВ
(Москва)

От редакции. Как нам сообщил автор опубликованного письма А. Гапенко, документальных данных, подтверждающих версию о том, что памятник Петру I был демонтирован и корабль с ним затонул, нет. Существует лишь мнение, которое сформировалось 15—20 лет спустя, т. е. после 1915 года. В Риге существует Латвийский военно-исторический клуб, председатель которого С. В. Разумовский провел огромную работу по выяснению исторической правды. Ему удалось выявить, что памятник Петру I был разрушен в 1931 году. Более того, Разумовский обнаружил большую часть фигуры Петра I. Тем, кого заинтересует данная информация, советуем обратиться к статье Разумовского «Тайна железной двери памятника «Свободы», опубликованной в газете «Новости Риги» 13 сентября 1990 года. Мы же приведем лишь небольшой отрывок из этой статьи. «Наверху видны посадочные отверстия, где устанавливался бронзовый российский государственный орел с надписью под ним: ПЕТР ВЕЛИКИЙ 1710—1910 4 июля. ...Но пусть не спешат торжествовать общественные круги псевдоинтеллигенции, что в этой темнице давлена наша память о некогда цветущей и жизнерадостной России. Здесь давлены духовно-нравственные ценности, в первую очередь латышского народа, который добровольно на свои деньги построил памятник Петру Великому.

А может, это все логично? Может быть, в договоре, который заключило правительство Я. Чаксте (1922—1927) с правительством Ленина, предусматривалось разрушение российских памятников в Латвии, как это успешно делалось и на остальной территории России...»

Эта информация, опубликованная в «Комсомольской правде» под заголовком «ГлавВПУР закрыт. Но счета сводит», произвела эффект разорвавшейся бомбы:

«4 сентября 1991 г. в редакции журнала «Армия» МО СССР стало известно, что от должности отстранен главный редактор генерал-майор Н. Кошелев.

Раньше журнал назывался «Коммунист Вооруженных Сил» и был под опекой ГлавВПУРа СА и ВМФ. Новый главный, назначенный два года назад, резко изменил курс издания, выступив, в частности, против применения армии в «разрешении» межнациональных и политических конфликтов в стране. Его неоднократно вызывали на «ковер». Несмотря ни на что, генерал Кошелев смог добиться официальной смены названия и тематики журнала.

Теперь, как считают военные журналисты, главному это припомнили. Дескать, рано «сдал» позиции. В 1990—1991 гг. мы получили тысячи писем и телеграмм в поддержку новой позиции журнала, что вызвало крайнее недовольство в ГлавВПУРе.

4 сентября Н. Кошелева вызвал заместитель начальника ГлавВПУРа генерал А. Маслов и сообщил, что у «Армии» теперь новый редактор.

«Фигеры» - журналисты

«Армии» возмущены таким произволом и несправедливостью. Единогласно принято обращение к Президенту РСФСР Б. Ельцину, Председателю Совета Министров РСФСР И. Силаеву, министру обороны СССР Е. Шапошникову.

Мы просим защитить честь и достоинство нашего главного редактора и считаем его смещение незаконным».

Материал этот завершала весьма примечательная концовка редакции «Комсомолки»: «Может быть, путч в СССР продолжается?»

Сообщение молодежной газеты, а также последовавшие за этим материалы радиостанции «Маяк», российской телепрограммы «Вести», радио «Свобода» вызвали взрыв негодования. В редакцию поступили десятки телефонных звонков, телеграмм и писем с протестами против акции бывшего ГлавВПУРа. Так, коллектив кафедры политической истории Военного Краснознаменного института в своем письме в редакцию отмечал:

«Задолго до августовских событий 1991 года, когда в армейских кругах не модно было критиковать тоталитаризм и ратовать за идеалы демократии, журнал «Коммунист Вооруженных Сил» (ныне «Армия») стал трибуной общественно-политической мысли, отражающей реальные процессы в нашем обществе и армии. Многочисленные публикации журнала по проблемам политологии, социологии, психологии вызвали дискуссии в среде армейской общественности, заставляли серьезно задумываться о новых тенден-

циях развития армии и флота.

Можно предположить только одно: бывшее руководство бывшего Главного военно-политического управления не устраивала новая позиция журнала, и оно воспользовалось моментом, чтобы свести старые счеты с редакцией журнала, которая заняла бескомпромиссную позицию в поиске научной истины в целях коренной реорганизации Вооруженных Сил».

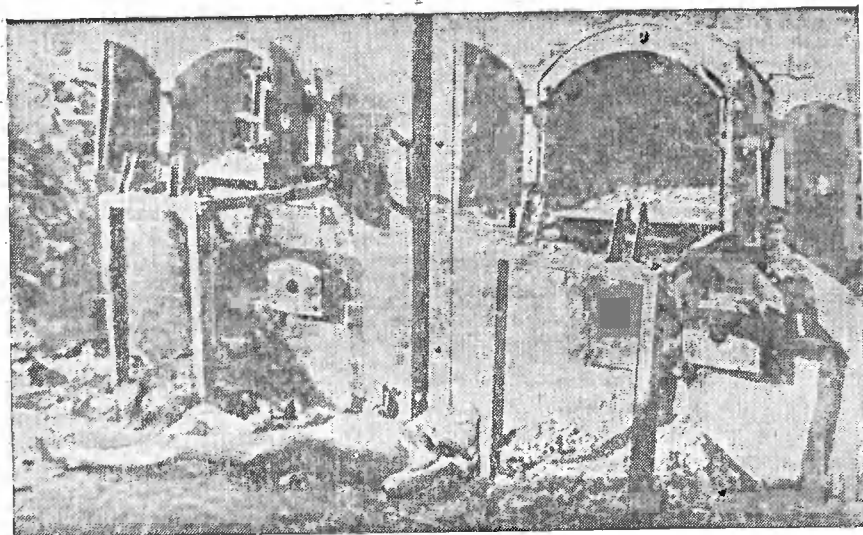
Письмо подписали 8 человек...

Мы намеренно привели эти выдержки, так как они непосредственно проясняют ситуацию, создавшуюся вокруг журнала «Армия». Одно из его серьезных тематических направлений, военно-историческое, роднит данное издание с «Военно-историческим журналом».

Многие читатели резонно указывали на то, что поводом для расправы над главным редактором во многом послужило выступление на внеочередном съезде народного депутата СССР В. С. Смирнова. По его мнению, необходима смена редколлегий и редакторов военных изданий, которые якобы сознательно готовили своих читателей к путчу. Как считает Смирнов, это газета «Красная звезда», журналы «Военно-исторический журнал», «Военная мысль» и «Армия». Так безответственное выступление депутата обернулось ложным политическим доносом...

Сейчас справедливость восстановлена. Генерал-майор Н. Кошелев остается на своем посту.

**Полковник
В. Т. РОЩУПКИН**

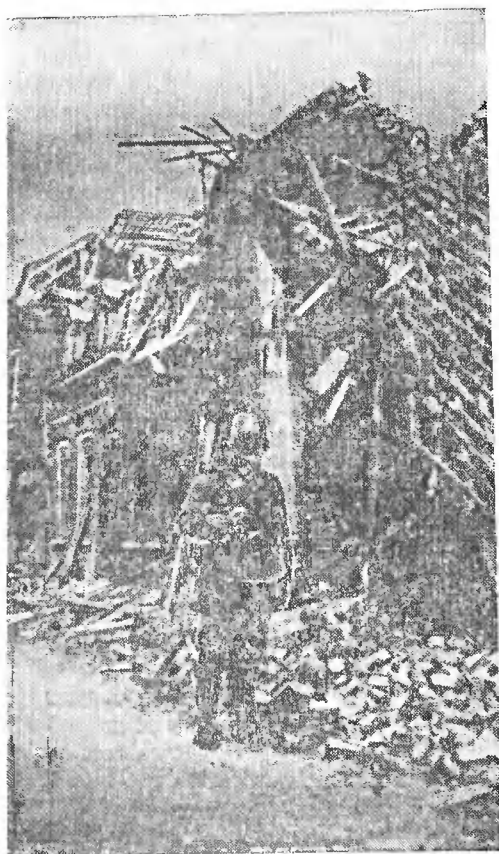
ЭТО ВЕНА (снимок 5). А это наши солдаты раздают венцам подарки: муку, крупы, соль...

Это тоже Вена (снимок 5), и советское командование не только обеспечивало жителей города продовольствием, но и открывало для них сеть медицинских учреждений.

ФОТО 1

ФОТО 3

ний, в которых работали и советские военные медики.

Там уже и запах-то лекарств выветрился.

Не в пакетиках и кулечках вывозили с наших складов венцы продовольствие, а вот так, как на снимке 4. Что из этих тележках? Русский хлеб, русское мясо, русский картофель, русский сахар...

Наши люди, замордованные насмерть (снимок 1, 3). Ни в чем не повинные. Безвыездно жившие на своей земле.

Из фотоснимков, найденных в доме бывшего волостного старшины Боммерга. Да, волостного старшины. Обретался он в деревне Бумберне Елгавского района (Латвия).

ФОТО 2

ФОТО 4

На этой фотографии (2) вы видите того самого героя, того самого культурного немца, того самого освободителя. Этот снимок найден у гитлеровца. Но такие же снимки были тогда в карманах и полицейских, и старост, и бандеровцев, и власовцев — всех прихвостней, всех овчарок оккупантов.

Вот такие заводы и фабрики понастроили в первую очередь культуртрегеры. Только для поголовного истребления приходили к нам всяческие чингисханы, наполеоны гитлеры... С нами всегда ведут войны только на полное истребление и, к сожалению, всегда на нашей же земле, в нашем же доме.

ФОТО 5

(Фотографии из фондов ЦГАОР СССР).

ФОТО 6

СО ВРЕМЕНИ НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА НАШУ СТРАНУ ПРОШЛО ПОЛВЕКА, ОДНАКО ДО СИХ ПОР В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ВОЗНИКАЮТ СПОРЫ ПО ПОВОДУ РЯДА ПРОБЛЕМ, И В ЧАСТНОСТИ ВОПРОСА О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ. ИЗВЕСТНО, ЧТО ЭТОТ ВОПРОС РАЗРАБАТЫВАЛСЯ ФАШИСТСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ ЕЩЕ ДО 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА И ВСЕХ ГРАЖДАН НАШЕЙ СТРАНЫ, НЕЗАВИСИМО ОТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ, «ТВОРЦЫ НОВОЙ ЕВРОПЫ» СЧИТАЛИ СОВЕТСКИМИ И ОТНОСИЛИСЬ К НИМ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ. ПРИ ЭТОМ ДО СИХ ПОР ОБХОДИЛСЯ МОЛЧАНИЕМ ПРИКАЗ ГИТЛЕРОВСКОГО КОМАНДОВАНИЯ № 02358/43 ОТ 8 ИЮЛЯ 1943 ГОДА, СОГЛАСНО КОТОРОМУ «ПЛЕННЫЕ МУЖЧИНЫ В ВОЗРАСТЕ ОТ 16 ДО 55 ЛЕТ... СЧИТАЮТСЯ С СЕГО ЧИСЛА ВОЕННОПЛЕННЫМИ». ИТАК, ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ...

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: БУХГАЛТЕРИЯ ПО-ФАШИСТСКИ

Отдел обороны страны

Совершенно секретно

Главная ставка фюрера 12. 5. 1941 г.
Совершенно секретно. Для высш[его]
команд[ования]. Только через офицера.

«Должно быть возвращено фюреру».

13 мая НОДЛЬ.

СОДЕРЖАНИЕ. Обращение с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками.

Заметка для доклада

1. ОКХ предложило проект:

«Директива относительно обращения с ответственными политическими работниками и т. п. лицами во исполнение задания, данного 31. 3. 1941».

Этот проект предусматривает следующие моменты:

1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраниваться.

2. Поскольку они будут захватываться войсками, решение о том, должны ли они устраниваться, принимается офицером, имеющим право накладывать дисциплинарные взыскания. Для решения достаточно установления того, что данное лицо является руководящим политическим работником.

3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются.

4. Технических руководителей хозяйственных учреждений и на производстве следует задерживать только в том случае, если они оказывают сопротивление германским вооруженным силам.

5. Эти мероприятия не должны мешать проведению военных операций. Планомерные операции по розыску и прочесыванию проводятся позднее.

6. В тылу войск руководящих политических работников и комиссаров (за исключением политических руководителей в воинских частях) передавать специальным командам (Айнзатц-комманд) полиции безопасности.

II. В отличие от этого памятка № 3 рейхслейтера Розенберга предусматривает, что следует уничтожать только крупных и высших руководящих работников, т. е. государственные, коммунальные, хозяйственные руководители нужны для управления оккупированными областями.

III. Поэтому требуется решение фюрера, какие принципы должны быть взяты за основу.

Предложение I для раздела II

1) Руководящие работники, которые будут выступать против наших войск, чего следует ожидать от радикальной части их, попадают под «декрет об юрисдикции военных трибуналов на территории «Барбаросса». Их следует уничтожать, рассматривая как партизан. Подобное же обращение предусматривает «Директива о поведении войск в России».

2) Руководящие работники, не проявившие себя враждебно, могут быть пока оставлены. Трудно предполагать, чтобы войска были в состоянии различать служебные звания по отдельным секторам. Только при дальнейшем продвижении по стране можно будет принять решение о том, могут ли оставшиеся руководящие работники быть оставлены на месте или их следует передавать особым командам, поскольку войсковые части сами не в состоянии произвести расследование.

3) С политическими работниками в войсках следует обращаться в соответствии с предложением ОКХ.

Они не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях и ни в коем случае не должны отправляться в тыл.

ВАРЛИМОНТ.

Приписка: Следует считаться с возможностью репрессий против германских детчиков. Лучше всего поэтому представить все это мероприятие как расплату.

ПОДЛЬ.

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 214, лл. 1—3, пер. с нем.

Копия приложения к распоряжению Верховного командования вооруженных сил секретного отдела по делам военнопленных № 3058/41 за 8. 9. 1941 г. (для свободного ознакомления)

Примечание. Об охране советских военнопленных.

Большевизм является смертельным врагом нац[ионал]-соц[иалистской] Германии.

В первый раз в этой войне противником немецкого солдата является не только солдат, а также и политический противник, идеалом которого является коммунизм. В нац[ионал]-социализме он видит только своего злейшего врага. В борьбе против нац[ионал]-социализма он считает всякое средство хорошим: партизанскую войну, бандитизм, саботаж, учинение пожаров, разлагающую пропаганду, убийство.

Даже тот освобожденный солдат, который находится в плену, может очень невинно выглядеть с виду, но использует любую возможность, чтобы показать свою ненависть ко всем немцам. Поэтому можно рассчитывать на то, что военнопленные имеют определенные указания, чем они должны заниматься в плену. В противовес этому необходимо быть особенно осторожным: требуется особая бдительность, максимальная осторожность и полное недоверие.

Для охраняющего персонала существуют такие основные правила:

1. Применение решительных мер при проявлении малейших случаев непослушания. Для подавления сопротивления

беспощадно применять оружие. Немедленно стрелять в убегающего военнопленного (без оклика) с намерением попасть в него.

2. Все переговоры с военнопленными, как при сопровождении на работу, так и при сопровождении с работы, запрещаются. Лишь только в очень редких случаях, связанных с работой, можно допустить разговор.

Является также необходимым запрещение курения не только во время следования на работу и с работы, а также и во время работ. Все переговоры военнопленных с гражданскими людьми в такой же мере запрещены. В крайних случаях можно применять оружие даже против гражданских особ.

Также на месте работы вводится строгий надзор со стороны немецкой охраны (вооруженной). Каждый охранник должен находиться на таком расстоянии от военнопленного, чтобы он немедленно, в любую минуту мог воспользоваться своим оружием.

Никогда не поворачиваться к военнопленному спиной.

Также в отношении к трудолюбивым и послушным военнопленным нет места снисхождению, они показывают этим свою покорность, а на самом деле извлекают из этого для себя пользу.

При всей твердости и строгости в исполнении данных приказов самовольное или плохое отношение, особенно употребление палок, нагаек и т. п., запрещается. Это не подходит немецкому солдату как носителю оружия.

Никогда нельзя отступать от этих правил с большевистскими военнопленными, даже если будут иметь место на вид совсем безобидные случаи.

Перевод с немецкого произвела переводчица Портнова.

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 214, лл. 6—7, пер. с нем.

Командир военнопленных VIII военного округа

Бреслау, 7 ноября 1941 г.

СОДЕРЖАНИЕ. Употребление оружия при охране сов[етских] военнопленных.

В ужасающем количестве возрастают случаи, когда охранники при несении службы охраны советских военнопленных по самому ничтожному поводу их просто пристреливают.

Последние донесения о смерти советских военнопленных от болезни показывают столь высокую цифру смертности, что не каждый случай невыполнения приказов следует истолковывать как следствие злого умысла и сопротивления, а чаще — как слабость и апатию, вызванную состоянием здоровья.

Начальник рабочей команды лично отвечает за точный инструктаж подчиненных ему солдат по вопросу о применении оружия против военнопленных.

ФОТОГРАФИИ, публикуемые под общей рубрикой «Великая Германия», никогда и нигде ранее не появлялись в прессе. С 14 по 21 мая 1942 года министр фашистской Германии «по делам восточных областей» Алфред Розенберг пребывал в оккупированной Советской Прибалтике и других оккупированных советских районах. В память об этом событии было сделано три фотоальбома. Позже их изъяли из имения Розенберга под Берлином, занятого во время наступления войск 1-го Украинского фронта. Альбомы попали в Чрезвычайную Госу-

дарственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Туда же направлялись и фотографии, найденные в карманах фашистских солдат и офицеров, в личных альбомах их домашних, которым они посылали «фото с фронта». Эти снимки тоже никогда не публиковались. Оккупация... На снимках, где Розенберг, она в «белых перчатках», для публики. Но и тут она так и прет сплошь ненавистными фуражками и кровавыми сапогами. Вглядитесь в эти униженные сцены жалкого угон-

ничества перед фашистами. Архивы знают, что к 1950 году, если бы Прибалтику не освободила Красная Армия, советский солдат, земли латышей, литовцев и эстонцев были бы отданы полностью под заселение солдатами и офицерами немецкой армии, воевавшими на Восточном фронте против русских, а коренное население уничтожено. На снимках из солдатских карманов и семейных альбомов оккупация без всяких прикрас, как есть она на самом деле.

1. Фотокопия географической карты из альбома А. Розенберга.

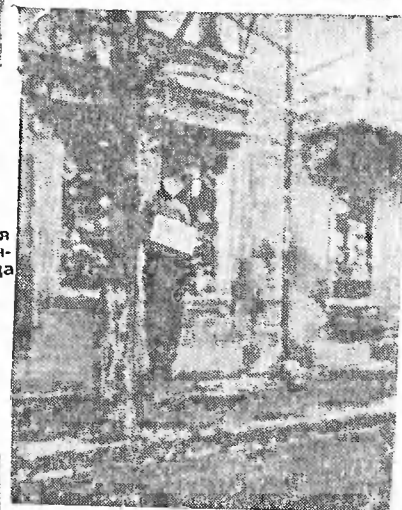

2. На вокзале в Риге. Рейхскомиссар Лозе приветствует Розенберга.

ВЕЛИКАЯ ГЕРМАНИЯ

3. Фотография отобранная у военнопленного Фрица Квамана.

4. Девушки приветствуют рейхсминистра на вокзале.

Чтобы заставить выполнить данный приказ, охранник должен сперва применить приклад и штык, если же это не поможет — огнестрельное оружие.

Всякое своеволие при применении оружия против военнопленных будет наказуемо.

По поручению.

Майор (подпись)

Перевела с немецкого языка переводчица Портнова.

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, л. 214, л. 40, пер. с нем.

Управление военной экономики и промышленности штаба вооруженных сил
Берлин, 20. II. 1942 г.

Секретно

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Касательно. Доклад министерального директора¹ д[окто]ра Мансфельда, генераль[ного] уполномоченного по использованию рабочей силы, по общему вопросу об использовании рабочей силы.

Время: 19. II. 1942 г. 10 часов

Место: государственная экономическая палата

ПРИСУТСТВОВАЛИ: от управления военной экономики и промышленности штаба вооруженных сил д-р Гротius.

...Современные трудности в вопросе использования рабочей силы не возникли бы, если бы своевременно решились на использование русских военнопленных в больших масштабах. 3,9 млн. русских находились в нашем распоряжении; в настоящее время их осталось всего 1,1 млн. Только в ноябре 1941 г. — январе 1942 г. умерло 500 тыс. русских. Вряд ли представится возможным увеличить количество занятых теперь русских военнопленных (400 тыс.). Если снизится цифра заболеваний тифом, то появится, вероятно, возможность привлечь в хозяйство еще 100—150 тыс. русских.

Напротив, использование русских гражданских лиц получает все большее значение. В общей сложности в нашем распоряжении находится 600—650 тыс. русских гражданских лиц, из которых 300 тыс. промышленных квалифицированных рабочих и 300—350 тыс. сельскохозяйственных рабочих. Использование этих русских исключительно упирается в вопрос транспорта. Бессмысленно перевозить эти рабочие руки в открытых или нетопленых закрытых товарных вагонах, чтобы на месте прибытия выгружать трупы.

Каждую неделю в Германию прибывают 8—10 тыс. русских граждан, являющихся прекрасной рабочей силой. У них имеются хорошие практические знания, они работают точно и в таком трудовом

темпе, которого частично не могут придерживаться германские рабочие.

Особые трудности возникли в вопросе питания. Русские хорошо упитаны и одеты и должны поддерживаться в физически трудоспособном состоянии. После обсуждения этого вопроса статс-секретарем Бакке нормы выдачи продуктов для русских будут улучшены...

Перевела Гурьянова
(подпись)

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, л. 256, л. 239, пер. с нем.

Уполномоченный по четырехлетнему плану. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.
Ba/5136/1615

Берлин. 12.VIII. 1942

СВ II Саарландштрассе, 96

Господам президентам областных

управлений по труду

Господам рейхсуполномоченным по труду

СОДЕРЖАНИЕ. Клеймение советских военнопленных опознавательным знаком.

При сем препровождаю для сведения приказ ОКВ от 20. VII. 1942 г. о клеймении советских военнопленных опознавательным знаком. Особо обращаю внимание на п[ункт] 6 приказа, согласно которому клеймение не должно вызывать перебоев в использовании рабочей силы.

Верх[овное] Главнокомандование
вооруж[енных] сил № 3142/42

Берлин 20. VII. 1942.

Баденштрассе, 51

СОДЕРЖАНИЕ. Клеймение советских военнопленных опознавательным знаком.

1. Советские военнопленные должны обозначаться особым стойким опознавательным знаком.

2. Опознавательный знак состоит из открытого книзу острого угла 45 градусов с длиной сторон в 1 см (Δ), помещенного на левой ягоде, на расстоянии около ширины ладони от щели заднего прохода. Этот знак делается с помощью ланцетов, имеющихся в каждой войсковой части. В качестве красящего вещества применяется китайская тушь.

Клеймение должно производиться следующим образом.

Поверхностный порез натянутой кожи делается с помощью заранее раскаленного ланцета, смоченного китайской тушью. Следует при этом избегать глубоких кровотокающих порезов. Так как пока нет еще достаточного опыта в части стойкости клейм, то необходимо проверять их через 14 дней, четыре недели и четверть года и в случае необходимости возобновлять (см. п[ункт] 7).

3. Клеймение не является врачебным мероприятием. Поэтому и ввиду недостаточности немецкого санитарного персонала последнему не должно поручаться

¹ Видимо, имеется в виду начальник отдела министерства.

производство клеймения. Вместе с тем не встречается возражений против того, чтобы производить клеймение через советских военнопленных санитарных работников под надзором немецких врачей. При этом, однако, следует избегать массового привлечения вспомогательных сил для практического производства клеймения согласно настоящему указанию.

4. В целях быстрейшего исполнения ланцеты и китайская тушь должны быть истребованы в соответствующих санитарных парках.

5. Клеймение должно быть произведено:

а) у вновь прибывающих в будущем военнопленных в районе действия командующих войсками Остланда, Украины и генерал-губернаторства после санитарной обработки, после первой дезинфекции;

б) у всех остальных военнопленных в районе действий ОКВ — до 30 сентября 1942 года. О полном исполнении донести в ОКВ до 15. X. 1942 г.

6. Производство клеймения не должно вызывать перебоев в использовании рабочей силы. Поэтому клеймение военнопленных, занятых на работах, должно производиться по возможности в казармах рабочих команд или же при следующей дезинсекции.

7. Первое клеймение должно быть занесено в личную карточку, в графу «особые приметы» следующим образом:

«А» ...1942», точно так же, как и каждое последующее клеймение (см. пункт 2).

8. Необходимые указания по клеймению военнопленных, подчиненных ОКХ, дать генерал-квартирмейстеру ОКХ.

Просьба донести об отданных указаниях.

По поручению начальника штаба ОКВ

ХЕТЦЕЛЬ

Перевел с немецкого языка
полковник Розенблит

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 256,
лл. 240—241, пер. с нем.

Уполномоченный по 4-летнему
плану

Главный уполномоченный по
использованию рабочей силы.
№ 5780, 28.4265

Берлин, Юго-Запад

3 октября 1942 г.

Саарландштрассе, 96

(Министерство по использованию рабочей силы).

СРОЧНОЕ ПИСЬМО

Берлин, поступило 5.X.1942 г.,
№ 904A/42

Г[осподи]ну МИНИСТРУ
ПО УПРАВЛЕНИЮ
ОККУПИРОВАННЫМИ
ВОСТОЧНЫМИ ОБЛАСТЯМИ
В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ, г[осподи]ну
гаулейтеру МЕЙЕРУ
Берлин, Запад 35
Дорогой Мейер, товарищ по партии!

Фюрер выдвинул новую неотложную программу вооружения, которая делает необходимым введение в дело дополнительно двух миллионов иностранных рабочих. Для осуществления своего указания фюрер наделил меня новыми полномочиями в государстве, протекторате, генерал-губернаторстве и на оккупированной территории для принятия мер, гарантирующих при любых обстоятельствах использование рабочей силы для германской военной экономики.

Необходимую дополнительную рабочую силу следует максимально изъять с территории вновь оккупированных восточных областей, особенно из рейхскомиссариата Украины. Рейхскомиссариат Украины должен предоставить поэтому 225 тыс. рабочих до 31 декабря 1942 года и дополнительно 225 тыс. рабочих до 1 мая 1943 года.

Я прошу Вас немедленно поставить в известность рейхскомиссара и гаулейтера Украины Коха о новом задании и особо распорядиться о том, чтобы он лично всячески содействовал реализации этого задания.

Я намереваюсь в недалеком будущем посетить Коха и был бы благодарен, если бы он мне сообщил, где и когда я могу с ним встретиться для личной беседы. Но я прошу уже теперь немедленно приступить к вербовке со всей энергией, используя все силы, в частности специалистов с биржи труда.

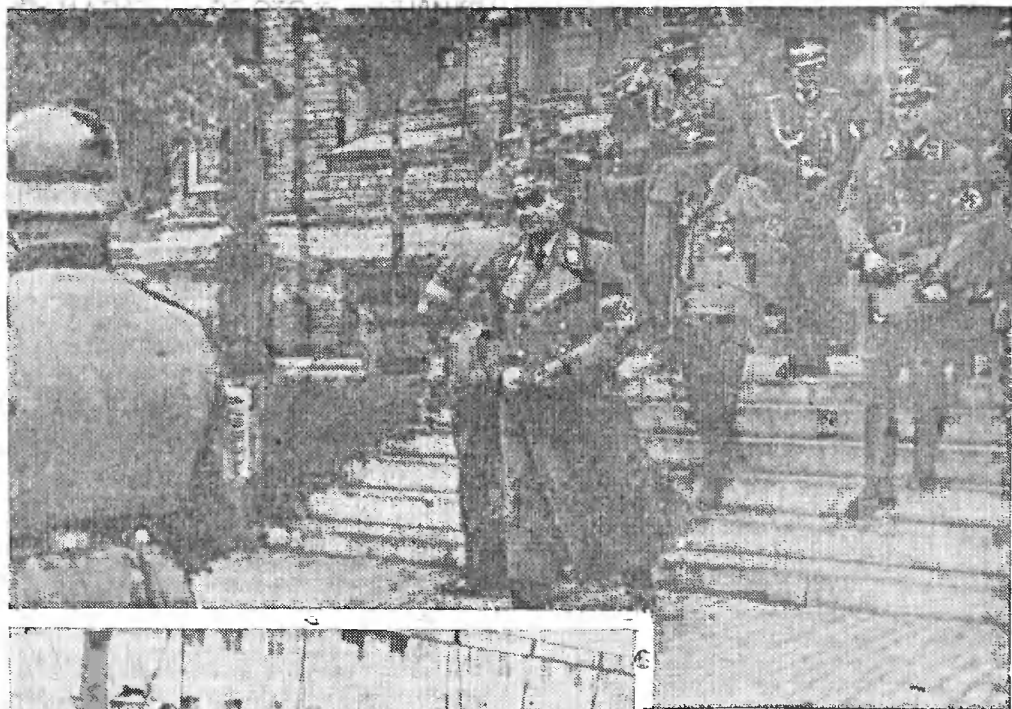
Все указания, временно ограничивавшие вербовку рабочих Востока, отменяются, вербовка на государственные работы должна на ближайшие месяцы стоять во главе всех мероприятий.

Существующая личная потребность принимается во внимание только после строжайшей проверки. Я учитываю трудности, которые встретятся при выполнении этого нового задания, но я также убежден, что при применении всех этих средств и при полной преданности исполнителей этого задания выполнение нового поручения может быть осуществлено в соответствии со сроками.

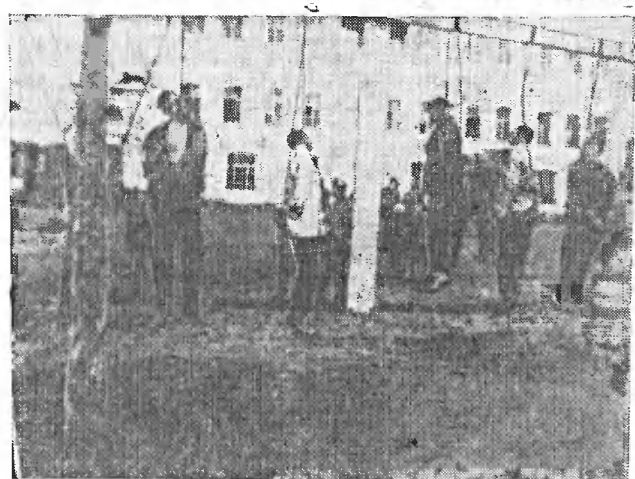
О новых заданиях я сообщил в то же время непосредственно рейхскомиссару Украины по телеграфу. Ссылаясь на наш сегодняшний разговор по телефону, я пришло Вам в начале будущей недели новый указ фюрера в подлиннике. Хайль Гитлер!

Преданный Вам Фриц ЗАУКЕЛЬ
Заверил Аккерман — канцелярист
С немецкого языка перевела ЛИТВАК
Проверил ОЗОЛЬ

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 256,
лл. 416—417, пер. с нем.

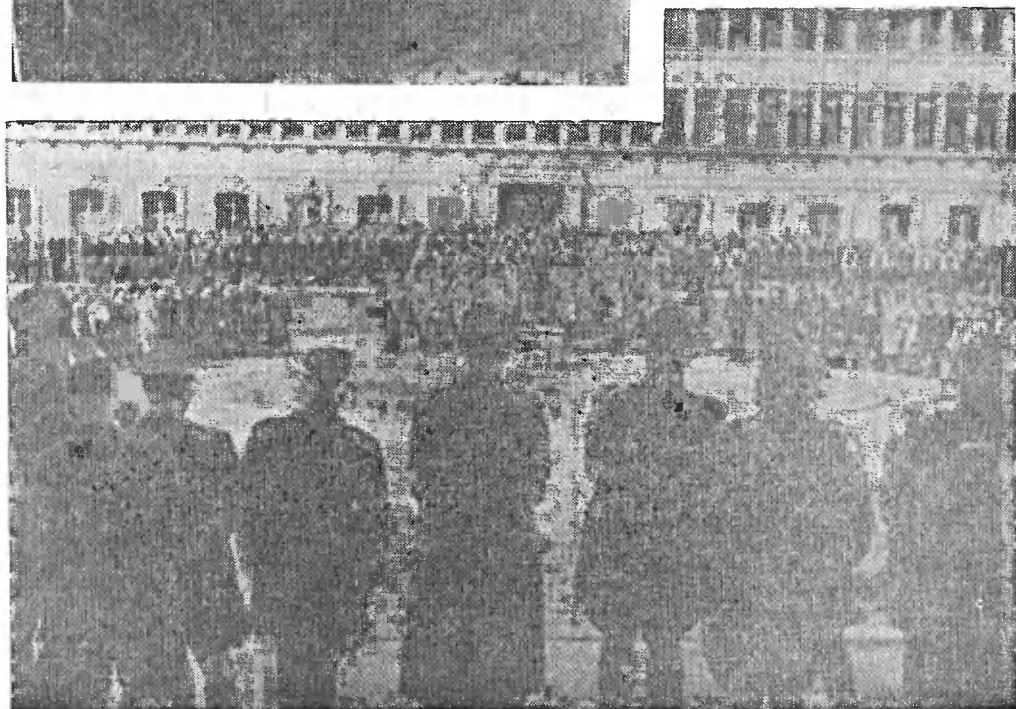

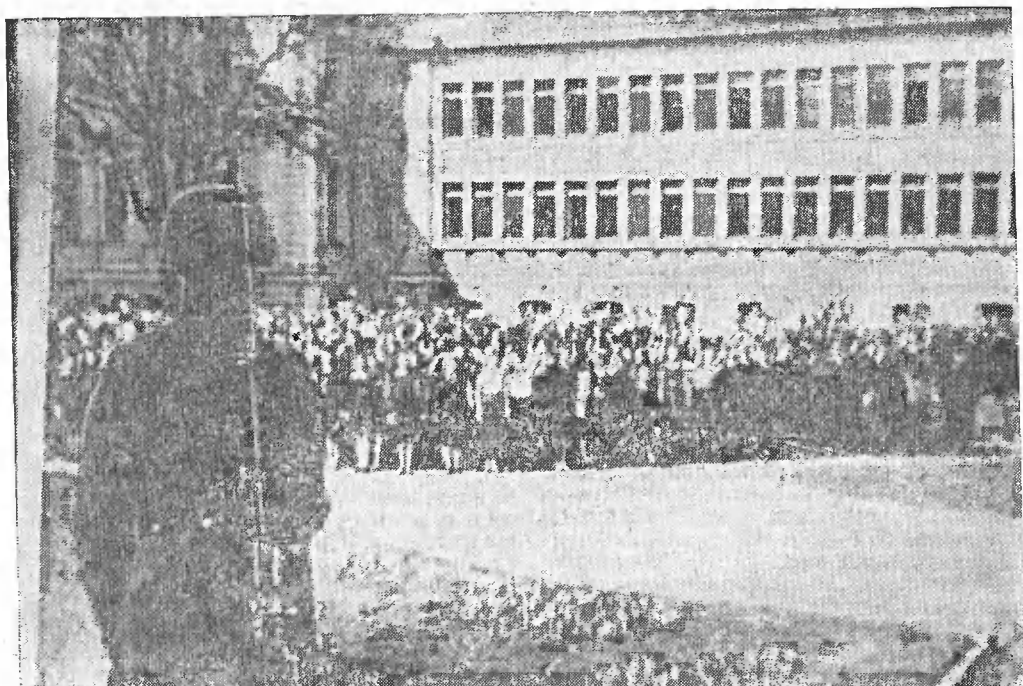
5. Рига. Университет.

6. Виселица в Орше.

7. Митау, дворец.

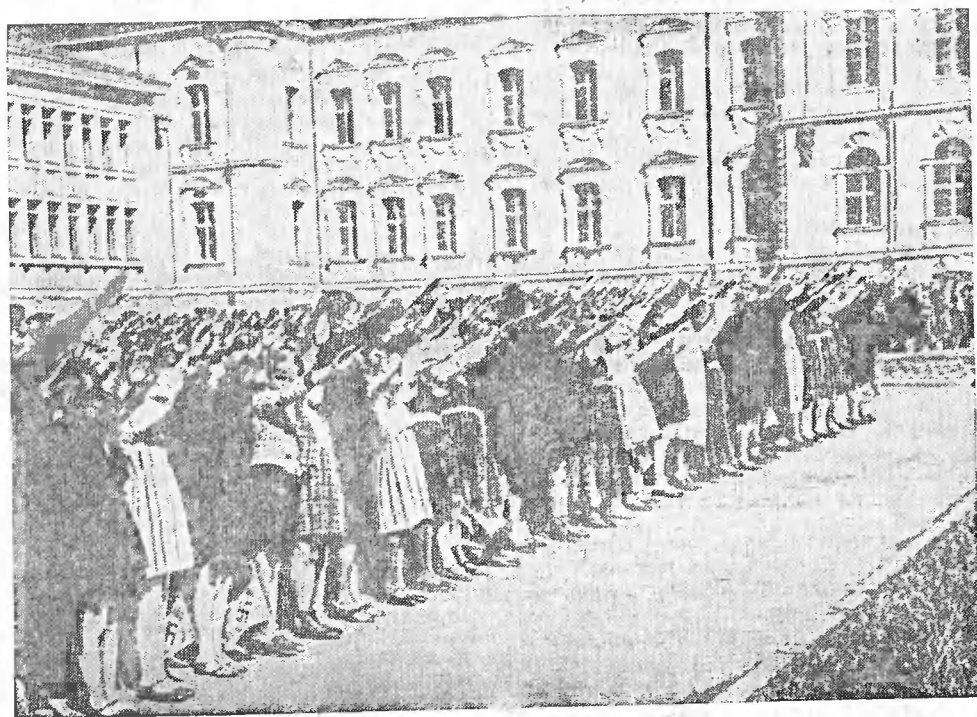

8. Митау, дворец.

ВЕЛИКАЯ
ГЕРМАНИЯ

9. Митау, дворец.

СОДЕРЖАНИЕ. Мобилизация рабочей силы для угольной промышленности.

В целях выполнения железо-стальной программы и с тем, чтобы обеспечить требования угольной промышленности, фюрер 7.7 приказал использовать для этой цели военнопленных.

Фюрер требует, чтобы вербовка военнопленных в угольную промышленность была проведена как можно быстрее и чтобы в конечном счете туда было направлено 300 тыс. человек.

1. Генеральный уполномоченный по вербовке рабочей силы (ГБА) при содействии начальника ОКВ (АВА)—шефа по делам военнопленных должен мобилизовать до 1. 9. 1943 г. 200 тыс. человек из имеющихся в нашем распоряжении советских военнопленных для работы в шахтах.

2. Всех советских военнопленных, захваченных с 5. 7. 43 г., из лагерей ОКВ направлять для ГБА (генер[альный] уполномоч[енный] по раб. силе) с тем, чтобы последний мог их в первую очередь использовать в угольной промышленности.

3. Всех советских военнопленных, по профессии горнорабочих, использовать на горных работах.

4. Всех захваченных в боях с партизанами в районах военной операции, расположения войск, восточных комиссариатов, генерал-губернаторства и на Балканах [лиц] мужского пола в возрасте 16—55 лет считать военнопленными. То же самое относится к мужчинам во вновь оккупированных областях на Востоке. Они должны будут посылаться в лагеря для военнопленных и оттуда направляться на работу в Германию.

Направлено:

1. Начальнику личного штаба рейхсфюрера СС;
2. В главное управление СС;
3. В главное управление имперской безопасности;
4. В гл[авное] управление СС по делам расы и поселений;
5. В гл[авное] управл[ение] полиции и порядка;
6. В гл[авное] хозяйственно-административное упр[авление] СС;
7. В гл[авное] управление кадров СС;
8. В гл[авное] управление суда СС;
9. В гл[авное] оперативное упр[авление] СС — командных войск СС;
10. В упр[авление] штаба имперской комиссии по укреплению германской народности;
11. В гл[авное] упр[авление] германского посреднического центра;
12. В ведомство СС обергруппенфюрера Хейсмейера;
13. Начальнику антипартизанских формирований;
14. Старшему начальнику СС и полиции Остланд.

15—20. Старшим начальникам СС и полиции Россия-центр, Россия-юг, Северо-восток, Ост, Альпенланд, Сербия.

21. Уполномоченному рейхсфюрера СС по Хорватии.

Подписал ГИММЛЕР

Перевела Шишкова

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 256, лл. 257—258, пер. с нем.

Секретно

ГЛАВНАЯ СТАВКА ФЮРЕРА,
8 июля 1943.

НАЧАЛЬНИК ОКВ
№ 02358/43

По вопросу «Рабочая сила для горной промышленности»

Фюрер приказал 7.7 для проведения расширенной программы производства железа и стали непременно увеличить добычу угля, а для этого покрывать потребности в рабочей силе из военнопленных.

Фюрер требует, чтобы срочно были приняты следующие меры, чтобы предоставить угольной промышленности 300000 дополнительных рабочих.

1. Из находящихся в наших руках советских военнопленных, за исключением военнопленных, находящихся в Финляндии и Норвегии, а также на работах в армии, должны быть представлены генеральным уполномоченным по рабочей силе совместно с начальником ОКВ, для горной промышленности до 1. 3. 43, партия за партией 200 тыс. способных к работе в горной промышленности военнопленных.

2. При взятии новых советских военнопленных потребности угольной промышленности должны удовлетворяться прежде всех других затребований.

Все военнопленные, взятые на Востоке после 5. 7. 43, должны быть переданы лагерям ОКВ и оттуда непосредственно или через других, испытывающих недостаток в рабочей силе, генеральному уполномоченному по рабочей силе для использования в угольной промышленности; председатель имперского союза угля с сего числа имеет право выбирать с помощью своих органов в лагерях военнопленных ОКВ.

3. Советские специалисты угольной промышленности без исключения должны быть из всех мест, использующих военнопленных соответственно их специальности, после замены переданы генеральному уполномоченному по рабочей силе для использования в горной промышленности.

4. Пленные мужчины в возрасте от 16 до 55 лет (выделено нами. — Б. К., А. В.), взятые в борьбе с бандами в зоне военных действий, армейском тылу, восточ-

ных комиссариатах, генерал-губернаторстве и на Балканах, считаются с сего числа военнопленными. Это же относится к мужчинам во вновь завоеванных областях Востока. Они должны быть пересланы в лагеря военнопленных, а оттуда на работы в Германию.

Об аресте и дальнейшем обращении с членами семей начальник генштаба сухопутных сил и имперский начальник СС издадут для своего круга обязанностей* согласованные между собой распоряжения.

Для доклада фюреру начальник отдела военнопленных каждые 10 дней докладывает мне о ходе мероприятий, в первый раз — к 25.7.43. по состоянию на 20. 7. 43 г.

Р а з о с л а н о:

В Генштаб сухопутн[ых] сил
В Верховн[ое] командов[ание] ВВС
В ОКМ

Генеральному упол[номоченному] по 4-лети[ему] плану для Кернера
Министру вооружений
Председателю имперского союза для Клейгера

Нач[альнику] вооруженных сух[опутных] сил, АВА

Имперскому начальнику СС и начальнику германской полиции

х) Добавлено для АВА. Необходимо осведомление других заинтересованных учреждений АВА производить совместно с ген[еральным] уполномоченн[ым] по рабочей силе.

Имперский начальник СС

Полевая ставка, 5 августа 1943 г.

По вопросу «Раб[очая] сила для угольной промышленности».

Основание. Записка командного штаба им[перского] нач[альника] СС № 1а/1303/43 сек.

(Идет перечисление всех высших инстанций СС в числе 21).

К § 4 вышеупомянутого приказа я приказываю, чтобы работоспособные молодые пленные женского пола пересылались через учреждение имперского комиссара Заукеля в Германию для работы. Дети, старые женщины и мужчины должны быть собраны в учрежденных мною детских и женских лагерях, в крупных хозяйствах, а также на границах эвакуированных областей и использованы на работе.

Подписал Г. ГИММЛЕР.
Перевел С. Дорофеев.

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 256, лл. 420—421, пер. с нем.

Выдержка из приказа по лагерю
(Лагерь [№] 344,

Ламсдорф, 21.6.44 г.)

Приказ № 60

5. Обувь советских военнопленных...
(приказание начальника по делам военнопленных № 23)

Ввиду большого недостатка обуви совершенно недопустимо, чтобы советские военнопленные в лагерях и раб[очих] командах в теплые дни носили

кожаную обувь. Они должны ходить босиком. Всевозможные исключения должны быть вынесены на рассмотрение коменданта лагеря.

Подлинный подписал
МЕССНЕР,

подполковник и комендант

За правильность

капитан и адъютант

(подпись)

Перевел с немецкого Пястухин

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 214, л. 78, пер. с нем.

Секретно

Управление стратегических служб

Вашингтон

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

АГЕНТА «Z» (Швейцария)

от 29 августа 1944 г. № R-B 18118.

1. Примерно в конце мая или в начале июня 1944 г. в главной ставке Гитлера, в Берхтесгадене, состоялась конференция. На ней присутствовали Гитлер, Гиммлер, Кальтенбруннер, генералы Гудериан, Цейтлер, Фромм, Кейтель и другие. На этом совещании было принято решение провести подготовку к уничтожению иностранных рабочих в случае, если русские, британские и американские войска будут иметь дальнейшие успехи.

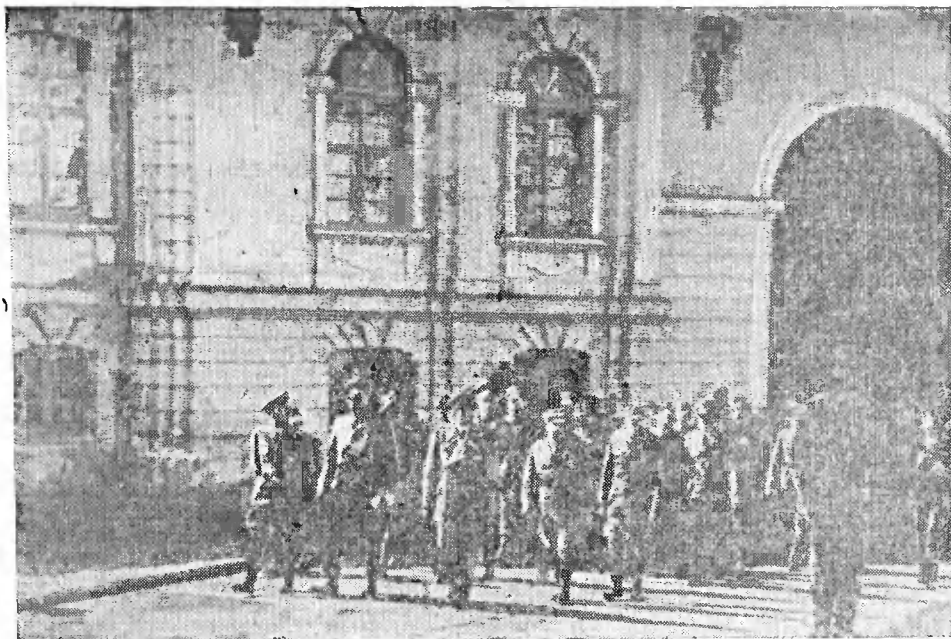
По предложению Кальтенбруннера и Гиммлера, рабочие разделялись на 5 групп. Первая группа, классифицировавшаяся как весьма опасная и насчитывавшая 2 000 000 человек, должна была быть уничтожена раньше других. Предполагалось, что к ее уничтожению будет приступлено сразу же. Чтобы создать видимость легальности этого убийства, договорились, что 2 000 000 человек, которые должны быть ликвидированы в первую очередь, должны будут перебрасываться из одного рабочего лагеря в другой и что по дороге они будут расстреляны войсками СС под предлогом, что они пытались поднять восстание или бежать.

2. Донесение устанавливает, что ряд генералов германских вооруженных сил, среди них Рундштедт, Цейтлер, Фромм, Витцleben и Бокк (речь, очевидно, идет о генерале Людвиге Бокке), так же, как генерал Отто, отказались согласиться с этим массовым убийством. Это явилось основанием, почему позднее некоторые из них приняли участие в заговоре против фюрера. Этот заговор был предвиден в донесении.

3. Генерал Стифф и его друзья обратились к источнику с просьбой установить связь с союзниками с тем, чтобы предупредить о предстоящих массовых казнях и убедить выпустить листовки, рассказывающие германскому народу об этом плане.

В донесении далее имелось в виду, что воззвание будет подписано такими выдающимися политическими и литературными деятелями, как Брюнинг, Вирт, Томас Мани и проф. Дессауэр, которые нашли убежище вне Германии. Генерал фон Модтлас (очевидно, речь идет о фон Моделе) был также упомянут как

* Так в документе.

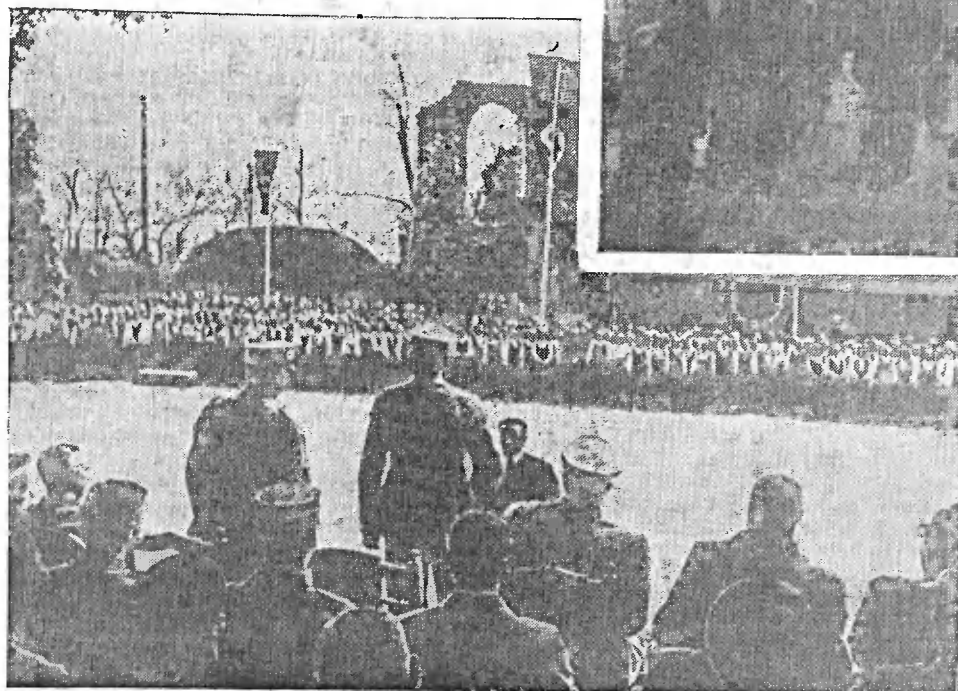

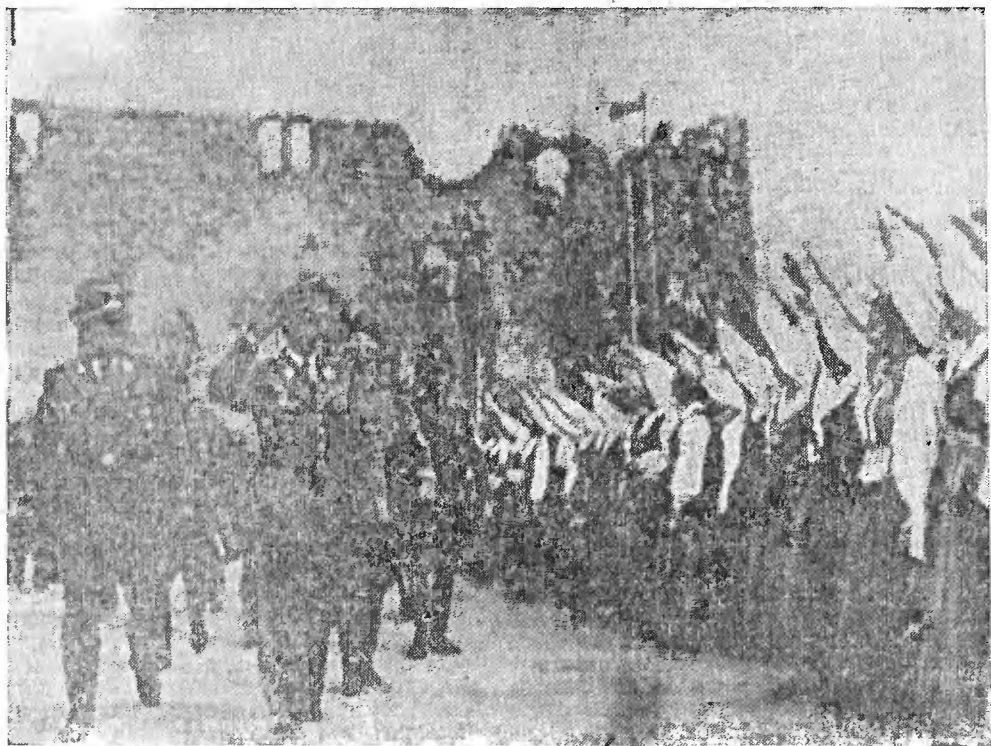
10. Митау, дворец

11. Снимок, найденный у убитого немецкого офицера западнее города Невеля.

12. Доблен, праздник.

13. Город Доблен приветствует рейхсминистра.

**ВЕЛИКАЯ
ГЕРМАНИЯ**

14. Эстонцы приветствуют Розенберга,

один из военачальников, на которого можно было рассчитывать, что он поведет свои войска против нацистского правительства.

Автор этого донесения, однако, не имел симпатии к русским и не пожелал вступить с ним в переговоры.

Перевел Тураев.

Городской комиссар в Каунасе

Каунас, 18 февраля 1944

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 256, лл. 378—379, пер. с англ. Стилизация перевода сохранена.

ВЕРБОВКА РАБОЧИХ ДЛЯ РЕЙХА

После вступления в июне 1941 германской армии в генеральный округ Литву были проведены мероприятия по набору местных рабочих для рейха.

Несколько недель спустя после прихода немецких войск по призыву военной администрации тысячи литовских с[ельско]х[озяйственных] рабочих и работников были завербованы на срок 6 месяцев для работы в больших имениях в Восточной Пруссии.

К сожалению, данные тогда обещания не выполнены. Этих лиц не освободили не только через 6, но и через 12 месяцев, их родственники оставили в течение долгого времени без какой бы то ни было помощи, им запрещали ездить в Литву в отпуск. Теперь же собираются переключить этих с[ельско]х[озяйственных] рабочих, мобилизованных на 6-месячный срок, против их воли на военную промышленность.

Второе крупное мероприятие герм[анской] армии, начатое весной 1942 [года], завершилось мобилизацией ок[оло] 7 тыс. мужчин так называемых вспомогательных транспортных сил.

Эта операция, проведенная неожиданно, без достаточной пропагандистской подготовки, была сильно затруднена неосторожными мерами начавшей нервничать германской армии. Так, например, литовцы, вызванные «только для регистрации», тут же были арестованы и под охраной военных их отвезли в здешние казармы, и они не имели возможности даже попрощаться с родственниками и привести свои личные дела в порядок.

После допущенных при первых операциях ошибок местное население с глубоким недоверием относится ко всем объявлениям и мероприятиям по дальнейшей мобилизации местных сил для рейха.

Это объясняется еще тем, что указанные в первых объявлениях меры наказания или совсем не применялись, или же применялись в редких, исключительных случаях, так что вскоре местное население до некоторой степени потеряло уважение к немецкой администрации...

...Надо, наконец, констатировать, что местная администрация в нынешней ее форме с самого возникновения полностью не справилась с задачей поставки рабочей силы для рейха, что и будет ниже доказано рядом фактов:

1. На основе приказа рейхскомиссара относительно Остланда от 16. 2. 43 г. в генеральном округе Литве была проведена вербовка людей 1919—1924 годов рождения.

На местную полицию было возложено проведение согласно списку набора подлежащих к обязательной явке людей указанных возрастов, причем полиция должна была пользоваться статистическими данными полицейских явочных пунктов.

В гор. Каунасе более 35 проц. письменных извещений не могло быть вручено лицам вышеуказанной категории, ибо адреса не совпадали.

Генеральный комиссар ввел вербовочные штабы и поручил им ведение настоящей вербовки, в эти штабы входят представители армии, местной администрации и управления труда. Был создан при генеральном комиссаре для совместного действия рабочий комитет, который развернул широкую пропаганду, отправляя в вербовочные штабы почти ежедневно появлявшиеся приказы и ежедневно получал через эти штабы отчеты о положении и настроении местного населения. Многочисленные призывы в прессе и радио первого генер[ального] советника центрального совета староверов, затем и литовской конференции должны были обратить внимание населения на его обязанности — посылать в возможно полном составе людей призывных возрастов на вербовочные пункты. Уже несколько дней спустя после начала операции политические противники пустили в ход обычные, на этот раз более сильные диверсионные маневры. На этот раз против набора вышеупомянутых возрастов выступила особенно интеллигенция, использовавшая учащихся высших школ.

Против этого мы приняли следующие меры:

не разрешили образовать литовский легион,

закрыли местные университеты и арестовали многих представителей литовской интеллигенции.

Эта контрмера не могла уже улучшить сколько-нибудь неприглядный исход вербовки.

Ввиду того что вербовка привела к явно неудовлетворительным результатам, генеральный комиссар 6. 4. 43 [г.] приказал переосвидетельствовать упомянутые возрасты и строго наказывать тех, кто избегает вторичного освидетельствования.

Несмотря на образование местных вербовочных комиссий (распоряжение первого генерального советника от 6. 4. 43 [г.]) и вступление немецких моторизованных полицейских команд (приказ нач[альника] отрядов СС и полиции Литвы от 6. 5. 43 г.), результат остался абсолютно неудовлетворительным.

В гор. Каунасе был достигнут примерно следующий результат: вербовке в первую очередь подлежало 2800 мужчин. Явилось 1794 (около 65 проц.)

На переосвидетельствование ожидалось (приблизительное число) 3 000 мужчин, явилось 928 муж[чин] (около 30 проц.).

Итого: в общем ожидалось — 5 800 муж[чин], явилось — 2722 (около 47 проц.).

2. Ввиду явно неудовлетворительного исхода прежней вербовочной операции возникла необходимость набора дальнейших возрастов 1912—1918 и 1925 гг., в этот набор вошли также и женщины 1914—1922 годов рождения.

И эти мероприятия не привели к удовлетворительному результату. В своем докладе в Каунасе 18. 7. 43 [г.] и на совещании у генер[ального] комиссара гаулейтер вновь и настойчиво коснулся напряженного положения с рабочей силой в рейхе: он опять потребовал широкой мобилизации литовских рабочих для рейха.

Согласно протоколу совещания, г[осподи]н генер[альный] комиссар убедительно описал все те большие затруднения, с которыми встретится мобилизация рабочих, он попросил держать наготове большое количество немецких полицейских сил. Обер-группенфюрер СС фон дем Бах явно обещал тогда существенно усилить полицию в Литве. Тем не менее в дальнейшем, при проведении мероприятий (акций), это существенное усиление полиции в Литве не состоялось.

3. Гаулейтер Заукель требовал вербовки за короткий срок 30 000 местных рабочих и их отправки в Германию.

На совещании у ген[ерального] комиссара 7. 9. 43 [г.] первый ген[еральный] советник от имени местной администрации вызвался взять на себя ответственность проведения данного мероприятия и до 7 11. 43[г.] завербовать и отправить требуемое количество рабочих — 30 000 человек.

Мы со своей стороны обещали местной администрации широкую поддержку и оказали ей поддержку, она же безответственно затянула дело.

С литовской стороны не было недостатка в оговорах.

То не хватало на месте полицейских сил, то не на чем было перевозить завербованных, то не хватало горючего на месте. Как только устраняли эти затруднения, тут же возникали новые. Таким образом, произошло то, что должно было случаться: 11.11.43 [г.] на совещании окружных начальников, состоявшемся под председательством первого ген[ерального] советника, было установлено, что число завербованных к этому времени рабочих не достигает даже и 3000, тогда как нам было обещано завербовать и отправить в рейх к этому моменту 30 000 чел[овек]. По ходатайству местной администрации г[осподи]н ген[еральный] комиссар согласился на вторичную отсрочку, и местная администрация обязалась к 31. 1. 44 [г.] подготовить требуемые 30 000 человек,

Вместо обещанного количества — 30 000 к 31. 1. 44 [г.] в наше распоряжение было предоставлено 8200 рабочих.

4. Между тем гаулейтер Заукель предъявил новые требования: генеральный округ Литва должен был подготовить для рейха уже 100 000 местных рабочих (вместо требуемого до сих пор количества 30 000 чел[овек]).

На общем совещании ген[еральных] советников 24. 1. 44 [г.] г[осподи]н ген[еральный] комиссар прямо отметил, что поставка данного количества рабочих должна быть обеспечена во что бы то ни стало, даже несмотря на угрозу срыва плана работы в ген[еральном] округе и невзирая на то, что большое количество рабочих мест в стране остается вакантным.

За проведение новых мероприятий отвечает опять местная администрация; в согласии с ген[еральным] комиссаром при всех окружных военных начальниках, участковых руководителей и руководителей населенных пунктов создаются комиссии по мобилизации рабочей силы.

Была произведена разверстка и каждому бургомистру или окружному военному начальнику точно указано требуемое от него количество.

В гор. Каунасе дело обстоит так: вновь требуемый контингент — 7000 рабочих, 20 проц. прибавки — 1400. Вместе — 8400 рабочих.

По сведениям руководимого мною управления труда, на 1. 2. 44 [г.] в области Каунаса было 7000 вакантных рабочих мест: в промышленном хозяйстве, в служебных местах германской армии, полиции и т. д., так что для того, чтобы удовлетворять требования рейха и местного хозяйства, практически требовалось из одного только Каунаса 15 400 рабочих. И это при общем количестве местных жителей немногим больше 130 000 чел[овек]...

Что касается поставки возложенного на ген[еральный] округ Литву контингента рабочих, то можно не сомневаться, что немецкая администрация со своей стороны сделает все для того, чтобы завершить эту операцию с наиболее приемлемым результатом. Пока еще трудно предсказать и предвидеть, сколько будет набрано рабочих во время этого мероприятия. Для достижения сколько-нибудь удовлетворительного результата необходимо создать ряд предпосылок, а именно:

1. Перевести на время этой операции в ген[еральный] округ Литву минимум 5000 немецких полицейских.

2. Жестоко наказывать за всякую диверсию.

3. Время от времени предоставлять в распоряжение вербовочных комиссий при бургомистрах или окружных военных начальниках транспортные средства предположительно из средств германской армии.

Если нет этих или подобных условий, то в ген[еральном] округе Литве вряд ли можно рассчитывать на возможность со-

брать полностью или в значительной степени требуемое количество рабочих...

Подпись

Перевел А. Мамедов.

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 256, лл. 429—433, пер. с нем.

Доктор медицины С. Рашер
СС-хауптштурмфюрер
Имперскому руководителю СС
и шефу германской полиции
г[осподину] Генриху ГИММЛЕРУ

Мюнхен, 17 февраля 1945 г.

Берлин СВ II

Принц Альбрехтштр[ассе], 8.

Уважаемый рейхсфюрер.

В приложении передаю Вам составленный в краткой форме отчет о достигнутых результатах проведенных опытов по отогреванию охлажденных людей животной теплотой.

В настоящее время я работаю над проблемой доказательства на человеческих опытах, что людей, которые замерзли на суше, можно отогревать так же скоро, как и тех, которые охлаждались от длительного пребывания в воде.

Имперский врач СС, СС-группенфюрер д[октор] ГРАВИЦ сомневается в вероятности этого и считает, что я должен доказать такую возможность не менее чем на 100 опытах.

До настоящего времени я охлаждал около 30 человек в раздетом виде в течение 9—14 часов до температуры 27—29°. После этого через промежуток времени, который соответствовал бы транспортировке в один час, я помещал испытуемых в горячую ванну. До настоящего времени во всех случаях пациент отогревался не более чем через час, несмотря на частичное обмороживание до болезни рук и ног. У некоторых испытуемых на следующий день после опыта наступило состояние слабости с небольшим повышением температуры. Смертельных исходов от чрезвычайно быстро-

го отогревания я до сих пор не наблюдал. Ваше приказание, уважаемый рейхсфюрер, относительно отогревания через сауну я до сих пор не смог провести, поскольку в декабре и январе стоит слишком теплая погода для проведения опытов на свежем воздухе и т. к. в лагере сейчас установлен карантин в связи с тифозными заболеваниями, и поэтому мы не могли перенести подопытных лиц в СС-сауну.

(Я несколько раз делал себе прививки и лично провожу опыты в лагере, несмотря на тиф). Проще было бы, если бы я был переведен в СС-части и смог бы поехать с племянником в Аушвиц, где я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обмороживаний, происшедших на суше. Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку здесь более холодно и территории больше. Потом это будет меньше привлекать к себе внимание (испытуемые кричат, когда замерзают).

Если, уважаемый рейхсфюрер, в Ваших интересах ускорить важные для армии опыты в Аушвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я Вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.

С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер!

Ваш всегда преданный С. РАШЕР.

Перевела Г. Харьков.

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 256, лл. 387—388, пер. с нем.

Публикацию подготовили:

[Б. И. КАПТЕЛОВ], директор

Центрального государственного
архива Октябрьской революции СССР;
майор А. А. ВАЖЕРКИН

19 сентября 1991 года на 57-м году жизни скоропостижно скончался заслуженный работник культуры РСФСР, директор Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) Каптелов Борис Иванович.

Борис Иванович — выпускник Московского государственного историко-архивного института. Более 25 лет проработал в архивных учреждениях нашей страны.

Б. И. Каптелов был широко известен архивистам, историкам, журналистам и научной общественности как директор одного из крупнейших архивов страны, много сделавший для популяризации документов ЦГАОР СССР, состоял членом редколлегии ряда научных изданий, являлся активным автором «Военно-исторического журнала».

Борис Иванович был отзывчивым и добросердечным человеком. Светлая память о Борисе Ивановиче Каптелове навсегда останется в наших сердцах.

КОЛЛЕКТИВЫ СОТРУДНИКОВ ЦГАОР СССР
И «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

ДВИЖЕНИЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ИСТОРИЯ ВЛАСОВСКОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В номере 7 нашего журнала мы прервали публикацию показаний Власова. Продолжаем ее.

«П ОСЛЕ ЭТОГО Гиммлер спросил, как я знаю Сталина, Берниа, Кагановича и Жданова. Особенно Гиммлер интересовался личной жизнью Сталина, расспрашивал, где Сталин живет, из кого состоит семья и есть ли евреи в семье и близком окружении Сталина.

Я клеветал на Сталина, но каких-либо подробностей Гиммлеру о личной жизни Сталина рассказать не мог, так как в действительности ничего не знал.

В отношении Берниа, Кагановича и Жданова я также ничего Гиммлеру не сумел сказать, ибо мне ничего о них не было известно.

Тогда же Гиммлер задал вопрос, кто может быть преемником Сталина. На мое заявление, что это трудно предположить, Гиммлер высказал свое мнение, что по военным вопросам преемником Сталина, очевидно, будет Жуков, а по гражданским делам Жданов. Я сказал, что Жуков в прошлом был моим начальником, я его знаю как волевого и энергичного, но грубого человека.

Перед тем как отпустить меня, Гиммлер спросил, смогу ли я справиться со столь ответственной задачей, как объединение антисоветских организаций всех национальностей. Я заверил Гиммлера,

что с этой задачей справлюсь, так как за два года пребывания в Германии я приобрел необходимые связи среди белоэмигрантов и националистов, а также что в ближайшие дни представлю ему проект «манифеста».

Вопрос. Кто участвовал в составлении «манифеста», написанного по предложению Гиммлера?

Ответ. Проект манифеста, который нами разрабатывался по предложению Гиммлера, составляли я, Малышкин, Трухин, Жиленьков и работавший в ведомстве Геббельса генерал-майор Закутный — бывший начальник штаба 21-го стрелкового корпуса Красной Армии.

В манифесте в антисоветском духе излагалось положение в Советском Союзе, возводилась клевета на руководителей Советского государства, которые якобы своей неправильной политикой привели страну к войне, и сейчас народы России проливают кровь за империалистов Англии и США. Доказывалась необходимость борьбы с большевизмом и сообщалось о создании для этой цели «Комитета освобождения народов России».

В манифесте декларировалось, что Комитет создан для освобождения народов России от большевистской системы, заключения мира с Германией и создания Российского государства без большевиков.

После этого проект манифеста через Крегера был передан Гиммлеру, который внес в него ряд поправок и утвердил.

Манифест подписало 37 членов и 12 кандидатов в члены «Комитета освобождения народов России».

Вопрос. В распоряжении следствия находится напечатанный типографским способом «Манифест Комитета освобождения народов России», датированный 14 ноября 1944 года.

Вы этот документ подписали?

Ответ. Да.

Вопрос. В «манифесте» указано, что некоторые члены «Комитета освобождения народов России» не поставили своей подписи на этом документе в связи с тем, что они находятся в СССР.

Назовите фамилии этих лиц.

Ответ. Такую запись в конце манифеста придумал Жиленков для того, чтобы создать видимость, что представители «комитета» действуют также и на территории СССР.

Я сказал Жиленкову, что немцы могут потребовать от нас, чтобы мы назвали фамилии этих членов «комитета». Жиленков ответил, что из этого положения мы выйдем очень легко, назовем несколько известных нам в СССР командиров и скажем, что они якобы являются нашими сторонниками.

Вопрос. Но вы же сами в своих публичных выступлениях утверждали, что имеете сообщников среди генералов и офицеров Красной Армии.

Ответ. Никаких сообщников в Красной Армии я не имею. В своих некоторых выступлениях я действительно говорил, что якобы у меня есть преступные связи с лицами, находящимися на территории СССР, которые ведут борьбу против Советской власти, но на самом деле я их не имел и говорил об этом только для того, чтобы поднять в глазах немцев свой авторитет.

Должен показать, что в начале 1944 года ко мне в Дабендорф явились два неизвестных сотрудника СД, владевших русским языком.

Один из пришедших заявил, что им якобы удалось связаться с Шапошниковым, который по предложению немцев берется организовать переворот внутри СССР. Эти люди спросили меня, что я хотел бы передать Шапошникову и не хочу ли я связаться с кем-либо другим в Советском Союзе, они мне могут помочь в этом. Я поинтересовался, как немцам удалось связаться с Шапошниковым, однако эти лица замаялись и ни-

чего вразумительного сказать не смогли. Я понял, что это провокация со стороны немцев, сделанная с целью проверить, имею ли я какие-либо связи на территории СССР, и поэтому уклонился от разговоров с ними.

Когда знакомишься с публикациями, выставяющими Власова в роли «освободителя русского народа», и сравниваешь их с документами, как нашими, так и немецкими, то явственно видишь откровенную фальшь. Фальшью и цинизмом пронизана и вся деятельность Власова во время пребывания его в «свободном плену», а точнее, в пропагандистском услужении у поработителей своего народа. Нет повода говорить и о каком-то власовском освободительном движении. Из цитируемых показаний Власова, а также из немецких документов явствует, что немцы усиленно подыскивали кандидатуру на роль «российского вождя», точно так же, как и на роли украинского, грузинского, азербайджанского и многих других «национальных лидеров». Все это делалось только с пропагандистской целью, чтобы разобщить и ослабить советский народ. Объявив о «национальном возрождении новых демократических государств, освобождаемых от большевистского ига под эгидой Германии и руководством Гитлера», организаторы акции и в грош не ставили реальные интересы этих «государств». Тщательно собирались факты о настроениях Шапошникова, Рокоссовского, Жукова. Всерьез обсуждалась кандидатура генерал-майора Шاپовалова, бывшего командира 7-го стрелкового корпуса Красной Армии, добровольно перешедшего на сторону врага. Так что «власовское движение» могло бы называться «шаповаловским» или еще как-нибудь иначе. Не патриотический порыв, а зачастую элементарное предательство вербовало людей под власовское знамя. Когда же план быстрой войны провалился, на «патриотов» стали посматривать более рационально: как на активную рабочую силу и пушечное мясо. Но опять-таки для интересов Германии, а не для процветания будущих «суверенных демократических государств». Вот как об этом сказано в одном из немецких документов:

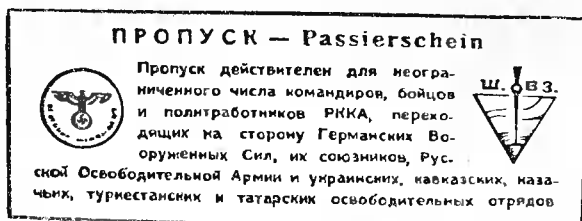
«Копия

Перевод с немецкого

Добыто боевой разведкой
17-й гвардейской стрелковой дивизии.

ИЗ ТРОФЕЙНЫХ НЕМЕЦКИХ ДОКУМЕНТОВ

Переходить можно и без пропуска: достаточно поджать обе руки и крикнуть: «Сталин капут» или
«ШТЫКИ В ЗЕМЛЮ!»

ИНСТРУКЦИЯ

Использование местных подсобных сил на Востоке

Содержание инструкции: Приказ II орготдела Главного штаба от августа 1942 г. № 8000/42, секретно, с 7 добавлениями и 5 приложениями

ВОЕННЫМ УПРАВЛЕНИЯМ И СЛУЖБАМ ВОСТОЧНОЙ АРМИИ

Обширность восточных пространств и настоятельная необходимость скупко расходовать силы немцев вынудили нас поставить на службу вооруженным силам (особенно полевым войскам) и военному хозяйству население стран, захваченных на Востоке, и военнопленных. Решающее значение в этом деле имеет продуманность распределения годных для использования рабочих рук, чтобы после удовлетворения жизненно важных потребностей армии была дана возможно полная поддержка военному производству оккупированных областей Германии (так в документе; следует читать — Германией. — Авт.). Это требует орга-

низованного охвата и упорядочения введения в дело местных жителей занятых областей и военнопленных, а также пересмотра и объединения изданных и новых распоряжений и правил.

Вследствие этого приказываю руководствоваться:

Основное разделение:

1. Различать в смысле применения к делу и обращения с ними следующие группы привлеченных в армию местных жителей оккупированных областей и военнопленных:

а) людей тюркских народностей и казаков, сражающихся против большевистского врага рука об руку с немецкими солдатами как равноправные соратники. Сюда относятся:

1. Тюркские батальоны, в том числе тюркские стройбатальоны и другие.
2. Казачьи подразделения.
3. Крымские татары;

б) местные охранные соединения из местных добровольцев и отпущенных военнопленных, взявшие на себя во фронтовой полосе охрану их родины от

П Р И К А З

о проведении вербовочных мероприятий в связи с кампанией
ГИММЛЕРА-ВЛАСОВА.

1. Вербовка добровольцев для русской освободительной армии является согласно приказу рейхсфюрера "СС" неотложным мероприятием; она проводится пропагандистами по приказу высшего руководителя "СС" и полиции в Норвегии и по согласованию с комендантом зоны военнопленных.
2. Пропагандист имеет задание принять в письменном виде заявления добровольцев и занести *телефоны* в списки. Список должен содержать:
 - а) имя, фамилия
 - б) дата рождения,
 - в) № военнопленного.
3. По выполнении вербовочной кампании пропагандист выезжает в Стагд 303, где сдает заявления и списки. Явка до 5.XII.44г.
4. Желательно немедленно организовать в лагерях отдельное размещение добровольцев.
5. Предлагается всей немецким учреждениям оказывать пропагандистам содействие и устранять все встречающиеся затруднения.
6. При возможных затруднениях и в случае необходимости оказания помощи пропагандист должен обращаться в ближайший орган СД.

Высший руководитель "СС" и полиции Севера.

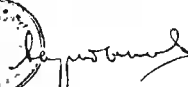
По поручению подписал

д-р ТССС

СС - обергауптштурмфюрер

Дислокация 15 ноября 1944 г.

Разослано:

.....
полковнику ЗБСЗЗУ
БЕРНО:

оторванных частей русской армии, банд и большевистских мятежников.

Сюда относятся: эстонские, латвийские, литовские, финские, белорусские, украинские и немецкой национальности охранные подразделения и соединения, действующие как воинские части во фронтовой полосе...

3. Основные принципы применения

...д) благоприятные результаты, которые часть получит от действий большинства добровольно помогающих, ни в коем случае не должны приводить к легкомысленной доверчивости и к пренебрежению мерами бдительности в боевых условиях. Командование части всегда должно помнить о том, что в тяжелых положениях и во время частых контратак противника ненадежные элементы из числа добровольно помогающих могут нанести огромный вред, что враг ради этой цели постоянно засылает к нам агентов...

ГАЛЬДЕР

Справка: 1. Печатается в виде брошюры в красной обложке с надписью «Секретно» (полевая мототипография № 631).

Туманом недосказанности и лжи окутано и создание нагнетавшего когда-то и реанимируемого в наше время так называемого «Комитета освобождения народов России» (КОНР). Об этом, к примеру, писали: «14 ноября 1944 года в Праге состоялся учредительный съезд Комитета...» Дальше говорилось о том, кого представляли делегаты и сколько их было, о неуважении высшего руководства Германии к участникам съезда, поскольку оно «держало власовцев на дистанции», приводились цитаты из «манифеста» КОНР. Вместе с тем в публикации нет и намёка на то, что Прага — это «славянская ширма», поскольку вся организационная подготовка к съезду и его дальнейшая работа, как и вся деятельность «Комитета», осуществлялись в Берлине.

Ярый поклонник и пропагандист Власова протоиерей Александр Киселев, бывший участник съезда КОНР, откровенничал: «Пребывание членов Комитета в Праге было кратковременным, и поездка в Прагу была нужна только для того, чтобы этот акт состоялся не в Германии, а на славянской земле. Это было категорическим условием ген[ерала] Власова. Продолжение пражского официального акта было в Берлине 18 октября, в зале «Европа-Хаус»¹.

В общем-то правильно пишет Киселев, но ошибается, вернее хитрит, вот в чем. Объявить об учреждении КОНРа в Праге, а не в Берлине — это не категорическое условие Власова, а такой же фальсификаторский пропагандистский немецкий трюк, который был произведен в 1942 году со Смоленском. Об этом уже сообщалось. Да и предложил уловку не Власов. «После того как предварительная работа была закончена, было решено созвать 1-е учредительное заседание «Комитета», — показывал на доске 4 мая 1946 года Жиленков. — Причем я предложил созвать это заседание «Комитета» в столице Чехословакии в городе Праге, мотивировав это

¹ Прот. Киселев Александр. Облик генерала А. А. Власова (записки военного священника). — Нью-Йорк: Книгоиздат. Путь жизни. — 1980. — С. 120.

тем, что устраивать заседание «Комитета» на территории Германии нецелесообразно, т. к. авторитет «Комитета» от этого бы снизился. Я рассчитывал этим актом в некоторой степени замаскировать, что «Комитет» создается немцами по заданию Гиммлера... Присутствовали помимо входивших в состав «Комитета» в качестве гостей более 200 человек военнопленных, белоэмигрантов, а также и немцы... В состав президиума «Комитета» были избраны: я, Власов, Малышкин, Трухин, Закутный, белоэмигрант профессор Руднев, белоэмигрант, бывший генерал-лейтенант казачьих войск Балабин, эмигрант профессор Иванов, преподаватель из Минска Будзилович и журналист из Киева Музыченко. 18 ноября 1944 года в Берлине по моему предложению состоялось торжественное заседание всего состава «Комитета», на которое в качестве гостей было приглашено до полутора тысяч человек советских граждан, вывезенных немцами в Германию, а также военнопленные и белоэмигранты... Торжественное заседание «Комитета», состоявшееся в Берлине, открыл я. На этом заседании «Комитета» выступил Власов с программной речью... После выступления Власова в прениях выступали различные представители, в частности от добровольцев-фронтовиков выступил Бобров-Голубовский, от украинцев — Музыченко, от православной церкви — священник Киселев и другие, фамилии их не помню.

Жиленков проявлял всю свою изобретательность в поисках для пропагандистской машины Германии «вождя освободительного движения». Это он предложил план похищения Рокоссовского, мотивируя выбор тем, что известный советский генерал и военачальник «раньше арестовывался органами Советской власти, в связи с чем недоволен Советским правительством». В ходе следствия Жиленков отметил, что главное управление имперской безопасности проявило повышенный интерес к личности Рокоссовского и идее его похищения. Инициатор акции посоветовал поручить бывшему полковнику Красной Армии Тарасову, знавшему намечаемую жертву навязываемого «освобождения», составить проект открытого письма Рокоссовскому. Тарасов выполнил это поручение. Сам Жиленков принял активное участие в другой подобной авантюре. Правда, инициатива на этот раз принад-

лежала не ему, а полковнику СС Далькену — доверенному лицу Гиммлера, возглавлявшему расположенный в районе Львова специальный пропагандистский штаб «Скорпион». В конце июля 1944 года, как показал Жиленков, Далькен, ссылаясь на пример немецкого генерала Зайдлица, выступившего с открытым письмом против Гитлера, предложил Жиленкову сочинить похожее послание к кому-нибудь из представителей лиц советского военного командования, чтобы скомпрометировать это лицо. Если акция удастся, подчеркивал (со слов Жиленкова) Далькен, то она явится «лучшим доказательством серьезности нашего намерения до конца бороться против Советской власти и что факт этого выступления может сыграть решающую роль при рассмотрении Гитлером вопроса о предоставлении нам больших возможностей в работе». Жиленков создал это «произведение», озаглавив его «Открытое письмо к члену военного совета армии Запорожцу»². В нем бросалась тень недоверия не только на «главный объект», но и на маршала Жукова, а также подвергалась сомнению целесообразность сопротивления бойцов Красной Армии гитлеровским войскам. «Открытое письмо» было отпечатано тиражом 10 млн. экземпляров и распространялось на передовой линии фронта.

Одной из наиболее преступных и масштабных акций, в которой Жиленков играл ведущую роль, явилась разработка плана формирования так называемой «гвардейской ударной бригады РОА». Началась эта затея в апреле 1943 года, когда 6-й отдел Главного управления имперской безопасности разрешил белоэмигрантам Иванову и Сахарову формировать из числа военнопленных «ударную бригаду», а те, заручившись высочайшим позволением, привлекли к этой работе неумного на провокации Жиленкова. Было создано ядро карательной бригады, командиром которой назначили бывшего полковника Красной Армии Гиля-Родионова. Около 500 человек расквартировали в поселке Крышова, что в

² А. И. Запорожец (1899—1959 гг.), генерал-лейтенант (1942 г.). Участник гражданской войны. В 1938—1941 гг. — военком Генерального штаба, начальник Главного управления политической пропаганды РККА, заместитель наркома обороны СССР. В 1941—1945 гг. — член военного совета Южного, Волховского и Ленинградского фронтов, уполномоченный Ставки ВГК, член военного совета армий, а впоследствии округов.

17 км от Пскова, и стали подвергать их соответствующей обработке. Жилеников же с Ивановым приступили к разработке плана формирования будущей бригады, который вскоре направили для одобрения и утверждения по инстанции.

Спустя некоторое время их вызвали на прием к заместителю начальника 6-го отдела Главного управления имперской безопасности подполковнику СС доктору Грейфе. Выслушав словесные заверения в реальном успехе задуманного, тот пообещал доложить их соображения вышнему начальству. Через две недели Грейфе представили заявки на обмундирование, вооружение, снаряжение, денежные средства и документы — словом, все, что необходимо для активной деятельности будущей агентуры. Имелись также разработки нескольких легенд для исполнителей диверсионных, террористических и провокационных акций, расписание по строевой, стрелковой и идеологической подготовке личного состава бригады, детальный план переброски двух групп в составе 3—4 человек в тыл Красной Армии. Грейфе получил возможность ознакомиться с кандидатами на командирские должности в этих группах. Это бывший подполковник Красной Армии Алексей Бочаров и майор, тоже бывший, Иван Грачев. Обе группы намечалось забросить в Москву с террористическими, диверсионными и разведывательными целями, а первой из них (бочаровской), кроме того, определялось особое задание — выкрасть Рокоссовского и склонить его к формальному руководству «Русской освободительной армией». К формальному потому, что никакой армии еще не было и в помине, а когда она появилась в составе двух реальных дивизий, хотя и неполных, и третьей «бумажной»³, планируемой, действительное руководство по-прежнему осуществлялось германским командованием. Нет оснований автору

также утверждать, что высшие германские чины держали Власовцев «на дистанции». Да не на дистанции, а на самом коротком поводке, находя для этого всевозможные формальные огорки!

Беспочвенны утверждения об игнорировании «освободительного движения» даже в «минуты роковые», т. е. во время «исторического» съезда КОНР, со стороны высшего руководства Германии. Ликование было обоюдным, и германские бонзы радовались рождению своего «кровного дитяти» не меньше, чем «непосредственные виновники» торжества — члены КОНР. Поздравления в адрес того же Власова поступали от лиц самого различного уровня. Вниманием, в том числе и «высоким», съезд КОНР обойден не был. А что не прислал свою поздравительную телеграмму Гитлер, — так это говорит о другом. Для самого Гитлера «освободительное движение» было фикцией, точно так же, как и «идеи» того же Власова о «новой суверенной России». И все же Власов не был совершенно обделен вниманием фюрера.

Благосклонно «похлопывали по плечу» угодливого служаку и подручные Гитлера, за что Власов выражал им вернопопдаданическую благодарность. Для подтверждения приведем текст одного из таких ответов, помещенный в газете «Новый путь» за 7 ноября 1944 года:

«Г. Гиммлер — А. А. Власову

Генерал-лейтенантом А. А. Власовым ко дню рождения рейхсфюрера СС Г. Гиммлера была послана поздравительная телеграмма. На это рейхсфюрером был прислан следующий телеграфный ответ:

Дорогой генерал Власов!

Выражаю Вам мою искреннюю благодарность за добрые пожелания по поводу дня моего рождения.

Я твердо уверен, что общими нашими усилиями и при нашей настойчивости мы добьемся победы над большевизмом.
Г. ГИММЛЕР».

Коротко о формировании РОА, в частности — авиационных частей.

Мы уже рассказывали о том, как «главнокомандующий власовской авиацией» Мальцев хвастал вербовкой в РОА бывшего Героя Советского Союза

³ На одном из допросов Власов говорил именно о 3-й дивизии, командиром которой намечался якобы генерал-майор Шаповалов. Но вот в одном из своих приказов от 7 февраля 1945 г. (№ 1/ФР. Секретно. Ставка) «О сформировании специального соединения генералом Шаповаловым» отдает указание начальнику штаба вооруженных сил «Комитета освобождения народов России» (ВСКОНР) генерал-майору Трухину сформировать штаб «особого соединения, оперативного назначения». В приказе однозначно говорится, кому все они подчиняются вместе с будущим новым формированием: «Все вопросы, связанные с материальным обеспечением, организацией соединения, казарменным размещением, генералу Шаповалову согласовать и уточнить с гауптштамтом СС».

Бычкова⁴. О том, в чьих интересах создавались эти «русские воздушные силы», дает определенное представление переведенный с немецкого трофейный документ. Вот выдержка из него:

«Маршал Великогермании
Главнокомандующий ВВС

Совершенно секретно
19.12.44.

Главная квартира

По вопросу: образование ВВС РОА

...Я разрешаю снабжение военно-воздушных сил РОА средствами вооружения, включая материальную поддержку, подбор кадров и их обучение с помощью подчиненных мне учреждений...

3.

...2. Передача сформированных соединений РОА последует по моему особому приказу...

4. Впредь до отмены ко всем формируемым соединениям прикомандировываются германские посреднические и учебные команды. Означенные команды по мере надобности затребуются у генерал-квартирмейстера генштаба главного командования ВВС инспектором восточно-народных кадров ВВС...

4.

1. Во всех вопросах формирования и обучения меня представляет инспектор восточно-народных кадров ВВС. С этой целью он держит теснейшую связь со всеми соответствующими специальными учреждениями главного командования ВВС.

2. Инспектор восточно-народных кадров ВВС представляет мне по мере возможности срочные данные о плане формирования военно-воздушных сил РОА.

Подлинный подписал: ГЕРИНГ».

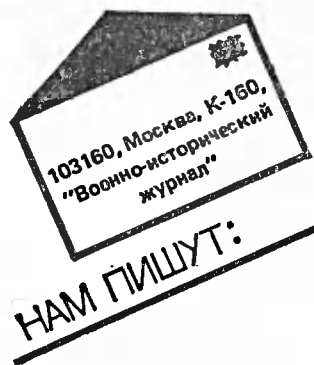
О том, как же происходила вербовка, можно судить по рассказу Бычкова⁵, которого завербовал Мальцев.

*Генерал-лейтенант юстиции
А. Ф. КАТУСЕВ,
капитан 1 ранга В. Г. ОППОКОВ*

⁴ См.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 74.

⁵ Многие читатели просили рассказать о его вступлении в РОА.

(Окончание следует)

ЗАБЫТЫЕ МОГИЛЫ

Мои родители — участники первой мировой войны (отец — офицер, мать — сестра милосердия). С их слов я много знаю о героизме русских солдат, об их гибели в этой кровавой войне.

...Недавно был в г. Лунинце Брестской области в командировке. Выбрав минуту свободного времени, заглянул на заброшенное кладбище в новом микрорайоне (бывшая окраина). От кладбища ничего не осталось: разбитые надгробия, развороченные ограды и плиты. Дело в том, что кладбище было «польским». К сожалению, многие польские (католические) кладбища постигла такая судьба, хотя родственники тех, кто остался здесь, живут в соседней Польше и довольно часто навещают своих к нам. Можно только представить их мысли при виде таких кладбищ. Но пишу я не об этом.

Рядом с этим уничтоженным кладбищем небольшое поле, на котором выделялись ряды захоронений, цементные плиты с крестами и надписями на польском языке. Плиты были разбросаны в беспорядке. Возмущению моему не было предела, когда на одной из таких плит я прочитал, что здесь похоронен солдат русской армии с указанием его имени и фамилии. Одна судьба постигла и тех, кто шел с войной, и тех, кто защищал свою Родину. Следует подчеркнуть, что надгробия на могилах установлены в период межвоенной или так называемой «буржуазной Польши», а фактическое уничтожение кладбища произошло в наши дни. К сожалению, это факт.

Картина, подобная в Лунинце, характерная. Но знаю одну деревню недалеко от г. Барановичи, где жители по собственной инициативе обнесли братскую могилу времен империалистической заборчиком, ухаживают за ней и возлагают цветы. Может быть, их примеру последовать и официальным организациям, и лицам, которые призваны не допускать того, что творится на могилах погибших в первую мировую?

*М. ДОБРЫНИН,
доцент Брестского пединститута*

Погибли за Родину

Публикацию подготовил
А. Н. СИДОРОВ

СПИСОК

генералов, адмиралов, дивизионных и корпусных комиссаров
Советской Армии и Военно-Морского Флота, погибших,
умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны
(22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.)

1. Генерал-майор **Аввакумов Яков Александрович**, 1897 года рождения.

Начальник тыла 61-й армии. Погиб в бою 7 июля 1942 года на Западном фронте. Похоронен в г. Белеве Тульской области.

2. Генерал-майор **Аверкин Дмитрий Иванович**, 1894 года рождения.

Командир 48-й кавалерийской дивизии. Погиб 10 декабря 1941 года, будучи начальником Бахчисарайского партизанского района. Похоронен в г. Ялте.

3. Генерал-лейтенант **Акимов Степан Дмитриевич**, 1896 года рождения.

Исполняющий должность командующего 43-й армией Западного фронта. Погиб 29 октября 1941 года при авиационной катастрофе в районе с. Голодаевка Пензенской области.

4. Генерал-майор **Алавердов Христофор Николаевич**, 1895 года рождения.

Командир 113-й стрелковой дивизии Западного фронта. Пленен противником в 1941 году, погиб в плену в 1942 году.

5. Герой Советского Союза генерал-лейтенант **Алексеев Василий Михайлович**, 1900 года рождения.

Командир 5-го гвардейского танкового корпуса 2-го Украинского фронта. Погиб 25 августа 1944 года. Похоронен в г. Бельцы.

6. Генерал-майор **Алексеев Илья Прокофьевич**, 1899 года рождения. Командир 5-го механизированного корпуса Западного фронта. Умер от ран 2 августа 1941 года. Похоронен в г. Вязьме Смоленской области.

7. Генерал-майор **Алексин Евгений Степанович**, 1893 года рождения.

Командир 27-го гвардейского стрелкового корпуса 2-го Украинского фронта. Умер от ран 22 апреля 1945 года. Похоронен в г. Львове.

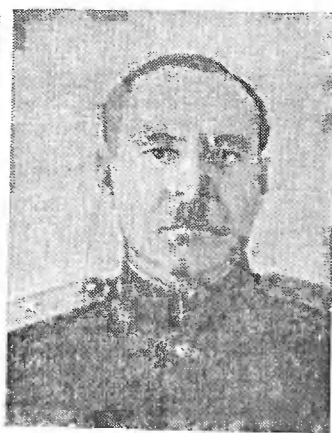

8. Генерал-майор **Алферьев Петр Федорович**, 1893 года рождения.

Заместитель командующего 2-й ударной армией Волховского фронта. Пропал без вести в июне 1942 года.

9. Генерал-майор **Алябушев Филипп Федорович**, 1893 года рождения.

Командир 87-й стрелковой дивизии. Погиб в бою в июне 1941 года в районе г. Владимира-Вольнского, находясь в окружении.

10. Генерал-майор **Анисов Андрей Федорович**, 1899 года рождения.

Начальник штаба 57-й армии Южного фронта. Будучи в окружении противника на Харьковском направлении, во избежание пленения покончил жизнь самоубийством в мае 1942 года.

11. Генерал-майор **Антонов Григорий Яковлевич**, 1893 года рождения.

Заместитель командира 4-го гвардейского танкового корпуса. Погиб в бою в августе 1943 года во время Курской битвы. Похоронен в г. Грайвороне Белгородской области.

(Продолжение следует)

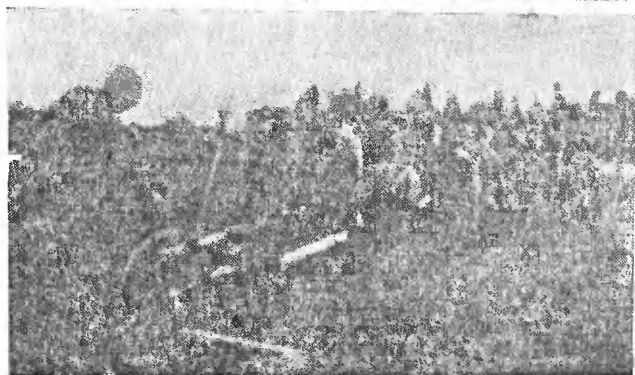
12. Генерал-майор авиации **Антошин Иван Панфилович**, 1895 года рождения.

Командующий военновоздушными силами Архангельского военного округа. Погиб при авиационной катастрофе 11 июня 1944 года. Похоронен в г. Москве.

ВЕЛИКАЯ ГЕРМАНИЯ

15. Рига. Памятник Ро-
ланду в старом городе.

16. Работа военнопленных в упряжке сенокосилки.
Лагерь № 14, рабочий пункт Вярусис. Август 1941 г.
(фотография взята у военнопленного И. М. Белякова).

1937. ПОКАЗАНИЯ МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО

Положим, что из 111 пех[отных] польско-германских дивизий 50 будет противопоставлено Белорусскому и 55 Украинскому фронтам, при оставлении 6 пех[отных] дивизий в резерве.

Белорусский фронт, нанеся поражение целому ряду польских частей еще в период операций вторжения, имея некоторый общий перевес в силах, значительный перевес в механизированных соединениях и в авиации и, наконец, находясь примерно в одинаковых условиях театра военных действий с поляками и немцами между Литвой и Полесьем, может быть, и имеет кое-какие шансы на наступление с конечным выходом к границам этнографической Польши. Но зато с подходом к этим границам положение Белорусского фронта резко меняется в худшую сторону. Об этом уже говорилось выше. Тыл Белорусского фронта вытягивается в узком и длинном коридоре, стесняющем маневр войск, размещение авиации и работу коммуникаций.

Основное же затруднение встанет перед командованием Белорусского фронта в смысле выбора направления дальнейших действий. Несомненно, немцы будут оборонять район Гродно — Осовец, прикрывая пути в Вост[очную] Пруссию и готовя из этой последней удар во фланг и тыл главным силам Белорусского фронта в случае их движения на Белосток и Брест-Литовск.

Оборона немцев в этом районе будет очень прочна, т. к. августовские леса, целая сеть озер между Неманом и Восточной Пруссией, болотистые берега Нарева и Мазурские озера с крепостью Летцен соз-

дают исключительные удобства обороны этого района как по фронту, так и на всю его значительную глубину. Если к этим природным условиям, обеспечивающим оборону, добавить еще систему железобетонных укреплений из быстротвердеющего цемента, то прочность германской обороны в этом районе будет исключительно серьезной.

С другой стороны, поляки могут превратить в трудноодолимый оборонительный район систему р. Ясельда с очень широкой и болотистой долиной и Беловежской пущей.

Командующему Белорусским фронтом придется решить вопрос о последовательности действий: преодолеть ли сначала оборону поляков на р. Ясельда и, овладев Брест-Литовском, войти во взаимодействие с армиями Украинского фронта, выставив на это время прочный заслон против Восточной Пруссии или, наоборот, сначала овладеть хотя бы Мазурскими озерами Вост[очной] Пруссии и лишь после этого обратить главные силы фронта на Брест-Литовск.

Слабым местом первого решения является то, что, удаляясь к Белостоку и Брест-Литовску, Белорусский фронт растягивает свои коммуникации, оставляя их в непосредственной близости от фронта возможного перехода немцев в наступление из В[осточной] Пруссии. Если только немцы коротким ударом овладеют районом Гродно-Волковыск, то пути отхода и подвоза для Белорусского фронта фактически будут отрезаны. Поэтому такое решение заставило бы выделить в заслон против В[осточной] Пруссии столь большие силы, что для выполнения задач, стоящих в гла-

ном направлении, потребных там сил уже не оказалось бы.

Второе решение, т. е. первоначальный удар в направлении Восточной Пруссии, потребует слишком много времени и войск. Этим войскам Белорусский фронт, как и в первом случае, в своем распоряжении не имеет.

Итак, наличных сил Белорусского фронта недостаточно для того, чтобы решить стоящую перед ним задачу поражения польско-германских сил в глубине польской территории. Положение Белорусского фронта, вышедшего на подступы к Белостоку и на рубеж р. Ясельда, легко может стать угрожающим, если немцы бросят свои резервы через Восточную Пруссию в направлении Гродно и Волковыска, а может, и на Вильно через Ковно. Ежедневно, как это уже указывалось выше, железные дороги Восточной Пруссии могут перебрасывать шесть пехотных дивизий и примерно столько же дивизий можно перебросить на автомобилях по шоссе сети Восточной Пруссии. Используя это свое колоссальное преимущество, путем ли подачи стратегических резервов или путем временной переброски сил с украинского направления, немцы могут нанести тяжелое поражение Белорусскому фронту.

Остановливаясь на 1-м и 2-м оперативных вариантах, приведенных в показаниях Уборевича, необходимо заметить, что они отличаются один от другого лишь тем рубежом, на котором польско-германские силы переходят в решительное наступление. По первому варианту немцы переходят в наступление на Лида — Барановичи с целью захвата Минска и Слуцка. Этот вариант Уборевича вытекает из хода стратегической военной игры в апреле 1936 года. В этой игре Уборевич увлекся наступлением в вильно-ковенском направлении, сосредоточив на нем свои главные силы, и получил удар главными польско-германскими силами в свой левый фланг, в минском направлении. Это вполне возможный вариант, однако не основной. Дело в том, что Генеральный штаб РККА в порядке руководства военной игрой предложил германскому командованию нарушить нейтралитет Литвы, что вряд ли будет иметь место на самом деле, и потому Уборевич, ошибочно полагая, что немцы двинут в Литву основную массу своих войск, и сам двинул на Вильно — Ковно свои главные силы и за эту

ошибку получил удар во фланг основной группы польско-германских армий.

Что касается указаний Уборевича насчет моих советов о движении главных сил Белорусского фронта севернее или южнее Немана, то должен сказать, что на все случаи оперативной обстановки трудно дать общий совет, надо ли двигать главные силы Белорусского фронта севернее или южнее Немана. Такой вопрос нельзя решать предвзято. Правильным и неправильным может оказаться и то, и другое движение, если оно не будет отвечать конкретно складывающейся обстановке. Решение такого вопроса, между прочим, будет связано и с той задачей, которую поставит перед собой командующий в отношении обеспечения своих действий со стороны Восточной Пруссии. Как правильное руководство действиями фронта, так и вредительское обязательно должно учитывать конкретную обстановку.

Второй оперативный вариант Уборевича предусматривает отход польско-германских сил на Белосток — Пружаны и удар главных германских сил из Восточной Пруссии в общем направлении Гродно. Этот вариант весьма вероятный, и я его изложил выше. В стратегической военной игре в январе текущего года Уборевич, увлекшись наступлением в брест-литовском направлении, подставил свой фланг и тыл в районе Гродно под удар немцев из Восточной Пруссии. Положение было выправлено вмешательством главного руководителя военной игры.

Соображения, приводимые Уборевичем, в отношении преимуществ оперативного размещения германской авиации по сравнению с нашей вполне справедливы, как я выше это отметил.

Соображения о вероятности поражения конницы ипритом вполне правильны. Нельзя забывать, что теперь имеются и несравнимо более мощные накожные отравляющие вещества.

Совершенно правильны замечания Уборевича в отношении превосходства немцев в отношении моторизованных дивизий и автотранспорта. Мы пока не имеем мотодивизий, хотя оперативная потребность в них очень велика. Не следует помимо оперативных требований упускать из виду и то обстоятельство, что мы практически не умеем ни организовать мотодивизию, ни наладить ее обучение, когда подходим к созданию импровизированных мотосоединений. Необходимо иметь постоянные мотодивизии, учиться вводу их в бой, регу-

лировке движения и т. п. моментам, которых не знают общевойсковые командиры. В отношении автотранспорта основное преимущество немцев заключается в том, что они имеют постоянно существующую организацию фашистского автомобильного корпуса. Этот корпус по несколько раз в год тренируется в массовых перебросках войск и фашистских организаций на далекие расстояния. Мы же хотя и получаем по мобилизации большое количество автотранспорта, но даем ему импровизированную, не сколоченную организацию и не предусматриваем крупных автомобильных соединений. В силу этого мы не имеем опыта в эксплуатации больших автомобильных масс в полевой обстановке.

Обратимся теперь к рассмотрению условий наступления наших армий на Украинском фронте.

Соотношение сил Украинского фронта и действующих против него польско-германских армий, как это показывают приводившиеся выше расчеты, крайне невыгодно для нас. В самом благоприятном для самого Украинского фронта случае против него могут быть выставлены равные ему силы. Это в том случае, если польско-германское командование обратит свои главные силы сначала против Белорусского фронта. Даже в этом, наиболее для него благоприятном случае Украинский фронт вряд ли сможет выполнить поставленную ему задачу войти во взаимодействие с Белорусским фронтом в районе Брест-Литовска, т. к. при равных силах нельзя надеяться на глубокое продвижение по территории противника. В случае же, если польско-германское командование бросит свои главные силы на украинское направление, а этот вариант все равно неизбежен, даже в том случае, если первый удар наносится Белорусскому фронту, положение Украинского фронта становится очень тяжелым. Он не только не сможет выполнить стоящей перед ним задачи войти во взаимодействие с левым флангом Белорусского фронта, но и сам может подвергнуться серьезному поражению.

Из приводившегося выше расчета видно, что против Украинского фронта без труда может быть выставлено 55 польско-германских пех[отных] дивизий, а если к этому добавить и неприятельские резервы, то всего будет около 60 пех[отных] дивизий, т. е. почти двойное превосходство по сравнению с силами Украинского фронта.

Решающее сражение может произойти, учитывая результаты операции вторжения,

примерно на полпути между линией наших укрепленных районов и Львовом. В результате атаки превосходящих сил неприятеля Украинский фронт должен будет начать отход и достигнет линии своих укрепленных районов примерно к тому сроку, к которому Белорусский фронт в случае своего успеха может достигнуть линии Гродно — Пружаны. В этом расхождении фронтов, разделенных широкой полосой лесисто-болотистого Полесья, кроется благодаря недостатку в силах огромная опасность последовательного поражения обоих фронтов.

Достигнув рубежа наших укрепленных районов на Украине, польско-германское командование может применить два способа действий. Во-первых, начать методическую подготовку к атаке Летичевского и южной части Житомирского укрепленных районов и, возможно, к вспомогательной атаке Новоград-Волынского укрепленного района. Овладение этими отдельными участками укрепленных районов требует некоторого времени и крупных артиллерийских средств. На этот период польско-германское командование могло бы перебросить часть своих сил с юга на север для нанесения частного поражения Белорусскому фронту, о чем уже говорилось выше. Во-вторых, польско-германское командование может форсировать овладение укрепленными районами и сразу же начать наступление по Правобережной Украине.

Второй вариант позволяет польско-германскому командованию быстро развить свои операции в направлении Киева и в направлении Криворожья. Воспрепятствовать этому продвижению нам будет очень трудно, т. к. подавляющее превосходство германских и польских сил может обеспечить нанесение армиям Украинского фронта серьезного поражения. В результате этого поражения польско-германские армии могут начать операции по последовательному занятию территории.

Однако оперативный план немцев и поляков вряд ли ограничится только этим. Следует ожидать развития немцами и поляками успеха в направлении примерно на Мозырь — Жлобин, в глубокий тыл Белорусского фронта. Задача эта нелегкая. Придется преодолеть лесисто-болотистые пространства, овладеть Мозырским укрепленным районом, форсировать Припять и т. д., но тем не менее эта задача оперативно вполне разрешима и стратегически чрезвычайно расширяет возможный масштаб поражения наших армий.

Как я доказывал уже в первом разделе, во время этой стратегической военной игры в апреле 1936 года я по вопросам оперативного положения наших армий обменивался мнениями с Якиром и Уборевичем. Учитывая директиву Троцкого о подготовке поражения того фронта, где будут действовать немцы, а также указание генерала Рундштедта, что подготовку поражения надо организовать на Украинском фронте, я предложил Якиру облегчить немцам задачу путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора Саблин. В случае сдачи Летичевского района немцы легко могли обойти Новоград-Волынский и Житомирский укрепленные районы с юга и, таким образом, опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО. Вместе с тем я считал, что если подготовить подрыв железнодорожных мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. Уборевич и Алпога получили задание иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников. Самые объекты подрывов не уточнялись.

Само собой понятно, что подрыв железнодорожных мостов в тылу Белорусского фронта неизбежно повлечет зашивку и без того перегруженных и сжатых в тесном коридоре коммуникаций, которые благодаря своему положению будут непрерывно находиться под воздействием авиации противника. Учитывая, что подрыв железнодорожных мостов во время напряженных операций может быть осуществлен не только диверсиями, но и воздушной бомбардировкой, а также выброской парашютистов-подрывников, необходимо принять ряд радикальных мер для того, чтобы обеспечить непрерывность работы железнодорожных мостов во все периоды операции. Одним из существенных мероприятий является отрывка еще в мирное время подъездных путей на уровень летних вод реки, заготовка ряжевых или бетонных устоев для наводки простейшими способами двугаровых балок (возможны, кажется, 22-метровые пролеты при двугаровых балках метрового сечения; пока их у нас не изготавливают, но производство их необходимо наладить). Таких запасных мостов на пониженном уровне должно быть по крайней мере два около каждого наибо-

лее ответственного моста. Подъездные пути должны быть отлогого профиля во избежание слишком замедленного движения поезда. У крупных мостов с каждой стороны у начала подъездных путей к временным мостам должны быть организованы разъезды, что позволит избежать излишних задержек в движении. Мосты на пониженном уровне, даже в случае их подрыва, очень быстро восстанавливаются. Помимо того, при наличии у моста зенитных средств противник будет менее настойчив в атаках моста, т. к. он будет видеть резервные возможности в железнодорожной переправе, в сам будет подвергаться напрасным потерям.

У крупных железнодорожных мостов придется постоянно держать плотничьи с механизированным инструментом команды, а также запас заготовленных ряжей как для восстановления мостов на пониженном уровне, так и для укрепления каменных устоев в случае, если они дадут трещины от попадания авиабомб в воду. Эти исправления можно будет производить очень быстро.

Помимо того, с обеих сторон крупных железнодорожных мостов необходимо подготовить сильно развитые станции с тем, чтобы можно было перебрасывать войска и грузы на автомобилях от станции до станции в случае повреждения моста. В случае повреждения ряда мостов такие переброски придется делать иногда на значительные расстояния. Отсюда приходится сделать вывод, что вдоль основных железнодорожных путей следует прокладывать шоссейные дороги и иметь в важнейших узлах резерв автомобильного транспорта.

Помимо мостов на пониженном уровне в некоторых пунктах необходимо построить железнодорожные участки, позволяющие в случае капитального разрушения моста передачу составов на другое направление. Так, например, к Полоцку подходят три железные дороги, а от Полоцка по направлению к фронту идет лишь одна, пересекая у самого города Западную Двину на очень высоком уровне. Подрыв железнодорожного моста и систематическое его бомбардирование могут поставить армии, базирующиеся на Полоцк, в очень тяжелое положение. Поэтому совершенно необходимо проложить двухпутный участок Полоцк — Витебск по южному берегу Западной Двины. Конечно, этот участок надо соединить с Лепелем и далее вести на м. Березино — Минск — Слуцк — Новоград-Волынский — Жмеринка. При нали-

ции такой железной дороги вывод из строя ж[елезно]д[орожной] переправы, например, через Березину у Борисова не мог бы воспрепятствовать подаче эшелонов из Орши в Минск через Лепель, конечно, при условии развития необходимой пропускной и провозной способности этой железной дороги и т. д. Для Белорусского фронта чрезвычайно важна ж[елезно]д[орожная] переправа через Днепр у Жлобина. Поэтому весьма важно до предела развить основную рокаду фронта: Витебск — Орша — Жлобин — Мозырь — Жмеринка. Само собою разумеется, что такие же мероприятия надо провести по линии Украинского фронта. В частности, ж[елезные] дороги, идущие от Днепропетровска и Запорожья на Казатин и Жмеринку, должны быть развиты, т. к. днепровские ж[елезно]д[орожные] мосты этих дорог наиболее удалены от противника и наименее подвергаются опасности ежедневных налетов.

Итак, рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польско-германские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами. Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства. Само собою понятно, что проявление вредительства даже в отдельных звеньях фронтового и армейского управления резко повышает шансы на поражение. Из области реально осуществленной вредительской работы, непосредственно отражающейся на оперативном плане, необходимо отметить в первую очередь ту задержку, которую организационный отдел Генерального штаба РККА (Алафузо) осуществил в вопросе увеличения числа стрелковых дивизий, задержку, которая создает основную оперативную опасность для наших армий на Белорусском и Украинском фронтах. Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва главного командования.

Каковы же те силы, которые нужны Белорусскому фронту для того, чтобы он мог выполнить поставленную ему задачу ведущего, решающего значения? Здесь можно сделать прикидку следующего порядка. Если бы польско-германское командование по ходу обстановки решило главные силы сосредоточить против Белорусского фронта, то против Украинского ему было бы достаточно оставить 30—35 пех[отных] дивизий, т. е. на белорусском

направлении могло бы сосредоточиться до 76—81 пех[отных] дивизий (из всех 111). Отсюда ясно, что только для того, чтобы не потерпеть отдельного поражения при настойчивом продвижении в глубь Польши, Белорусский фронт должен иметь по крайней мере столько же стр[елковых] дивизий, а для того, чтобы получить возможность нанести противнику поражение, число дивизий, входящих в его состав, должно значительно вырасти.

Конечно, использовать столь большое число стр[елковых] дивизий в полосе до Гродно — Кобрин Белорусскому фронту нелегко. Слишком узок «белорусский коридор», и слишком беден он даже грунтовыми путями. Однако к западу от меридиана Гродно возможности и необходимость использования этих сил значительно возрастают. Наилучшие оперативные условия для использования этих масс создались бы при упомянутом выше варианте первоочередного и стремительного разгрома лимитрофов. При этом варианте и более крупные силы можно было бы концентрически подвести к фронту Тильзит — Гродно — Брест-Литовск. Если же пользоваться только «белорусским коридором», то, по всей вероятности, придется применить оперативное эшелонирование с тем, чтобы в нужную минуту подвести к фронту все эшелоны. Но тыл при этом варианте был бы перенапряжен до крайности и потребовалась бы организация массового автомобильного транспорта и широкой постройки автомобильных дорог.

Каковы же должны быть те силы, которые необходимо предоставить Украинскому фронту для выполнения последним поставленной ему задачи? Как видно было из сделанных выше подсчетов, польско-германское командование может выставить против Украинского фронта около 60 пех[отных] дивизий. Надо оговориться, что эти расчеты могут касаться лишь 1937 года, не позже, т. к., несомненно, в 1938 году германская армия, выступающая по мобилизации, значительно вырастет; даже в 1937 году за счет ландверных дивизий германская армия будет несколько сильнее, чем это выше взято в расчет. Очевидно, что, имея против себя около 60 пех[отных] дивизий, Украинский фронт также должен их иметь не меньше 60. На самом деле, учитывая активные задачи, стоящие перед фронтом, его силы должны быть значительно большими.

Итак, из срезнительного рассмотрения возможных группировок противника и

потребных нашим фронтам сил выяснилось, что без пересмотра основных установок ныне действующего оперативного плана Белорусскому фронту требуется около 80 дивизий, а Украинскому — около 60, а всего 140 стр[елковых] дивизий. Рассмотрим, как могли бы развиваться при наличии таких сил совместные действия Белорусского и Украинского фронтов. При производстве подсчетов предполагалось, что если главный удар немцы будут наносить на Украине, то они выставят на этом направлении до 60 пех[отных] дивизий. Очевидно, что при наличии в составе Украинского фронта также 60 стрелковых дивизий можно предположить бои с переменным успехом на территории противника между Полесьем и румынской границей. Может быть, даже Украинский фронт будет иметь преимущественный успех, т. к., вероятно, он будет сильнее германо-поляков в отношении механизированных соединений. В этом случае на белорусском направлении германо-поляки смогут выставить около 50 пех[отных] дивизий. Совершенно очевидно, что Белорусский фронт при наличии 80 стр[елковых] дивизий может нанести польско-германским армиям поражение и постепенно установит оперативное взаимодействие с Украинским фронтом в районе Брест-Литовска.

Возьмем другой вариант, когда польско-германское командование бросает против Белорусского фронта до 80 пех[отных] дивизий, оставляя на украинском направлении до 30—35 пех[отных] дивизий. Совершенно очевидно, что Украинский фронт своими 60 дивизиями нанесет польско-германским армиям поражение и, содействуя Белорусскому фронту в общем направлении на Брест-Литовск, в конце концов оттянет на себя часть неприятельских сил, обеспечит наступление своего северного соседа, и в дальнейшем оба фронта, находясь во взаимодействии и имея общее превосходство в силах над противником, нанесут ему общее поражение.

Итак, расчеты, безусловно, доказывают, что Белорусский и Украинский фронты, имеющие в своем составе около 90 стр[елковых] дивизий, подвергаются опасности последовательного поражения при выполнении ими активных задач, которые ставятся им оперативным планом. Эти задачи посильны будут этим фронтам только в том случае, если Германия не выступит на стороне Польши. При войне против нас Германией и Польши и при нали-

чии в составе Белорусского и Украинского фронтов около 90 стр[елковых] дивизий активные наступательные задачи по поражению противника на его территории для этих фронтов заведомо непосильны.

С другой стороны, расчеты показывают, что эти задачи могут быть выполнены при условии увеличения состава обоих фронтов до 140 стр[елковых] дивизий.

Трудности в выполнении этого необходимого условия нашего боевого успеха заключаются в двух направлениях: в формировании кадров и накоплении материальной части для новых 50 стр[елковых] дивизий, разворачиваемых по мобилизации, и в развитии железнодорожных и шоссейных путей для своевременного сосредоточения дополнительных сил к границам. Однако, несмотря на запущенность того и другого вопроса, они являются вполне разрешимыми, и за их разрешение необходимо взяться немедленно и с величайшей энергией.

Необходимо, чтобы все стр[елковые] дивизии были одинаково вооружены. Опыт войны 1914—1918 гг. показал, что в ходе войны все равно дивизии разделяются как бы на два класса: на наступательные и оборонительные. Наступательные дивизии сильнее вооружены артиллерией и имеют более мощные тыловые службы, способные обеспечить маневр дивизии. Оборонительные дивизии сильно оснащаются пулеметами, зато в артиллерийском отношении слабее и тылы имеют в сокращенном составе. Очевидно, часть новых дивизий можно будет сформировать как оборонительные дивизии. Это облегчит формирование с точки зрения потребности в материальной части артиллерии.

В отношении количественных показателей нашего командного состава запаса эти формирования особых трудностей не встретят. В качественном отношении уровень командиров запаса очень низок, но, будучи призваны в армию, эти командиры быстро повысят уровень своей подготовки.

Ускорение сосредоточения достижимо путем внеочередной автоблокировки ж[елезнодорожных] линий, осуществляющих стратегические перевозки. Проводя автоблокировку и развивая соответствующим образом разъезды, можно добиться почти удвоения провозной способности ж[елезнодорожной] дороги.

Это мероприятие можно провести очень быстро. Помимо того, необходимо, конечно, строить и новые ж[елезные] дороги.

Ускорения сосредоточения можно дос-

тигнуть и путем расположения парков, обозов и проч[его] тылового имущества частей, подлежащих переброске в тех укрепленных районах, в направлении которых они направляются по плану оперативных перевозок. При тщательной организации хозяйства и при условии разрешения командирам дивизий инспектировать имущество, принадлежащее их дивизиям, необходимый порядок может быть соблюден.

Мне кажется, что даже эти два мероприятия помогут уложить стратегические перевозки в нужные сроки. Если к этому прибавить постройку новых железных дорог, то, быть может, сроки сосредоточения удастся даже сократить, что крайне желательно и даже, более того, совершенно необходимо.

Начавшееся строительство автострад на Минск и Киев также должно быть использовано для ускорения сосредоточения путем применения автотранспорта.

После всего вышеизложенного, где было обосновано положение, что мы не имеем на сегодняшний день достаточных сил, чтобы выполнить задачи, поставленные оперативным планом, встает, естественно, следующий вопрос: каковы же должны быть те задачи, которые оперативно следует поставить Белорусскому и Украинскому фронтам, учитывая те силы, которые они реально могут получить в 1937 году?

Должен прямо сказать, что этот вопрос мною ни разу не прорабатывался. Опять-таки повторяю, что если в войне будет участвовать одна Польша, то действующий оперативный план соответствует наличным силам и средствам. Потребуется только принять действительные меры обеспечения фронта со стороны Восточной Пруссии. Что же касается плана действий против соединенных польско-германских сил, то на этот вопрос ответить гораздо труднее. Я думаю, что надо серьезно проработать этот вопрос, однако сейчас постараюсь высказать общие соображения на эту тему.

Операции вторжения должны остаться в силе. Они обеспечивают выигрыш времени, дезорганизуют районы намечаемого противником сосредоточения. Помимо того, операции вторжения сразу же переносят военные действия на территорию врага. Наконец, в случае вынужденного отхода войска армии вторжения, усиленные необходимыми техническими средствами, будут капитально разрушать за собой железные дороги и шоссе, что будет

влиять на расстройство тыла противника. Более того, армии вторжения могут захватить значительную часть пограничной территории противника, например, для белорусского направления вполне возможен захват района Вильно — Лида — Барановичи. Эти действия армии вторжения должны быть поддержаны войсками главных сил с тем, чтобы неприятель не мог без серьезных боев возвращать свою территорию. В упорных боях противник будет углубляться по двум описанным выше коридорам: белорусскому и украинскому со всеми проистекающими отсюда трудностями и неудобствами, т. е. ослаблением своих сил на обеспечение флангов в сторону соседних государств, сужением площади размещения авиации, затруднениями в организации маневра войсковых соединений, в перенапряжении работы коммуникаций и пр. Наши армии, наоборот, приближаясь к своим базам, будут получать преимущества в маневрировании, в использовании авиации и в работе тылов. Помимо того, Белорусский и Украинский фронты, отходя к основным железнодорожным заходам на нашей территории, получают возможность как взаимной поддержки, так и поддержки со стороны главного командования, в то время как фронты польско-германских армий, все более разделяемые Полесьем и отрывающиеся от своей хорошо налаженной железнодорожной сети, все более и более лишаются возможности поддерживать друг друга, и потому в конце концов может наступить момент, когда главное командование сможет принять решение о нанесении одному из фронтов противника (южнее или севернее Полесья) отдельного поражения. Для этого потребуются накопить крупный резерв главного командования. Полагаю, что такой вариант возможен, т. к. польско-германские силы в свою очередь не обладают достаточным превосходством над силами Белорусского и Украинского фронтов для совершения глубокого наступления (111 дивизий против 30—100 дивизий) и будут, конечно, ослаблены и истощены этим глубоким наступлением. В такой обстановке при наличии достаточного резерва главного командования, поданного в нужный момент на один из контрфронтов и направленного в наиболее ослабленный фронт противника, может оказаться возможным последовательное поражение противника сначала на одном направлении, а далее на другом.

Повторяю, что этот вариант мною со-

вершенно не проработан, и я здесь пока высказываю лишь самые предварительные соображения.

Вновь возвращаясь к варианту первоочередного разгрома прибалтов, хочу сказать, что именно этот вариант особенно благоприятствует вести активную оборону на территории врага. Захват территории Эстонии, Латвии и Литвы и захват армией вторжения Белорусского фронта территории Западной Белоруссии до линии Гродно — Слоним позволил бы нашим армиям, опираясь на свою охватывающую базу, упорно обороняться, а в случае наступления противника — ставить его в труднейшее положение, когда ему придется развивать свои действия по эксцентрическим направлениям.

Между прочим, этот вариант станет совершенно необходимым, когда нами будет построен на Балтике большой линейный флот. Такой флот во время войны не может базироваться ни в Кронштадте, ни на Лужской губе. Ему потребуются базы в открытом море, и эти базы имеются на территории Эстонии и Латвии: Ревель, Рига, Виндава, Либава. Вопроса о Финляндии я в разрезе анализа плана первоочередного поражения лимитрофов касаться не буду, т. к. война с Финляндией представляет для нас совершенно самостоятельную проблему, в достаточной степени сложную.

Ожидая с наибольшей вероятностью наступления главных германских сил на украинском направлении, ни в каком случае не следует считать исключенным наступление немецких армий как на белорусском направлении, так и на территории прибалтов. Оперативный план должен предусматривать и отдельные, частные варианты.

Что касается нашего стратегического положения, в случае если Германия еще до войны с нами захватит Чехословакию и Румынию, то этот вопрос требует специального изучения, и в первую очередь требует такой постановки агентурной работы, чтобы мы, действительно, знали о всех конкретных мероприятиях германского генерального штаба, направленных к подготовке этого захвата.

Система укрепленных районов, построенная от Карельского перешейка через Полоцк до Лeticева и Тирасполя включительно, в общем и целом вполне отвечает интересам развертывания армии. В связи с увеличением германской угрозы я думаю, что следовало бы построить Слуцкий укрепленный район в Белору-

сии, а на Украине крайне важно было бы развить Лeticевский укрепленный район в глубину и закрыть промежутки между ним и Житомирским укрепленным районом. Лeticевское направление является наиболее решительным для немцев. С проломом на этом направлении дальнейшие действия немцев и поляков по развитию успеха на Правобережье становятся значительно более легкими. В связи с возможностью решительных действий германских армий необходимо возвратить Киевскому и Мозырскому укрепленным районам их прежнее крупное значение и внимание, которое за последние годы по немному забыли.

Каковы же были основные вредительские мероприятия, разработанные центром антисоветского военно-троцкистского заговора, которые должны были использовать наши затруднения на фронтах сражений с германскими и польскими армиями в целях поражения наших красных армий.

Я уже показывал, что, изучив условия возможного развертывания операций немцев и поляков против БВО и КВО во время апрельской военно-стратегической игры 1936 года и получив незадолго до этого установку от германского генерального штаба через генерала Гундштедта на подготовку поражения на украинском театре военных действий, я обсудил все эти вопросы сейчас же после игры с Якиром и Уборевичем, а в общих чертах и с прочими членами центра. Было решено оставить в силе действующий оперативный план, который заведомо не был обеспечен необходимыми силами. Наступление Белорусского фронта с приближением, а тем более с переходом этнографической границы Польши должно было стать критическим и с большой долей вероятности опрокидывалось ударом немцев или из В[осточной] Пруссии в направлении Гродно или через Слоним на Минск.

Украинский фронт в первую очередь или после нанесения удара немцами на севере также, по всей вероятности, потерпит неудачу в столкновении со значительно превосходящими силами польских и германских армий.

В связи с такой обстановкой на Уборевича была возложена задача так разрабатывать оперативные планы Белорусского фронта, чтобы расстройством ж[елезнодорожных] перевозок, перегрузкой тыла и группировкой войск еще более перенапрячь уязвимые места действующего оперативного плана.

На Якира были возложены те же задачи, что и на Уборевича, но, кроме того, через Саблина он должен был организовать диверсионно-вредительскую сдачу Летичевского укрепленного района.

И Уборевич, и Якир должны были в течение лета разработать через штабы БВО и КВО практические мероприятия, вытекающие из этих вредительских установок. Что успели сделать штабы БВО и КВО во исполнение этого задания, мне неизвестно, так как (о чем я уже показывал раньше) в связи с арестом ряда видных участников заговора летом 1936 года центром заговора решено было временно прекратить всякую практическую работу. Об отдельных вопросах вредительских разработок, известных мне, я покажу дальше. В связи с временным прекращением работ заговора я не согласовывал с генералом Кестрингом намеченных центром заговора оперативных мероприятий по подготовке поражения наших армий, это согласование я должен был сделать по окончании практических оперативных разработок в БВО и КВО.

Каменев С. С. должен был разработать по своей линии мероприятия, направленные к тому, чтобы дезорганизовать противовоздушную оборону железных дорог в БВО и КВО и тем внести расстройство как в стратегическое сосредоточение армий, так и в работу последующих снабженческих и оперативных перевозок.

Из отдельных вредительских мероприятий, подготовлявшихся в штабах БВО и КВО, мне известны нижеследующие: разработка плана снабжения с таким расчетом, чтобы не подвозить для конных армий объемистого фуража со ссылкой на то, что фураж есть на месте, в то время как такового заведомо на месте не хватает, а отступающий противник уничтожает и остатки. Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется. Слабая забота об организации оперативной связи по тяжелым проводам, что неизбежно вызовет излишнюю работу раций и раскрытие мест стоянки штабов. Недостаточно тщательная разработка и подготовка вопросов организации станций снабжения и грунтовых участков военной дороги. Размещение ремонтных организаций с таким расчетом, чтобы кругооборот ремонта затягивался. Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации.

Что касается Дальнего Востока, то опе-

ративный план последнего центром военного заговора не обсуждался в целом. Дальним Востоком специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКДВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что Путь и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКДВА. В дальнейшем эту работу проводил Лапин. Эти работники стремились расшатать субординацию в ОКДВА путем дискредитации командования.

Лапин усиленно пропагандировал в ОКДВА теорию о том, что действия крупноорганизованными массами, состоящими из разных родов войск, для ОКДВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна, мол, особая горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в сторону тактических форм малой войны. Лапину удалось в этом отношении кое-что протащить в жизнь.

Лапин не обеспечит непрерывную боевую готовность авиации ОКДВА на аэродромах, что было бы очень просто сделать, если бы он добивался введения сменных экипажей на самолеты.

Дальневосточный театр войны крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через КНР в направлении Читы и кругобайкальской железной дороги. В этом отношении ни ОКДВА, ни Гамарник не ставили вопросов о необходимости прокладки железной дороги от Байкала, хотя бы до Улан-Батора. В случае нападения на нас японцев наше положение в направлении КНР будет чрезвычайно тяжелым.

С точки зрения организационной Гамарником было проведено на Дальнем Востоке решение о расформировании строительных частей после объявления мобилизации для целей пополнения кадровых частей. Это, конечно, неправильно, т. к. строительные части выгоднее развернуть как второстепенные дивизии, а кадровые части содержать в штатах, более близких к военному времени, чтобы до минимума сократить потребность в подвозе пополнений. Наши силы на Дальнем Востоке крайне слабы, и надо использовать всякую дополнительную возможность к увеличению числа войсковых соединений.

Показания о вредительской работе будут изложены мною дополнительно.

*Публикацию подготовил
В. К. ВИНОГРАДОВ*

АРМЕЙСКИЕ ДРАГУНЫ

«Со словом «драгун» соединяются два понятия: первоначальное — пехота, посаженная на коней, и современное — кавалерия, способная действовать и в пешем строю» — так определяет этот вид кавалерии справочная книжка императорской главной квартиры¹.

Первый опыт создания драгунских полков в России нельзя назвать удачным. В 1631 году один такой полк «нового строя» из иностранных наемников был сформирован, участвовал в сражениях с поляками под Смоленском, но очень скоро распался. Во второй половине XVII века также предпринимались попытки собрать полки драгун, рейтар, копейщиков, но по-настоящему боеспособными они стали лишь при Петре Первом.

Первым серьезным успехом драгун было сражение под Калишем в 1706 году. В нем 32 тысячам русских и саксонских кавалеристов под командованием А. Д. Меншикова противостояло 20 тысяч шведов. Союзной кавалерии удалось обратиться в бегство конницу противника, но опытные пехотные каре стояли непоколебимо. Тогда и сказала драгунская «двойственность». Спецшившиеся драгуны с ружьями наперевес под барабанный бой двинулись сомкнутыми рядами на неприятеля. Шведский генерал Мардефельд в этой ситуации предпочел сложить оружие.

Успешно действовали драгуны и в других сражениях Северной войны: под Дерптом, Нарвой, Лесиной, Полтавой. К 1725 году в русской армии насчитывалось уже 33 драгунских полка. Кроме того, Петром были в ряде городов сформированы драгунские части для выполнения функций местных войск, просуществовавшие до 1811 года.

«Похожесть» драгун на пехоту поддерживалась тогда и обмундированием. Только с 1720 года они получают вместо общеармейских темно-зеленых кафтанов особые: синие с белыми отложными воротниками, обшлагами, отороченными петлями, белые камзолы и лосины, выделившие драгун и внешне.

Вооружение драгун практически не изменялось более ста лет. В комплект входило ружье, пара пистолетов и палаш.

В дальнейшем количество драгунских полков начинает уменьшаться в связи с образованием и развитием других видов кавалерии: конно-гренадер, конных егерей, карабинеров, гусар, улан, кирасир. Обилие названий говорит о том, что в течение всего XVIII века предпринимались попытки создать части, специализирующиеся на выполнении только определенных боевых задач.

Относительная стабильность наступила в начале XIX века, когда русскую регулярную кавалерию составляли только полки четырех основных видов: кирасиры, драгуны, гусары и уланы. В соответствии с решением Военской комиссии количество драгунских полков было увеличено и достигло к 1812 году тридцати шести.

Во 2-м кавалерийском корпусе начал Отечественную войну Московский драгунский полк. Как и для всей русской армии, самое главное испытание выпало драгунам под Бородино. В списках награжденных за этот бой мы видим фамилии шефа Московского полка полковника Н. В. Давыдова, подполковника А. Н. Залесского, командира Псковского полка полковника А. А. Засса и других офицеров.

Московцы продолжили свой боевой путь: отступление с армией к Тарутино, зимнее наступление — в прежнем, «драгунском» качестве. Псковский же полк вместе со Стародубовским драгунским 17 декабря 1812 года был переведен в кирасиры. Перевод этот стал

К страницам 1, 4

¹ Кавалерия (кроме гвардейских и казачьих частей). — Изд. 3-е. — СПб., 1914. — С. 7.

своеобразной наградой за подвиги, поскольку кирасиры относились к более привилегированному виду кавалерии, как гренадеры в пехоте.

Другие отличия, полученные драгунскими полками за доблесть в сражениях с наполеоновскими войсками, более привычны. Ими стали Георгиевские штандарты (лейб-гвардии Драгунский, Киевский, Новороссийский, Рижский, Харьковский полки), Георгиевские и серебряные трубы (лейб-гвардии Драгунский, Дерптский, Рижский, Северский, Черниговский), знаки на каски с надписью «За отличие» (Киевский, Лифляндский, Санкт-Петербургский полки).

Несколько особняком в ряду драгунских полков стоял Нижегородский. Судьба забросила один из старейших полков (сформирован в 1701 г.) на Кавказ. С 22 июня 1791 года — дня штурма Анапы — началась его легендарная по своим боевым подвигам служба в тех краях. Военные действия на Кавказе практически не прекращались почти столет, Присоединение к России Азербайджана, Чечни, Дагестана, Северного и Западного Кавказа, войны с турками и персами — везде участвовали Нижегородцы. Полная опасностей и славы жизнь привлекала многих известных воинов. В полку служили Н. Н. Раевский, А. Г. Чавчавадзе, Л. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Брусилов и другие офицеры. Привилегированное положение полка подчеркивалось и особым, пожалованным в 1834 году фор-

Рядовые Драгунского полка (1764—1775 гг.)

мой, не имеющей аналогов в русской армии. Нижегородский являлся, пожалуй, единственным кавалерийским полком, снискавшим такое множество кол-

В ФЕВРАЛЕ этого года Президент СССР издал Указ о дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины. В документе указывается на необходимость активизации подготовки к изданию Всесоюзной книги памяти. Министерству обороны СССР, Министерству финансов СССР, Министерству юстиции СССР, Министерству культуры СССР, Государст-

венному комитету по печати СССР, Министерству иностранных дел СССР поручено разработать с участием заинтересованных организаций проект Закона СССР, регламентирующего организационные, финансовые, юридические и иные аспекты работы по увековечению памяти советских воинов, партизан и других граждан СССР, погибших за Родину. Решено подготовить и утвердить общесоюзную программу мероприятий по приведению в порядок и благоустройству воинских захоронений, разработать систему мероприятий, включающих подготовку и заключение соглашений с иностранными государствами по обеспечению сохранности и поддержанию в порядке советских захоронений, находящихся вне пределов СССР.

Одним из важнейших разделов по увековечению

памяти павших является поиск незахороненных останков советских воинов. К сожалению, до сих пор их можно обнаружить в труднодоступных местах, в тундре, горах, болотах и лесах. Они попадают еще и на полях бывших боев. Безусловно, все останки должны быть погребены подобающим образом.

На страницах 2 и 3 цветной вклейки помещена карта, на которой показаны районы, где в минувшую войну велись наиболее ожесточенные боевые действия. Она дает представление о масштабах предстоящей поисковой работы на территории страны. Такая работа требует значительных усилий как от государственных структур, так и широкой общественности.

Полковник
Ю. И. ШУМЕЙКО

Карту исполнил
А. И. Круглов

К страницам 2, 3

лективных наград. Ни в одном другом полку не было столько Георгиевских кавалеров. К 1914 году часть имела Георгиевский штандарт с Александровской юбилейной лентой, 17 Георгиевских труб, особую форму и «азиатские шашки», на мундирах личного состава имелись петлицы за военное отличие. В надписи на штандарте отмечено сражение 24 июля 1854 года при Кюрюк-Дара — незаслуженно забытая битва Восточной войны, в которой 16-тысячное русское войско разбило 60-тысячную армию турок. Героями сражения стали Нижегородцы, остановившие основную натиск неприятеля.

Своеобразным торжеством «драгунской идеи» стало переименование в 1882 году всех армейских гусарских и уланских полков в драгунские. Офицерам этих полков (армейских кирасир эта участь постигла еще раньше) пришлось расстаться с характерными для каждого из упраздненных видов кавалерии элементами формы, что вызвало резкий протест и массовый уход их из армии. Это решение наложилось на введение непопулярной формы, получившей почти официальное название «мундир а-ля Russe». Многие исследователи квалифицируют эти нововведения как крупную ошибку, в результате которой значительно упал престиж профессии офицера, армия потеряла многие прекрасно подготовленные кадры, что не могло не сказаться на ее боевых качествах, в том числе и во время злополучной русско-японской войны.

В этой войне основную массу русской кавалерии составляли казаки, а драгуны приняли в ней очень ограниченное участие. Единственным полком, заслуживающим признание, был «местный» Приморский драгунский полк, отличившийся в многочисленных стычках с японцами.

После войны Николай II вернул названия бывшим гусарским и уланским полкам, но мера эта имела значение уже чисто символическое. Форма (за исключением парадной) почти перестала отражать характерные особенности различных полков. Еще более похожими друг на друга стали кавалеристы с началом первой мировой войны.

Характер действий всей регулярной кавалерии к тому времени стал полностью одинаковым — драгунским. Возросшая плотность огня закрепившейся пехоты уже не всегда позволяла коннице действовать против нее в конном строю. Поэтому кавалеристы были обучены воевать и по-пехотному тоже — атаковать перебегающими цепями, когда надо — окапываться и держать оборону. Надо заметить, что подготовка личного состава в русской армии была поставлена на высоком уровне. Достаточно сказать, что практически во всех

Обер-офицер Драгунского полка
(1764—1775 гг.)

заметных кавалерийских боях этой войны победу одерживала русская конница. Качество унтер-офицерского состава определял Г. К. Жуков, сам служивший в 10-м Новгородском драгунском полку: «Основным фундаментом, на ко-

тором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка... Надо сказать, что офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерскому составу в обучении и воспитании солдат. Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами»². Кавалерийские офицеры имели высокую квалификацию. Так, в начале 1915 года огромную убыль офицеров в пехотных полках временно компенсировали переводом в них офицеров-кавалеристов, которые вполне грамотно справлялись с новыми обязанностями.

Задачи, выполняемые кавалерией вообще и драгунами в частности, были разнообразны. Для глубокой разведки в расположение неприятеля постоянно высылались разъезды, порой проводившие в пути по несколько дней и привозившие ценные сведения о передвижениях и намерениях врага. В наступлении эскадроны преследовали отходящего противника, не давая ему оторваться и спокойно закрепиться на следующих рубежах. При отходе наших частей конники до конца держали оборону, выигрывая необходимое время, в последний момент ускользая от наседающего неприятеля в конном строю.

Примечательно, что противник тоже отдал должное нашей блестящей кавалерии. Так, известный военный писатель генерал фон Позек в работе «Германская конница в Литве и Курляндии» пишет: «Русская конница была достойным противником. Ее состав был прекрасен. Особенно она отличалась в разведке. Ее дозоры и разъезды появлялись повсюду и отличались умением хо-

Рядовой, грубач и обер-офицер
Драгунского полка
(1786—1796 гг.)

рошо применяться к местности. Русская конница никогда не избегала ни конного, ни пешего боя. Мы знали, что перед нами достойный и равный противник... Умение русской конницы прикрывать отход своих частей с особенной яркостью сказалось в лесистой местности... Охранение русской конницы сжимало наши разъезды в железные тиски, постоянно стремясь их отрезать, обойти и отогнать...»³.

После революции закончился боевой путь драгунских полков русской армии.

А. И. ТАЛАНОВ

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — В 3 томах. — Т. 1. — М.: Изд-во АПН, 1990. — С. 73.

³ Pozek. Die Deutsche Kavallerie in Litauen und Kurland. — Berlin, 1928. — S. 129.

КАТЫНСКИЙ ЛЕС

Ромуальд СВЯТЕК

ПРЕЖДЕ чем представить имеющуюся в моем распоряжении информацию, мне бы хотелось восстановить в памяти читателей политическую обстановку того времени, а потом задать вопрос: кто больше выиграл на убийстве польских офицеров?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно хотя бы поверхностно выяснить отношения немцев и русских к полякам. Известно, что немцы начали войну с Польшей, поскольку им нужны были польские земли и польские рабочие. С первых дней оккупации они начали уничтожение польской интеллектуальной элиты. Продвижение русских в восточной части Польши имело иной характер, что было отражено в ноте Советского правительства, врученной польскому послу в Москве¹.

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши больше не существовала. Польское правительство распалось и не проявляло признаков жизни. Это означало, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не могло больше безучастно относиться к этим фактам, а

также к тому, что единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии². После того как это произошло, война между Польшей и Советским Союзом была официально закончена, и Польша больше не представляла собой опасности для СССР³. Те элементы из числа польского населения, которые все еще были опасными, депортировались советскими властями в 1940 году в различные районы Сибири.

Ситуация же с немцами была совершенно противоположной. Несмотря на то что немецкие войска оккупировали Польшу, война между двумя государствами продолжалась, так как польские военнослужащие сражались против немцев и во Франции, и в Англии, поэтому любой польский офицер представлял для немцев потенциальную опасность.

Согласно польской статистике, в сентябре 1939 года русские взяли в плен от десяти до двенадцати тысяч польских офицеров. Было известно, также, что большинство из них содержалось в двух лагерях: в Козельском, где размещалось около 4500 человек, и в Старобельском — около 4000 офицеров. Был и третий лагерь в Осташкове, в котором содержалось около 400 офицеров, остальную часть составляли офицеры, унтер-офицеры, рядовые полиции, полевой жандармерии, разведывательных органов, пограничной стражи, охраны тюрем.

Козельск — давняя резиденция знатных польских родов Огинских и Пузына, расположен в 250 км юго-восточнее Смоленска. Лагерь размещался в строениях бывшего монастыря, включавших основной комплекс зданий и «скит», окруженный лесом и распо-

¹ В ноте правительства СССР также говорилось, что «одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызвать польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность начать мирной жизнью». — Правда. — 1939. — 18 сентября.

² 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан германо-советский Договор о дружбе и границах между СССР и Германией, в котором, в частности, говорилось, что «правительство СССР и германское правительство после распада бывшего польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям». — Правда. — 1939. — 29 сентября.

Окончание. Начало см.: Военно-исторический журнал. — 1991. — № 7.

³ Нота правительства СССР была вручена чрезвычайному и Полномочному Послу Польши Грижибовскому утром 17 сентября 1939 года. В этот же день в 11 ч. 30 мин. утра Председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов выступил с речью по радио, в которой сообщил, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. — Правда. — 1939. — 18 сентября (здесь и далее примечания редакции).

женный в полукилометре от главного комплекса.

В конце ноября 1939 года Козельск стал офицерским лагерем, где содержалось около 5000 человек. Вплоть до начала апреля 1940 года лагерь покинули лишь незначительные группы заключенных и отдельные лица (то же самое было и в Старобельском лагере). Накануне Рождества 1939 года все священники, исключая отца Желковского, были вывезены из лагеря. Из всей этой группы уцелел лишь преподобный отец Кантак, профессор семинарии в Пинске.

Вывоз заключенных из лагеря заканчивался в начале апреля 1940 года. Среди отъезжающих было несколько высших офицеров: генералы Б. Бохатевский, Х. Минкевич, М. Сморовинский, И. Волковицкий и контр-адмирал Чарницкий.

Среди офицеров более низкого ранга насчитывалось около 100 полковников и подполковников, 300 майоров, 1000 капитанов, 2500 первых и вторых лейтенантов, 500 курсантов военных училищ. Общее количество офицеров — около 4500 человек, среди них 200 военных летчиков и 50 морских офицеров. Примерно 50 проц. из последней партии заключенных составляли офицеры резерва, среди них 21 профессор и преподаватель университета, более 300 медиков (хирурги и терапевты), многие из которых были выдающимися специалистами, несколько сотен судей, адвокатов, делопроизводителей, работников судов, сотни инженеров с университетским образованием, учителей, журналистов, бизнесменов и т. п.

Старобельск — районный городок в восточной части Украины, к юго-востоку от Харькова. Польский лагерь был расположен в окрестностях бывшего монастыря, стены которого охватывали участок площадью около 15 акров с большой православной церковью посередине. В левом крыле комплекса находилась другая, маленькая церковь и более десятка различных строений из кирпича и дерева. В послереволюционные годы монастырь использовался в качестве пересыльного лагеря для заключенных, этапировавшихся дальше на восток. В последующем, вплоть до прибытия поляков, там хранили зерно.

С конца ноября 1939 до первых дней апреля 1940 года, когда вывозились последние группы заключенных, в лагере находились исключительно польские кадровые офицеры и офицеры резерва общим числом около 4000 человек. Примерно половина из них была взята в плен после сдачи Львова и сослана на восток вопреки условиям сдачи в плен. Другие были захвачены как военнопленные или арестованы в разных частях Восточной Польши как результат приказа о регистрации действующего на оккупированных территориях.

Общее количество военнопленных, равно как и характер их содержания в лагере, оставались неизменными вплоть до начала апреля 1940 года. Как и из Козельского лагеря, отсюда офицеры вы-

возились небольшими группами, большая часть из которых бесследно исчезла. На момент начала эвакуации пленных, по данным польских властей, в лагере находилось 8 генералов, 150 полковников и подполковников, 230 майоров, 1000 капитанов, 2450 первых и вторых лейтенантов, 30 курсантов, а также 52 гражданских лица. Ориентировочно число заключенных — 3910 человек, из них несколько сот офицеров польских ВВС, весь коллектив института химической защиты, хирурги, священники всех вероисповеданий. Среди офицеров резерва было несколько сотен профессоров и преподавателей университетов, около 400 военных и гражданских хирургов и терапевтов, несколько сот инженеров с университетским образованием, работников юстиции, адвокатов, судей, множество школьных учителей, поэтов, писателей, журналистов, бизнесменов, общественных и политических деятелей и среди них вице-президент антигитлеровской лиги в Польше А. Ейгер.

Осташков — провинциальный город, расположенный северо-западнее Калинин (Твери) на озере Селигер, на отрезке железной дороги между станциями Великие Луки и Бологое. Сам лагерь располагался на острове озера в 15 км от города и, как и вышеописанные лагеря, размещался на территории бывшего монастыря.

С ноября 1939 года до начала апреля 1940 года, т. е. до момента начала эвакуации лагеря, в нем содержалось около 6500 заключенных. В отличие от двух уже упомянутых лагерей этот не был офицерским. Там находилось всего около 400 офицеров, 300 из которых принадлежали военной полиции, остальные же офицеры, сержанты и рядовые были из разведки, военной полиции, погранич-

ной стражи, районной полиции и охраны тюрем.

Из воспоминаний офицеров, содержащихся в Козельске и Старобельске, мы знаем, что в начале 1940 года все три лагеря посетили комиссии по контролю за содержанием военнопленных, в ходе работы которых заключенным были сделаны прививки против тифа и холеры, выяснены и зафиксированы такие данные по каждому человеку, как дата и место рождения, адрес последнего места жительства, род занятий до войны и где он намерен поселиться после освобождения из плена. Когда комиссии закончили свою работу, заключенных разделили на группы по территориальному признаку, т. е. в соответствии с тем, в каком районе они проживали до войны. Одновременно с этим пошли слухи, что лица из центральных и западных районов Польши вскоре будут отправлены домой. И действительно, начиная с апреля 1940 года руководство лагерей начало отправлять группы численностью 200—300 военнопленных по направлению к Смоленску, откуда офицеры, проживавшие в Западной и Центральной Польше, направлялись в Брест, а остальные — в лагеря в районе Смоленска. Сейчас мне сложно сказать, сколько тысяч польских офицеров было передано немцам советскими властями с апреля 1940 года до момента начала немецко-русской войны 1941 года⁴. Лишь одно известно: как только польские офицеры пересекли немецкую границу, о них не поступало никаких сведений вплоть до 13 апреля 1943 года, когда немецкое радио передало сенсационное сообщение всему миру об обнаружении массовых захоронений убитых польских офицеров в катынских лесах. У меня есть основания полагать, что часть, возможно, 2000—3000 офицеров, найденных в лесах Катыни, были перевезены из района Смоленска, оккупированного немцами в 1941 году, а остальные — из других мест, известных только немцам. Зная историю зверств, творимых гитлеровцами, я не сомневаюсь в том, что немцы спланировали это убийство и осуществили его с присущей им аккуратностью. Они знали, что внезапное исчезновение нескольких тысяч польских офицеров, которые, как все знали, содержались в заключении в СССР, вызовет серьезные подозрения у их друзей, которые все еще находились в Советском Союзе, и станет яблоком раздора в польско-советских отношениях. И в самом деле, после подписания польско-советского договора⁵ в отношениях между нашими странами возникли трения, вызванные именно тем, что польские офи-

церы не прибыли для регистрации в польскую армию после объявления об амнистии⁶.

В действительности ни для кого не является неожиданным, что немцы делали все возможное для того, чтобы посеять семена недоверия между поляками и русскими, так как они опасались их объединения против Германии. В подтверждение тому, что такой немецкий заговор действительно существовал, я привожу отрывок из рассказа «Салус» Здзислава Бау, опубликованного в «Парыска культура» (№ 4/367/1978), где утверждается, что в начале декабря 1941 года в штаб генерала Андерса в Бузулуке явился четыре человека, которыми занимался лейтенант Шатовский. Они заявили, что прибыли из Польши и принадлежат к подпольной организации под названием «Мушкетеры», принесли с собой микропленку, а также слухи о том, что исчезнувшие польские офицеры были убиты где-то под Смоленском. Содержание микропленки осталось неизвестным, вероятно, потому, что эта четверка в то время в Польше работала в гестапо и была направлена с целью посеять разногласия в польской армии и недоверие к русским. Подобного рода провокации со стороны немцев были обычным явлением и еще раз подтверждали то, что фашисты не остановятся ни перед чем, чтобы разжечь ненависть между поляками и русскими, помешать объединению славян. Именно с этой точки зрения мы и должны рассматривать обнаружение немцами захоронений в Катыни. Общеизвестно, что весной 1943 года немцы отступали по всему Восточному фронту, и «обнаружение» могил убитых вовсе не случайное, как твердила об этом германская пресса и пропагандистская машина Геббельса, а являлось хорошо спланированным и просчитанным ходом гестапо, которое хотело вызвать у поляков враждебные чувства по отношению к приближающейся Красной Армии.

Конечно, если рассматривать ситуацию с немецкой точки зрения, то во всей этой процедуре нет ничего предосудительного. Ведь можно сказать, что немцы вели себя так, как и другие государства во время войны, когда можно использовать любую возможность, чтобы вызвать разногласия в стране врагов или их ослабить. Нельзя, мол, упрекать немцев, поскольку поляки сами позволили втянуть себя в это дело, на практике означающее, что они слушали и верили геббельсовской пропаганде. На мой взгляд, немцы обыграли катынский вопрос мастерски. Они повесили обвинение за резню на дверь русских, тем самым расчищая себе дорогу для отступления по польской территории. Одновременно они вызвали серьезные споры между поляками и русскими, а если добавить, что породили также и разногласия в лагере

⁴ В соответствии с постановлением СНК Союза ССР от 14 октября 1939 г. за № 1691-415 в октябре и ноябре 1939 г. было передано немцам 42 492 человека военнопленных поляков, родившихся на территории Польши, отошедшей к Германии. Передача производилась в двух пограничных пунктах: у Брест-Литовска и между станций Яготин и городом Дорогуск. — Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 52—53.

⁵ Договор был подписан 30 июля 1941 г.

⁶ Президиум Верховного Совета СССР Указом от 12 августа 1941 г. амнистировал всех польских граждан, содержащихся в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достоящих основаниях. — Правда. — 1941. — 13 августа.

наших союзников, то можно сказать, что они достигли колоссальных успехов, достойных восхищения.

У меня нет никаких сомнений в том, что немцы знали: раскрыв катынскую резню, они найдут для себя наиболее выгодный выход, поскольку понимали, что через короткий промежуток времени этот район будет вновь отвоеван русскими и все тайное здесь станет явным, так как местное население видело польских заключенных, до и после того, как этот район был оккупирован немецкими войсками, а также знало, что в первый период оккупации Смоленска немцы охотились на беглых заключенных из лагерей с польскими военнопленными⁷.

Имеет смысл еще отметить и то, что местечко под названием Козьи Горы, где, как известно, находился дом отдыха НКВД, вплоть до начала войны открытое для посещения местным населением, с прибытием немцев было обнесено колючей проволокой и строго охранялось, так что никто не мог туда проникнуть.

Даже русские, нанятые немцами для работы на кухне, не могли заходить в местный лес, где впоследствии были обнаружены захоронения убитых офицеров. Поэтому из самого характера поведения немцев можно сделать вывод, что уже с самого начала пребывания в этом районе они строили планы на убийство, но предпринимали все для того, чтобы сохранить их в тайне.

Будучи в Воркуте в лагере № 10, я встретил майора немецкой армии, который с 1941 года находился в оккупированном Смоленске. От него я узнал, что немцы и в самом деле захватили несколько лагерей с польскими военнопленными, расположенных в этом районе. Однажды в беседе я заинтересовался его мнением о Катыни. Он прямо мне ответил, что это дело рук немцев, поскольку это отвечало их интересам, и искренне удивился польским протестам. Майор придерживался мнения, что хороший солдат, а тем более офицер должен умереть, если погибает его родина. Он заявил, что, попав в руки русских, хорошо понимал, что может умереть, и если этому суждено было случиться, он примет смерть как подобает немецкому офицеру. Я также слышал от него, что немцы знали о попытках генерала Сикорского в Москве освободить польских офицеров и солдат, что способствовало бы заключению советско-польского соглашения. Майор ни в малейшей степени не считал убийство этих польских офицеров преступлением. По его мнению, после всего, что произошло, эти польские офицеры представляли серьезную опасность для Германии. Этого же мне

ния придерживались и многие другие немецкие военнопленные⁸.

В лагере № 11 в Воркуте я повстречал Владзимежа Мандрыка, который до войны и в период оккупации работал на главпочтамте в Смоленске. Мандрык совершенно определенно утверждал, что в окрестностях Смоленска с 1940 года были лагеря с польскими узниками. Он готов был даже подлечься, что они ликвидированы немцами. По его рассказу это произошло в период между августом и октябрём 1941 года, поскольку именно в это время на почту прекратили поступать письма, написанные в этих лагерях, а любая корреспонденция, адресованная в лагеря, в соответствии с указанием немцев уничтожалась. Мандрык помнил также, что приблизительно в это же время немцы объявили, что польские военнопленные отправлены в Польшу.

Осенью 1952 года меня перевели в Норильск, где в лагере № 4 я встретил капитана Владислава Зака, попавшего в русский плен в сентябре 1939 года. В течение целого года мы прожили в одном бараке, и я был свидетелем многих дискуссий и споров среди поляков по катынскому вопросу, непререкаемым участником которых был капитан Зак, постоянно утверждавший, что он абсолютно уверен в том, что Катынь является делом рук немцев и что он тоже бы разделил участь своих убитых товарищей, если бы не случай: за две недели до нападения Германии на Советский Союз он был переведен из лагеря под Смоленском в тюрьму в Москве, где его, обвинив в шпионаже и саботаже, приговорили к десяти годам лишения свободы. В лагерь под Смоленском капитан Зак прибыл вместе с группой польских офицеров в конце апреля 1940 года. Все остальные поляки, которых я встречал в Норильске, склонны были верить, что польские офицеры погибли от рук русских. Большинство из них, моих товарищей по несчастью, были из состава польской повстанческой армии и просто напросто бездумно повторяли ту информацию, которая распространялась нацистской пропагандой и реакционными польскими группировками в Лондоне.

На мой взгляд, капитан Зак был важным свидетелем по катынскому делу, поскольку его рассказ большей частью совпадал с рассказами других польских офицеров, которые в 1942 году ушли с польской армией на Средний Восток.

Среди многих воспоминаний, которые

⁷ Свидетель Т. Е. Фатков, колхозник, показывал: «Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе—сентябре 1941 г. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились, и больше никто польских военнопленных не видел». — Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. — М.: Госполитиздат, 1946. — С. 107.

⁸ Вот что писала английская газета «Таймс» 1 сентября 1943 г. в статье, посвященной второй годовщине гитлеровского вторжения в Польшу: «Никакая другая страна не подвергалась такому ужасному опустошению и не терпела таких безжалостных преследований со стороны нацистских оккупационных армий, как Польша. Нигде еще губительная «теория» «народа-господина» не применялась с такой настойчивостью и с такой бессовестностью. Со всем польским народом нацисты обращаются как с низшей расой. В лице Советской России Польша имеет могучего союзника, обширные ресурсы которого и упорство сопротивления ускорят победу союзников и вместе с тем освобождение Польши».

я прочитал о Катыни, была книга Станислава Свянецкого под названием «В тени Катыни», а также книга Юзефа Чапского «На бесчеловечной земле». Из них я узнал, что польские военнопленные в советском плену были не такие уж бедные, к ним относились довольно хорошо. Например, Юзеф Чапский в своей книге пишет о лагере с польскими офицерами, где в 1940 году русские власти содержали трех польских генералов: Х. Минкевича, М. Сморовинского, Б. Бохатеревича. В один из дней, когда последние должны были покинуть лагерь, лагерная администрация устроила прощальный обед. Для того, кто не знает Советского Союза, этот жест не будет иметь какого-либо иного, более глубокого смысла. Для меня же и других мне подобных, проведших не один год в Советском Союзе, это ясно указывает, что руководство лагеря таким способом демонстрировало свое уважение к этим высшим офицерам. Для меня даже упоминание о таком факте, что офицеры, покидавшие лагерь в Козельске, получали сельдь, завернутую не как обычно в газету, а в качестве новой серую бумагу, говорит о том, что офицеры возвращались в Польшу и русские хотели показать немцам, что и они тоже цивилизованные люди. Да, значение подобных, казалось бы, малозначительных жестов может понять лишь человек, проживший в России много лет⁹. Убежден, что у лагерной администрации не было другой возможности, чтобы сформировать у отъезжающих польских офицеров хорошее впечатление о себе. Тем же, кто бездумно обвиняет русских в убийстве польских офицеров, я советую все же внимательнее присмотреться к маленьким деталям из повседневной жизни поляков в России, поскольку именно эти небольшие штрихи привели к подписанию польско-советского договора в 1941 году, к освобождению многих тысяч польских заключенных из лагерей и к формированию польской армии в СССР¹⁰.

В июле 1953 года вместе с группой инвалидов я был направлен в район Иркутска в лагерь № 233. Здесь я познакомился с отцом Козера, проявлявшим очень большой интерес к катынскому делу. В течение более чем восьмилетнего пребывания во многих лагерях отец Козера собрал много интересных материалов, приведших его к окончательному

⁹ Каждому офицеру, покидающему лагерь, выпадалось 800 г. хлеба, немного сахара и три селедки.

¹⁰ В соответствии с советско-польским соглашением от 30 июля 1941 г. между Верховным Главным Командованием СССР и Верховным Командованием Польши 14 августа того же года было заключено в Москве военное соглашение, подписанное со стороны СССР уполномоченным Верховного Главного Командования СССР генерал-майором А. Василевским, со стороны Польши — уполномоченным Верховного командования Польши генерал-майором С. Богущ-Шиншко. В качестве командующего польской армией на территории СССР главнокомандующий польскими вооруженными силами генерал Сикорский назначил генерала Андерса. Генерал Андерс приступил к формированию польской армии. — Правда. — 1941. — 20 августа.

выводу, что катынский преступление совершено немцами. Но из всех людей, которых я встречал, наиболее весомым было свидетельство русского майора, который до войны работал в смоленской комиссии по лесозаготовкам, а с приходом немцев, будучи подпольщиком, устроился работать на железную дорогу. Этот майор рассказал мне, что его интерес к убитым офицерам пробудился по воле случая, когда один из его людей доложил ему, что немцы обнесли район Козьих Гор колючей проволокой и установили таблички с надписями, что вход в эту зону запрещен.

«Я подумал, — рассказывал майор, — что немцы там строят какой-то секретный объект или склад с боеприпасами, а поэтому я приказал своим людям проверить это. Однако когда доложили, что местное население видело, как немецкие грузовики, полностью загруженные польскими военнопленными, въезжали в зону, я решил, что немцы, по всей вероятности, строят там лагерь для поляков. В начале 1943 года я был отправлен на работы в Германию и когда услышал о том, что немцы обнаружили в катынском лесу могилы убитых польских офицеров и что обвинения возлагаются на Советский Союз, то понял всю глубину вероломства нацистской пропаганды».

Только случай помог мне встретиться с этим майором из Смоленска, и его заявление убедило меня в том, что только немцы должны нести ответственность за смерть тех польских офицеров в Катыни.

Всего в Советском Союзе я провел девять лет: два года в ссылке и семь в лагерях. За это время я через многое прошел, всякое повидал, встретил тысячи интересных людей и полагаю, что, если советские власти захотели бы отделаться от тех польских офицеров, они прибегли бы к своим хорошо освоенным методам, заслав их на Новую Землю, на Колыму или в Норильск, как они это уже делали с миллионами русских и украинских политических оппонентов, где по меньшей мере половина умрет в течение года от холода, голода и болезней.

Как бывший политический заключенный, осужденный советским военным трибуналом во Львове к 25 годам лишения свободы с отбыванием срока в лагерях, я далек от попыток реабилитировать советскую систему. Я сам стал безвинной жертвой и едва не погиб от рук тирана. Я понял также всю преступную историю сталинского времени и знаю, что многие сотни тысяч людей были убиты, многие миллионы сосланы в сибирские лагеря, откуда вернулись лишь единицы. И если я поднялся на защиту русских, то только с целью исправить существующее неправильное мнение по катынскому вопросу, поскольку, как мне известно, подобная информация была состряпана столь вероломно и безответственными людьми.

Должен заметить, что при всей своей неприглядности и жестокости коммунистическая система отличается от нацист-

ской тем, что она всегда пыталась соблюдать приличия в отношении закона и порядка. Советские суды с момента своего появления приговаривали людей к расстрелу. Однако эти приговоры приводились в исполнение в тюрьме и только после подтверждения Верховного суда или Верховного Совета Союза ССР.

Этим я хочу сказать, что во времена Сталина коммунистическая система находилась в чрезвычайно дегенеративном виде, но ее юрисдикция никогда не допускала массовых убийств людей без суда, как это было в Катынском лесу. Подобные убийства имели место в России только в ходе революции. Поэтому расследование Международной комиссии, состоящей из представителей стран, находившихся в немецкой оккупации, нельзя принимать в расчет, так как они работали под контролем гестапо. Профессор Бухц из Вроцлавского университета, принимавший участие в эксгумации, мог знать правду, но позднее был убит немцами¹¹. На основании накопленных мною материалов я располагаю всеми необходимыми доказательствами для того, чтобы заявить, что обвинения польского правительства в Лондоне были основаны лишь на политических мотивах. То же я могу сказать и о генерале Андерсе, который, услышав сообщение о катынской резне, начал демонстрировать нездоровые психические симптомы, приказав создать при штабе польской армии в России документальную службу и поисковую партию для установления места нахождения исчезнувших польских офицеров. Он также приказал капитану Ю. Чапскому собирать клеветнические материалы против Советского Союза, на основании которых Чапский после выезда из СССР написал и опубликовал книгу под названием «На бесчеловечной земле» с целью отравить польско-русские отношения. Здесь я должен добавить, что назначение генерала Андерса главнокомандующим польской армией в России было одной из крупнейших ошибок и продемонстрировало неспособность генерала Сикорского найти на эту должность достойного человека. Будь вместо Андерса главнокомандующим генерал Борута-Спехович, я уверен, что он не побоялся бы сражаться на Восточном фронте. Его бы не раздражал русский ржаной хлеб и сон на соломенном матраце. Он бы знал, как взглянуть в будущее, и был бы во главе польской армии, входящей в освобожденную Варшаву. Мы знаем, что генерал Андерс не мог забыть то унижительное время, проведенное в тюрьме, и дышал ненавистью

¹¹ В своем докладе профессор Герхард Бухц, в частности, отмечает: «1 марта 1943 г. я получил для исследования доклад из гестапо от 28 февраля 1943 г. относительно обнаружения в Катынском лесу массовых захоронений польских офицеров, расстрелянных в 1940 г. НКВД. Вместе с представителями гестапо я провел ряд подобных эксгумаций». Как мы видим, уже в марте 1943 г. гестапо было абсолютно уверено в том, что польских офицеров уничтожил НКВД, тогда как основные исследования захоронений проводились до 7 июня 1943 г.

и презрением к России и русскому народу и с самого начала делал все, что было в его силах, для создания максимально плохих отношений между русским и польским командованиями. Любым своим шагом он проявлял огромное нежелание, граничащее со страхом, как только поднимался вопрос об участии польской армии в боевых действиях на Восточном фронте.

С самого начала он маневрировал с целью вывести польскую армию из России на Средний Восток. Вместе с польским послом Котом они не понимали, что выполняют чрезвычайно важные функции в единственной в своем роде системе, и поступали столь эгоистично, словно находились в своем собственном доме, напоса таким поведением громадный вред полякам и Польше.

Исследуя документы дипломатической переписки, хранящейся в архиве Польского института в Лондоне и Британском архиве, я выяснил, что некоторые ответы, данные советскими властями на вопросы об исчезнувших польских офицерах, были скрыты от общественности.

Вот эти ответы:

— 8 сентября 1941 года Молотов в соответствии с объявленной амнистией от 12 августа того же года заявил, что на основании указания Председателя Совета Народных Комиссаров СССР все граждане Польши, лишенные свободы, как, например, военнопленные и другие лица, освобождены, а кроме того, этим людям Советским правительством оказана финансовая помощь.

— Сталин в беседе с польским послом Котом 18 марта 1942 года сказал, что он приказал освободить всех поляков. Зачем их держать? Возможно, они оказались на немецкой территории, рассеялись, бежали.

— Министр безопасности (нарком внутренних дел. — В. П.) Берия ответил: «Мы совершили огромную ошибку, передав большую часть немцам».

— Комиссар (заместитель наркома иностранных дел. — В. П.) Вышинский сказал: «Мы возвратили всех людей, которые у нас были, мы не можем вернуть тех, кого у нас нет».

Из приведенных выше заявлений ясно видно, что оба, посол Кот и генерал Андерс, получили достаточную информацию о судьбе исчезнувших польских офицеров, и можно только удивляться тому, что они вводили в заблуждение польское правительство в Лондоне и помогали немцам в катынском вопросе.

THE KATYN IN THE LIGHT OF BRITISH DOCUMENTS

Как мы уже сообщали, редакция располагает архивными материалами, присланными Ромуальдом Святеком из Лондона. Ниже приводятся выдержки из бесед представителей польской и советской сторон, темой которых послужило исчезновение пленных польских офицеров.

14 октября 1941 года состоялась очередная встреча между польским послом

профессором Котом и Вышинским. В ходе нее польский посол, ссылаясь на намечаемый визит в Москву генерала Сикорского, сказал: «Я позволю себе надеяться, что генерал Сикорский найдет своих офицеров, когда придет».

— Мы доставим вам всех, кто у нас есть, — ответил Вышинский, — но мы не можем передать вам тех, кого у нас нет. Англичане, например, передали нам список своих сограждан, которые, по их мнению, находятся в СССР, но которых в действительности никогда здесь не было.

8 ноября 1941 года комиссар Молотов направил ноту, в которой, в частности, отмечалось: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года об амнистии все польские граждане, содержащиеся под стражей в качестве военнопленных или задержанные по другим аналогичным причинам, были освобождены. Вышеуказанным категориям лиц и военнопленным советские власти оказали всю необходимую помощь».

14 ноября 1941 года советский посол при польском правительстве в Лондоне Богомолов вручил польскому представителю ноту, повторяющую по содержанию ноту Молотова от 8 ноября. В ней подчеркивалось: «Освобождены также все польские офицеры, содержащиеся под стражей на территории СССР. Предположения, сделанные польским премьер-министром, что множество польских офицеров содержится в северных районах СССР, по-видимому, базируются на неточной информации».

Двумя днями раньше, 12 ноября 1941 года, состоялась очередная встреча польского посла Кота с Вышинским, который заявил: «По моему мнению, все офицеры уже освобождены. Сейчас необходимо лишь установить их местонахождение. И если кто-либо из них еще не освобожден, он обязательно будет освобожден. По моему, этой проблемы больше не существует».

В конце концов после трех с половиной месяцев бесплодных попыток разыскать пропавших людей, в течение которых ни одно из советских учреждений не было в состоянии дать удовлетворительный ответ на вопрос о том, что же стало с теми тысячами польских военнопленных, в большинстве своем офицеров, польский посол 14 ноября 1941 года попросил об аудиенции с советским диктатором Сталиным. На встрече присутствовал комиссар Молотов. Ниже приводится запись беседы, сделанная сразу после этой встречи:

Посол. Я уже отнял у вас, господин президент, много времени, тогда как у вас так много важных дел. Однако у меня есть еще один важный вопрос. Могу я его задать?

Сталин (вежливо). Конечно, господин посол.

Посол. Вы — автор амнистии для польских граждан в СССР. Не затруднит ли вас использовать свое влияние для

того, чтобы эта инициатива была выполнена полностью?

Сталин. Разве есть поляки, которых еще не освободили?

Посол. Ни один офицер не прибыл к нам из лагеря в Старобельске, который был закрыт весной 1940 года...

Сталин (перебивая). Я это проверю. Однако после освобождения многое могло случиться. Как звали командующего обороной Львова? Лангнер, если я не ошибаюсь?

Посол. Генерал Лангнер, господин президент.

Сталин. Совершенно верно, генерал Лангнер. Мы освободили его в прошлом году. Мы привезли его в Москву, беседовали с ним. Затем он исчез за рубежом, вероятно, в Румынии.

(Молотов кивает).

Сталин. Для нашей амнистии нет исключений, однако нечто подобное могло случиться и с другими офицерами, как и с генералом Лангнером.

Посол. У нас есть список. Например, генерал Станислав Халлер до сих пор не найден, офицеры из Старобельска, Нозельска и Остапкова, которые были вывезены из этих лагерей в апреле и мае 1940 года, исчезли.

Сталин. Мы освободили всех, даже тех людей, которые были посланы к нам генералом Синорским взрывать мосты и убивать советских людей; мы освободили даже этих людей. (На самом деле это не генерал Сикорский, который послал их, а его начальник штаба Сосновский¹²).

Посол. У меня к вам просьба, господин президент, чтобы вы дали указание освободить офицеров, которые нам нужны для организации армии. Мы располагаем сведениями на момент их вывоза из лагерей.

Сталин. Это точные списки?

Посол. Каждое имя записано русским руководством лагерей, которое делало ежедневную переключку всех заключенных. В дополнение к этому НКВД на каждое лицо заводило дело. Нам не было передано ни одного офицера штаба армии генерала Андерса, которой он командовал в Польше.

(Сталин, который до этого несколько минут стоял, начал медленно двигаться вокруг стола, куря папиросу, но внимательно слушая и отвечая на вопросы, быстро подошел к телефону, стоявшему на столе Молотова, чтобы позвонить в НКВД).

Молотов (также встает и подходит к телефону). Там не соединится. (Он поворачивает выключатель и снова садится за стол).

Сталин (в телефонную трубку). Сталин говорит. Все поляки освобождены из тюрьмы? (Некоторое время молчит, слушая ответ.) У меня здесь посол, который говорит мне, что освобождены не

¹² Генерал Сосновский был министром в правительстве генерала Сикорского в период с 1939 по 1941 г., а не начальником штаба.

Краткое содержание:

На основании постановления Правительства
СФ, все быв. польские военнопленные, со-
тисея в лагерях НКВД, освобождены.

НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ПО ДЕЛАМ О ВОЕННОПЛЕННЫХ
И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(СОПРУЖЕНКО)

Аидерс. Кроме этого, многие наши люди все еще находятся в тюрьмах и лагерях. До настоящего времени никто из офицеров, вывезенных из Козельска, Старобельска и Остапюва, не появился. Поэтому они, безусловно, находятся у

вас. (Он передает два листа со списками, которые принимает Молотов). Где они могут быть? Мы пытались установить их местонахождение на Колыме.

Сталин. Я уже дал указания, чтобы их освободили. Нам говорили, что они даже на Земле Франца-Иосифа, но там никого нет. Я не знаю, где они. Почему мы должны их держать? Возможно, они были в лагерях в районах, захваченных немцами, и рассеялись.

Окулицкий. Невозможно — мы бы узнали об этом.

Сталин. Мы задерживаем только тех поляков, которые занимались шпионской деятельностью по приказу Германии. (Затем он сменил тему беседы).

10 июля 1942 года поляки получили памятную записку Наркомата иностранных дел, в которой, в частности, говорилось: «Известно, что многие польские граждане, освобожденные до выхода Указа об амнистии, уехали из Советского Союза к себе на родину. Необходимо отметить и то обстоятельство, что многие польские граждане, освобожденные в соответствии с условиями амнистии, уехали за границу, часть из них в Германию... И в заключении, в результате стихийной миграции из северных в южные районы СССР зимой 1941 года, несмотря на неоднократно повторяемые предостережения Наркомата, многие польские граждане по дороге заболели и были сняты с поезда на различных станциях. Часть из них умерло в пути. Все эти обстоятельства хорошо объясняют тот факт, что определенное число польских граждан не подает признаков жизни».

Вопрос об «исчезнувших» заключенных в последний раз обсуждался 8 июля 1942 года, когда посол Кот, сопровождаемый временным поверенным в делах Польши в СССР Сокольниковым, нанес прощальный визит Вышинскому. Сокольников описал обсуждение этой темы следующим образом:

Вышинский. Что же касается содержащихся в тюрьме и лагерях поляках, я должен заверить вас, господин посол, что мы проверили этот вопрос и удостоверились в том, что их в действительности там нет. Офицеров нет ни на Крайнем Севере, ни на Дальнем Востоке, ни в каком-либо другом месте. Возможно, они за пределами СССР, возможно, часть из них умерла. Все они были освобождены. Часть была освобождена до начала войны с Германией, часть после ее начала.

Кот. ...Что касается офицеров, то я должен заметить, что из Польши я получил большое число запросов от их семей, очень волнующихся об их судьбе и продолжающегося отсутствии. Ни одного из них там нет.

Сокольниковый. Если наши пленные были освобождены, то, пожалуйста, дайте мне их список с указанием даты и места их освобождения. Советской администрацией составлялось несколько списков заключенных в лагерях, поэтому

формирование этих списков не может вызвать каких-либо трудностей.

Вышинский. К сожалению, у нас нет таких списков.

Помимо приведенных выше официальных переговоров и дипломатических контактов, на которых в той или иной степени затрагивались вопросы об исчезнувших польских военнопленных, большую часть которых составляли офицеры, польский штаб, размещавшийся на территории Советского Союза, также располагал конфиденциальной информацией по исследуемой теме.

Вот, например, что сообщили офицеры польского генерального штаба, которых советские власти осенью 1940 года перевели из Грязовецкого лагеря в Москву. Группа офицеров, симпатизировавших Советскому Союзу, была переведена в Бутырскую тюрьму и на Лубянку, а затем привезена на подмосковную дачу. Там Берия и Меркулов, руководитель НКВД и его заместитель соответственно, собрали поляков для обсуждения с ними вопроса об организации ядра Польской Красной Армии. В ходе дискуссий был поднят вопрос и о пропавших из Козельска, Старобельска и Оstashкова польских офицерах.

Юзеф Чапский в своих «Воспоминаниях из Старобельска» пишет: «В октябре 1940 года — за восемь месяцев до начала советско-германской войны — большевики перевезли в специальный лагерь недалеко от Москвы несколько офицеров нашего штаба, среди которых был подполковник Берлинг, и предложили им организовать польскую армию, чтобы воевать против немцев. Берлинг с одобрением отнесся к этому предложению, сделав при этом одну существенную оговорку, чтобы в эту армию могли вступить все офицеры и другие польские военнослужащие независимо от их политических взглядов. Во встрече участвовали Берия и Меркулов.

— Ну конечно же, — заявили они, — поляки всех политических взглядов будут иметь право вступить в эту армию.

— Очень хорошо, — ответил Берлинг, — в лагерях в Козельске и Старобельске находятся прекрасные кадры для этой армии.

На что Меркулов заметил:

— Нет, не эти. Мы совершили с ними огромную ошибку.

В штабе армии генерала Андерса знали об этой ремарке Меркулова относительно «огромной ошибки», что усилило опасения за судьбу исчезнувших заключенных.

В апреле 1943 года, когда немцы обнаружили тела польских офицеров в Катыни, слова Берии и Меркулова, сказанные в октябре 1940 года, снова вспомнили. Польская армия под командованием генерала Андерса была уже на Ближнем Востоке, и там полковник Е. Горчинский представил в штаб рапорт, датированный 6 мая 1943 года. В нем говорилось: «Когда мы сказали комиссару Берия, что большое число первоклассных офицеров для активной службы на-

ходится в лагерях в Старобельске и Козельске, он заявил: «Составьте их список, однако немного из них осталось, поскольку мы совершили большую ошибку, передав большую их часть немцам»¹³.

Это заявление полковника Е. Горчинского содержит в себе важное дополнение. По свидетельству Чапского, он и его коллеги из группы просоветски настроенных офицеров ранее цитировали реплику Берии и Меркулова, не упоминая пассажи относительно передачи пропавших офицеров немцам.

4 мая 1943 года британский министр иностранных дел Иден сделал такое заявление в палате общин:

«Палата, без сомнения, выслушает мое короткое заявление относительно трудностей, к сожалению, возникших между советским и польским правительствами. Я не вижу необходимости вдаваться в причину возникновения этого спора. Я хочу лишь привлечь внимание, что, впрочем, уже сделали советское и польское правительства в своих опубликованных заявлениях, к цинизму, с которым нацистские убийцы сотен тысяч ни в чем не повинных поляков и русских используют историю о массовом убийстве с целью нарушить единство союзников.

С самого начала правительство его величества делало все возможное, чтобы убедить поляков и русских не позволить немецким манипуляциям иметь даже малейший успех. Именно поэтому правительство с сожалением узнало о том, что вслед за обращением польского правительства в Международный Красный Крест¹⁴ о расследовании предложенной

немцами версии советское правительство посчитало необходимым прервать отношения с польским правительством. Правительство его величества не желает возлагать обвинения за эти события ни на кого, кроме как на общего врага. Единственное желание английского правительства состоит в том, чтобы эти разногласия между двумя государствами — членами Объединенных Наций были устранены как можно быстрее и чтобы отношения между Советским Союзом и Польшей были восстановлены на базе сотрудничества, налаженного невзирая на все трудности между маршалом Сталиным и генералом Сикорским и доказавшего свое положительное воздействие в Объединенных Нациях и (которое) имеет чрезвычайно важное значение для будущего благополучия Европы.

Проводя такую политику, правительство его величества безусловно работает, поддерживая теснейшее взаимодействие и консультации с правительством Соединенных Штатов. Они надеются, что государственная мудрость, приведшая к заключению советско-польского договора от 30 июля 1941 года, снова, как и ранее, будет иметь успех. По крайней мере в одном можно быть уверенным: у немцев нет никаких надежд на то, что их маневры ослабят совместное наступление союзников или растущее сопротивление поработоченного населения «Европы».

Авторское заключение

В заключение этой грустной истории мне бы хотелось посоветовать полякам, чтобы они раз и навсегда прекратили таить обиды по отношению к своему восточному соседу, поскольку как география, так и границы Польши изменились после войны.

Каждый истинный поляк должен быть этим не только удовлетворен, но и благодарен тем, кто это сделал. Когда я вернулся из лагеря в 1956 году и посетил наши западные территории, я осознал всю экономическую важность новых польских границ и в душе простил Сталина за причиненные мне и моей семье страдания, так как он был главной силой, приведшей к формированию этих польских границ.

Для всех тех, кто все еще упрямо мечтает о Польше, простирающейся от Балтики до Черного моря, я прилагаю письмо Уинстона Черчилля, стоящее того, чтобы его прочитать. Оно призывает подумать тех поляков, которые часто не знают ни того, чего они хотят, ни того, чем они владеют, и не желают знать того, что Советский Союз пожертвовал многими миллионами своих солдат, чтобы поляки смогли иметь свое собственное независимое государство, чего они никогда не смогли бы получить своими силами:

«Премьер-министр — Форин офис

7 января 1944 года

1. Я не думаю, что нужно приглашать поляков, но я сообщу вам об этом в течение ближайших двух суток.

¹³ В октябре и ноябре 1939 г. немцам было передано 42 492 военнопленных поляка, уроженцев территории Польши, отошедшей к Германии. — Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 52—53.

¹⁴ Думается, читателям небезынтересно будет узнать о том, кто же входил в руководящий состав Международной Организации Красного Креста:

Справка

о руководящем составе, возглавляющем Организацию Красного Креста за границей: США — Президент Франклин Рузвельт, Вице-Президент Герберт Гувер, Председатель Исполнительного Комитета Норман Дэвис; Англия — Высокий патрон король Георг, Почетный председатель королева, Председатель Исполнительного Комитета — сэр фельдмаршал Четвуд; Германия — Высокий патрон Гитлер, Председатель герцог Заксен-Кобург-Готский; Япония — Высокие патроны японский император и императрица. Почетный председатель принц Котохито-Канин, Председатель Центрального Комитета принц Коньоки Токугава; Бельгия — Высокий патрон бельгийский король, Почетный председатель бельгийская королева, Председатель Центрального комитета д-р Нольф, бывший министр; Франция — Почетный председатель маршал Петэн, Председатель маркиз де Мюн; Норвегия — Высокие патроны Норвежский король и королева, Председатель Исполнительного Комитета полковник Мейних; Турция — Высокий патрон президент республики, Председатель Административного Совета Рана Тюрхан, депутат Истамбула; Швеция — Высокий патрон шведский король, Председатель Центрального Комитета принц Карл Шведский; Италия — Высокие патроны король и королева Италии, Председатель Центрального Комитета сенатор Джузеппе Мормино. ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 7, д. 352, л. 110.

2. Я бы глубоко задумался, прежде чем сообщать миру о том, что мы объявляем войну за Польшу и что польская нация достойна иметь лучшую территорию, тем более что мы никогда не брали на себя обязательств защищать существующие польские границы и что жизни 20—30 млн. русских дают право на гарантированную безопасность западных границ Польши.

3. Более того, без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать. Сейчас Польше отводится положение великой независимой нации в сердце Европы, с прекрасным морским побережьем и лучшей территорией, чем та, которую она имела прежде. И если она не примет этого, Британия снимает с себя все свои обязательства и пусть поляки сами договариваются с Советами.

4. Я не думаю, что мы можем давать хоть какие-то авансы на дальнейшую помощь или признание до тех пор, пока они не выразят своей искренней поддержки решения, к которому мы пришли вместе с нашим советским союзником. Они должны быть очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости.

Уинстон Черчилль.

Публикация и перевод редактора
«Военно-исторического журнала»
капитана 2 ранга В. Ф. ПАТРУШЕВА

«БЛАГОДАРИЮ ЗА ПУБЛИКАЦИЮ»

Благодарю за публикацию в № 6
«Военно-исторического журнала» ма-

От редакции. Вот, уважаемый читатель, еще одна версия относительно судьбы польских военнопленных, чьи тела были обнаружены в Катынском лесу. Ромуальд Святек высказал свое мнение. И в логике рассуждений ему не откажешь. Хотя, конечно, можно с ним в чем-то не соглашаться. Вот, скажем, беседы польских представителей с Вышинским, Берией, Меркуловым. Приводя отрывки из них, автор вправе рассчитывать на то, что столь высокопоставленные особы не могут покривить душой, а тем более лгать. Да это и понятно: Святек воспитывался в иных условиях, живет в другой стране, где политические и государственные деятели с большим уважением относятся к закону, где не принято, наверное, идти на сделку с совестью в угоду какому-то корыстному интересам. Но ведь это является правилом лишь в том случае, если у людей есть совесть, развито чувство самоуважения, чувство долга перед Отечеством. А для таких «деятели», как Берия, Вышинский, Меркулов, и других им подобных, манипулировавших статьей закона, вершивших произвол, посылавших людей на смерть на основании грубо состряпанных обвинений-фальшивок, а то и вообще без суда и следствия, такие понятия, как честь, совесть, просто не существовали. Трудно, видимо, до конца верить и в искренность Молотова и Сталина. А ведь именно последний впервые высказал «предположение», впоследствии подхваченное его прихлебателями, что польские офицеры могли скрыться в Маньчжурии.

Мы не ставим точку на расследовании этой страшной страницы истории. Возможно, что в недалеком будущем у нас появятся новые сведения о Катыни, которые мы непременно опубликуем в нашем журнале.

териала «Погибли за Родину». Наконец-то народу станут известны имена генералов и адмиралов, отдавших свои жизни за Родину во время Великой Отечественной войны. В беседах фронтовики называют имена командиров: «Я сражался в дивизии Панфилова», «Я служил в коннице Доватора»... Думаю, что в Москве на Поклонной горе в Зале памяти должны быть написаны золотыми буквами имена всех погибших генералов и адмиралов. Перед этим списком люди должны снимать головные уборы, молчать и вставать на колени.

Г. В. ПЕСТОВСКИЙ, участник
Великой Отечественной войны
(Днепропетровск)

Побратим... Истари на Руси звучит это слово, как кельза лучше определяющее боевое братство воинов. Оно особенно дорого тем, кто вдали от Родины с оружием в руках выполнял свой воинский долг.

Сегодня в рядах побратимов около миллиона советских ветеранов. За их плечами Вьетнам и Корея, Сирия и Египет, Ангола и Афганистан... В двадцати трех странах сражались в последние четыре десятилетия наши воины-интернационалисты. И они горды тем, что есть у них своя газета — «Побратим».

Это первое в Советском Союзе издание подобного рода. Оно формирует гуманное отношение общественности к воинам, сражавшимся на чужой земле. Только в «Побратиме» содержится объективная информация о политической, экономической, социальной и духовной жизни воинов-интернационалистов, о событиях, происходивших и происходящих в горячих точках планеты.

Главные авторы газеты — сами ветераны недавних боев. Свидетельства очевидцев, журналистские расследования, которые ведет «Побратим», раскрывают тайны пребывания советских войск за рубежом.

«Побратим» располагает широкой сетью корреспондентов во всех учреждениях и войсках Советской Армии, КГБ и МВД, использует только ему доступную информацию Министерства иностранных дел и парламентских комитетов и комиссий. Он имеет и свои представительства за рубежом — в Афганистане, в западноевропейских странах, в США.

С 1992 года открыта свободная подписка на «Побратим».

Наш индекс — 50 108.

Газета выходит раз в месяц. Цена одного номера — 60 копеек. Стоимость годовой подписки — 7 руб. 20 коп.

Наш адрес: 103030, Москва, Суцеская улица, д. 8-12.

Редакция «Побратим».

Телефакс: 9752171, телекс: 411817 ТОКОВ, телефон: 258-29-74.

**В следующем номере журнала
будут опубликованы материалы:**

В. А. Золотарев. «Военная история на новых путях»; А. С. Орлов. «Советско-германские военно-политические отношения (август 1939 г. — июнь 1941 г.)»; В. П. Галицкий. «Венгерские военнопленные в СССР»; хроника боевой деятельности Г. К. Жукова в годы Великой Отечественной войны; интервью с председателем Моссовета в 1939—1954 гг. В. П. Пронин; очерк «Бериевщина» (окончание); Ю. Н. Данилов. «На пути к крушению» (воспоминания).

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ гражданской войны в России в числе эмигрантов оказались массы солдат, офицеров и генералов разгромленных белых армий. За пределами Родины ими были опубликованы многочисленные мемуары о революции и гражданской войне, в которых авторы искали причины краха самодержавия и Временного правительства, а также поражения белого движения, видя их в чем угодно, только не в исторической обреченности царизма и не в своих попытках реставрации монархии в России. Наиболее же вдумчивые из эмигрантов пытались объективно осмыслить происшедшее с ними, понять, в чем же истинные причины несостоятельности старого порядка. Их было немного, но они были. Одним из первых это попытался сделать генерал Ю. Н. Данилов (1866—1937). Имя этого человека мало что говорит сегодняшнему читателю, но в годы первой мировой войны оно было хорошо известно всей России.

Накануне войны Ю. Н. Данилов занимал должность генерал-квартирмейстера главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Под его руководством был разработан русский план войны. После объяв-

ления Германией войны России он назначается генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем, пост которого занял дядя императора Великий князь Николай Николаевич. С первых дней генералу Ю. Н. Данилову досталась руководящая роль в разработке и проведении операций, так как начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич самоустранился от оперативной работы под предлогом плохого знания стратегии. Таким образом, главным стратегом в течение первого года войны стал не начальник штаба Ставки, а генерал-квартирмейстер, идеи которого и легли в основу ряда победоносных для русских войск операций. За победу в Галицийской битве он был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени и орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, а за Лодзинскую операцию 22 октября 1914 года ему присваивается чин генерал от инфантерии.

Тяжелые поражения русской армии летом 1915 года, вызванные острой нехваткой вооружения и боеприпасов, привели к смене всего руководства Ставки. Ю. Н. Данилов был назначен на должность ко-

мандира корпуса, а в 1916 году получил армию.

Февральские дни 1917 года застали его на посту начальника штаба Северного фронта. Вместе с командующим фронтом Н. В. Рузским вечером 1 марта он встретился на дебаркадере Псковского вокзала Николая II, а через два дня стал свидетелем отречения последнего русского царя от престола.

После февральского переворота Ю. Н. Данилов еще недолго служил в штабе Северного фронта. 29 апреля 1917 года правительство Керенского назначает его командующим 5-й армией того же фронта. В сентябре в связи с мятежом Л. Г. Корнилова он отчисляется в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа, а в феврале следующего года отзывается в распоряжение ГУГШ. В марте 1918 года вместе с генералом А. И. Андогским, контр-адмиралом В. М. Альфатером и капитаном В. В. Липским в качестве военного эксперта Советского правительства Ю. Н. Данилов принимает участие в заключительном акте драмы Брест-Литовских переговоров — заключением мира. По возвращении в Петроград он сначала соглашается и дальше работать с Советской властью: вместе с В. М. Альфатером и А. И. Андогским входит в «комиссию военных специалистов для выработки плана образования военного центра для реорганизации армии». Под его руководством группой генералов и офицеров был разработан план создания новой армии, который, однако, Совнарком не принял.

Глубоко потрясенный условиями Брестского мира и к тому же не нашедший общего языка с новой властью, Ю. Н. Данилов подает в отставку и уезжает из Петрограда на Украину, а затем в район действий Добровольческой армии. В 1920 году он некоторое время занимает пост исполняющего должность начальника военного управления в правительстве П. Н. Врангеля. Вместе с остатками врангелевской армии эмигрирует в Константинополь.

Немало поскитавшись по послевоенной Европе, он в конце концов осел в Париже. Здесь бывший генерал всецело посвящает себя военно-научной, литературной деятельности. Среди его работ наибольшей известностью пользовался мемуарный труд «Россия в мировой войне 1914—1915», изданный в 1924 году на русском языке в Берлине [затем переведен на немецкий и французский] и содержащий богатый фактический материал о подготовке России к войне, о деятельности высшего русского военного руководства в первый ее период.

В 1926 году Ю. Н. Данилов завершает работу над рукописью, озаглавленной им «На пути к крушению» [очерки из последнего периода русской монархии]. Однако на русском языке она не публиковалась¹, издание было осуществлено только на немецком². Рассматриваемая работа хроно-

логически охватывает период с 1905 по март 1917 года. В ней сделана попытка показать, что «основными причинами совершившегося крушения Великой Российской Империи были внутренняя слабость ее государственности и ошибочность политики ее центральной власти, не желавшей считаться с голосами и настроениями широких народных масс». Доказательству этого положения и посвящено дальнейшее повествование. На страницах книги читатель встречается со многими историческими персонажами, начиная с Николая II и кончая А. Ф. Керенским, знакомится с обстоятельствами смены Верховного главнокомандующего русской армией и отречения Николая II от престола и другими событиями последнего периода существования русской монархии.

В 1985 году один из экземпляров рукописи оригинала был передан потомком Ю. Н. Данилова в Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Вниманию читателей предлагаем отрывки из этой рукописи.

В. А. АВДЕЕВ,
кандидат исторических наук

НА ПУТИ К КРУШЕНИЮ

Предисловие

ОПИСЫВАЕМЫЙ в настоящей книге период жизни русского государства имеет свою обширную литературу, историческую и мемуарную. Поэтому с точки зрения фактов трудно рассчитывать встретиться в настоящем повествовании с чем-либо новым. Но, во-первых, упомянутая литература по своему объему и разбросанности не может быть доступна каждому читателю, во-вторых же, огромное большинство печатаемых материалов и трудов составлены в пределах не того периода, который намечен автором последующих страниц.

Между тем именно этот период времени, по мнению автора, является наиболее ярким с точки зрения той главной мысли, что основными причинами совершившегося крушения Великой Российской Империи были внутренняя слабость ее государственности и ошибочность политики ее центральной власти, не желавшей считаться с голосами и настроениями широких народных масс.

Без утайки, хотя и с грустью, приходится сказать, что власть эта проявила себя особенно нетерпимой и малоискренней именно

¹ Отдельные фрагменты ее использовались автором в других работах.

² D a n i l o f f J. N. Dem Zusammenbruch entgegen. — Hannover, 1928; Bremen, 1929.

в период царствования последнего русского монарха. В этот же период времени она подпала под исключительно вредное влияние невежественных и безответственных сил, отшатнувших от нее всех мыслящих государственными категориями лиц.

Трудная война, веденная в России в царствование императора Николая II, не могла не явиться особо тяжелым испытанием для государственной прочности нашего Отечества и механизма, им управлявшего. Удивительно ли, что в результате всех этих причин получился тот излом, который привел к крушению Великого государства.

Автор настоящей книги сам близкий свидетель и участник многих событий, которые им описываются. Это дает ему возможность, не нарушая исторической правды, представить читателю описываемые события в свете своих личных переживаний и наблюдений. Возможно, впрочем, что ему удалось дополнить свой рассказ и такими штрихами, которые ускользнули бы от рядового исторического исследователя или даже остались ему совершенно неизвестными.

Все числа в моих очерках приурочены к старому стилю. Это потому, что некоторые дни описываемых событий в такой мере срослись с календарными датами этого стиля, что перевод их на новый стиль являлся бы противоестественным. События ведь происходили в России, которая жила в это время по старому стилю.

ЮРИЙ ДАНИЛОВ

31 окт[ября] 1926 г[ода]

Лето 1915 года на русском фронте

РОССИЯ переживала исключительно тяжелое время.

После блестящих успехов первого периода войны, ознаменовавшихся разгромом австро-венгерских вооруженных сил и занятием почти всей Галичины, русские армии вынуждены были к глубокому отходу.

Уже весной названного года германское верховное главнокомандование, встревоженное успехами русского оружия над австрийцами, круто изменило принятый им вначале план войны, по крайней мере, на ближайший период времени.

Создав на Западном фронте почти неодолимую стену укреплений, оплетенных проволокою и усиленных мощной артиллерией, германцы достигли возможности безбоязненной переброски значительных сил на свой Восточный фронт, против нас.

Русская армия становилась, таким образом, главным предметом действия центральных держав. В соответствии с сим даже главная немецкая квартира была перемещена на восток, в небольшой городок Плесс, расположенный в Силезии, почти на границе с Австрией.

18 апреля после невиданного по силе артиллерийского обстрела, весьма скоро сровнявшего наши слабые укрепления с землею, соединенные германо-австрийские силы атаковали нас на участке между рекою Вислою и подножием Бескид и принудили к отходу. Фронт наш был прорван, и соседние русские армии, далеко углубившиеся к этому времени в Карпатские горы, были поставлены в очень трудное положение.

Отбываясь от наседавшего неприятеля почти голыми руками по недостатку вооружения и огнестрельных припасов, отвечая на его десятки и сотни выстрелов лишь одиночными патронами, русские войска стали шаг за шагом отходить с гор и затем потянулись к р[еке] Сану.

На этой реке они предполагали организовать новый фронт обороны. Но прибытие свежих немецких дивизий, дополнительно переброшенных с французского фронта, не дало возможности выполнить это предположение, и русские армии оказались вынужденными к дальнейшему отходу из Галичины.

Силы наших противников постепенно увеличивались, и фронт их наступления расширялся. Германцы атаковали нас не только в Галичине, но и в русской Польше. В руки неприятеля последовательно перешли Львов и Варшава. Истекая кровью и лишенные чьей-либо поддержки, русские армии продолжали свой отход, нанося время от времени жестокие контрудары своим противникам.

В августе русскими войсками были оставлены уже почти вся русская Польша и Галичина...

Необходимо заметить, что со времени неудачного для нас поворота событий на фронте уход Великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего назревал и, по-видимому, являлся неизбежным.

Великий князь отдавал себе отчет в создавшемся положении и считал наиболее вероятным заместителем своим — в той или иной роли — генерала Алексеева, главнокомандующего С[еверо]-З[ападным] фронтом — человека весьма почтенного, рассудительного, достаточно спокойного и вполне подготовленного своей предшест-

вовавшей службой к широкой стратегической работе. Уже с момента отхода наших войск из Польши в руках генерала Алексева сосредоточилось управление значительным числом армий, и главная задача по выводу их из «польского мешка» выпадала на долю командования С[еверо]-З[ападного] фронта.

С некоторыми решениями генерала Алексева Великий князь, насколько мне известно, не соглашался, но ввиду поколебленного положения не решался проявить свою волю в твердой и определенной форме. Однажды в словесном докладе я счел своим долгом отметить создавшееся ненормальное положение, особенно вредное в тяжелый период отхода русских войск в пределах собственной территории. Я высказал Великому князю свои мысли со всею откровенностью, к которой обязывало мое положение.

— Пока Вы — Верховный главнокомандующий, — заключил я свой доклад, — ответственность лежит на Вашем Высочестве. Вас, а не кого-либо другого будут обвинять и в излишне глубоком, может быть, отходе и в недостаточной настойчивости по образованию Северного фронта для прикрытия путей к Зап[адной] Двине.

Великий князь спокойно и внимательно меня выслушал, но положение не изменилось. Верховное главнокомандование в течение последних чисел июля и начала августа продолжало себя держать слишком нейтрально по отношению к событиям на фронте...

Великий князь Николай Николаевич — первый Верховный главнокомандующий русскими войсками в мировую войну — хорошо был известен в России в обществе и особенно в армии еще до войны.

В его характере были, несомненно, заложены черты силы и решительности, которые, однако, требовали спокойной регулирующей руки, дабы не дать этим чертам перейти границ, отделяющих настойчивую волю от безрассудной горячности и вредной порывистости. Тем сильнее должно было быть значение и благодарнее роль начальника штаба при нем. Великий князь легко поддавался влиянию близких ему лиц, это было его достоинством и недостатком, в зависимости от того, кто именно овладевал его доверием. Но во всяком случае он умел выслушивать людей, причем высоко ценил всякое доходившее до него откровенное и рассудительное слово.

В молодости горячность Великого князя Николая Николаевича способствовала созданию о нем невыгодной славы. Его опасались и избегали. Но с течением времени кипучая кровь остыла, и лично мне не пришлось быть свидетелем его гневных вспышек.

Хорошо одаренный от природы, Николай Николаевич получил к тому же высшее военное образование в Академии Генерального штаба; он имел за собою также некоторый боевой опыт, полученный им в период турецкой войны 1877—1878 гг., затем долгие годы занимал в армии ряд очень ответственных должностей. Таким образом, он являлся вполне подготовленным крупным военачальником и не удивительно, что на него смотрели как на наиболее вероятного и желательного кандидата на пост Верховного главнокомандующего в случае серьезной войны.

Из всех членов императорского дома это была во всяком случае наиболее крупная, яркая и своеобразная личность.

Великого князя хорошо знали и за границей. Перед войной, за несколько лет, он посетил Францию, где произвел сильное впечатление и где на него смотрели так же, как на будущего главнокомандующего русской армией.

При дворе, однако, к Великому князю относились с подозрением, боялись его популярности, преувеличивали его честолюбие. Это обстоятельство и было, по всей вероятности, причиной того, что с объявлением войны рядом с Великим князем была выдвинута на пост Верховного главнокомандующего кандидатура генерала В. Сухомлинова, занимавшего в то время пост военного министра.

Обе кандидатуры на пост Верховного главнокомандующего всплыли, однако, не вдруг. Государь, который по вопросу о Верховном главнокомандовании в случае войны не давал в мирное время никаких указаний, лелеял, видимо, про себя мысль о возложении этих обязанностей лично на себя.

В этой мысли государя сильно поддерживала императрица Александра Федоровна. Она, по-видимому, полагала, что задача Верховного главнокомандования другому лицу нанесет ущерб самодержавной власти ее супруга и вместе, впрочем, с другими не учитывала того обстоятельства, что надвигавшаяся война выйдет далеко за пределы единоборства армий и потребует напряжения всех народных сил и средств. А при этом положении постоян-

ное пребывание главы государства в центре страны являлось более соответственным и нормальным, чем отвлечение его на театр военных действий.

Чтобы объявить о намечаемом им решении, государь в один из ближайших дней по возникновении войны собрал у себя в Петергофе на «ферме» Совет министров.

Только один военный министр генерал Сухомлинов высказал банальные слова, что армия будет счастлива иметь во главе своего верховного вождя. Все остальные лица из числа присутствующих были против выраженного государем намерения. Председатель же Совета министров И. Л. Горемыкин своим старческим, от волнения еще более дрожащим голосом убеждал государя в опасности оставления им столицы в столь трудный период жизни государства.

Император Николай II под давлением своих ближайших сотрудников-министров принужден был уступить, и 20 июля 1914 года появился Высочайший указ о назначении Верховным главнокомандующим действующей армии и флота Великого князя Николая Николаевича. «Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, привлеченных для военных действий, признали мы за благо»... и т. д. Такими именно словами начинался упомянутый выше указ, ясно отмечавший как бы временный характер назначения Великого князя.

Великий князь Николай Николаевич очень любил подчеркивать упомянутый характер своего назначения, неоднократно отмечал в периоды кратких наездов государя в Ставку, что согласно Положению о полевом управлении он в этих случаях не более как начальник штаба Его Величества...

* * *

Со времени назначения Великого князя Верховным главнокомандующим популярность его начала расти с каждым днем.

Его имя стало достоянием не только армии, но всего русского народа. Стоустая молва распространяла о нем самые легендарные рассказы. Его видели всюду лично поспевавшим на помощь войскам в наиболее опасных местах; везде пресекал он зло, везде водворял порядок. При этом во всех рассказах Великий князь непременно рисовался защитником солдата и восстановителем в армии правды и законности.

В период военных напряжений армии и людской толпе необходимы герои. Они являются реальным воплощением того энтузиазма, той высокой настроенности, без наличия которых среднему человеку трудно идти на страдание и смерть.

Что нужды в том, что избранныки толпы не всегда в полной мере вооружены теми данными, кои им приписываются! Народ охотно и часто авансом увенчивает их лаврами, раз счастливая случайность подвела их под понятие о национальном вожде. Ни в какой мере не касаясь личных достоинств и оценки тех, кто в мировую войну стяжал народное доверие, укажу лишь, что такими счастливицами были: в Германии — Гинденбург, в Англии — Китченер, во Франции — Жоффр, затем Фош, у нас же в России — Николай Николаевич. Разница только в том, что на Западе упорочение славы таких лиц считалось патристическим долгом каждого, у нас же в России крупных имен не щадили зависть, недоброжелательность и клевета.

Но странное дело. Даже в этот трудный период имя первого русского Верховного главнокомандующего в армии и народе не потускнело. В постигшем русскую армию испытании обвиняли всех, но только не его. И когда в 1917 году после отречения императора Николая II стали вновь искать популярное имя, которое могло бы внести успокоение в армию и влить в нее надежду на победу, то еще раз было названо все то же имя Великого князя Николая Николаевича.

Ю. Н. ДАНИЛОВ

(Продолжение следует)

ЧИНЫ И ЗВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ

В последнее время резко возросло количество работ, посвященных нашему историческому прошлому. На страницах журналов и газет замелькали термины и понятия, связанные с чинами, званиями и титулами, существовавшими в дореволюционной России. Некоторые из них, встречающиеся в публикациях документов прошлого, ставят в тупик даже опытных историков. В то же время литература по этим вопросам крайне бедна и малочисленна¹. Настоящей статьей постараемся предупредить возможные вопросы читателей — любителей военной истории.

24 января 1722 года Петр I утвердил Закон о порядке государственной службы в Российской империи (чины по старшинству и последовательность чинопроизводства). Подготовка этого закона — «Табели о рангах» была начата еще в 1719 году и была естественным продолжением реформаторской деятельности Петра I, в результате которой возросло количество должностей в армии и государственном аппарате. В основу «Табели о рангах» были поло-

жены аналогичные акты, уже существовавшие в западноевропейских странах, особенно в Дании и Пруссии. При разработке закона были также приняты во внимание чины, уже существовавшие в России. «Табель о рангах» помимо самой таблицы имела еще восемнадцать пунктов поясняющего текста и устанавливающих штрафы за ее нарушение. Все чины «Табели о рангах» подразделялись на три типа: военные, статские (гражданские) и придворные и делились на четырнадцать классов. Интересно, что закон никак не разъяснял само понятие «чин», в силу чего одни историки последний рассматривали буквально и лишь в системе чинопроизводства, другие же — как ту или иную должность. На наш взгляд, «Табель о рангах» включала и те и другие понятия. Постепенно должности из «Табе-

¹ Единственной крупной работой по этой теме является книга ленинградского историка Л. Е. Шепелева «Отмененные истории. Чины, звания и титулы в Российской империи» (Л.: Наука, 1977), вышедшая небольшим тиражом и ставшая библиографической редкостью. Опубликованные недавно в журнале «Советский воин» статья и таблица чинов А. Кузнецова даны в очень сокращенном варианте и не смогут ответить на все вопросы читателей.

ли» исключаются и в конце XVIII века исчезают вовсе².

Петровская «Табель», определяя место в иерархии государственной службы, в некоторой степени давала возможность выдвинуться талантливым людям из низших сословий. «Дабы тем охоту подать к службе и оным честь, а не нахалам и туеядцам получать» — гласила одна из описательных статей закона. Однако по мере утверждения «Табели» в государственном устройстве чин все больше и больше становился объектом почитания, тормозившего любые демократические процессы в стране. Вспомним грибоедовские строки: «Служить бы рад, — прислуживаться тошно...», вспомним героев чеховских рассказов. Французский аристократ маркиз де Кюстин, побывавший в николаевской России, был поражен культом чина, определяя его как «гальванизм, придающий видимость жизни телам и душам, это, — писал он, — единственная страсть, заменяющая все людские страсти. Чин — это нация, сформированная в полки и батальоны, военный режим, примененный к обществу в целом и даже к сословиям, не имеющим ничего общего с военным делом»³. Характерным проявлением чинопочитания была и форма обращения — титулование, утвердившееся во второй половине XVIII века. Так, лица, имевшие чины 1-го и 2-го классов, титуловались «Ваше высокопревосходительство», 3-го и 4-го классов — «Ваше превосходительство», 5-го — «Ваше высококородие», 6-го — 8-го — «Ваше высокоблагородие» и, наконец, 9-го—14-го классов — «Ваше благородие». К чиновникам, имевшим родовой титул графа или князя, подчиненные обращались по форме «Ваше сиятельство». Другой была форма обращения старших по чину к своим подчиненным. Они употребляли чин и фамилию («капитан Иванов»), прибавляя при необходимости княжеский или графский титул («поручик князь Оболенский»).

Военные чины, встречавшиеся еще задолго до принятия «Табели о рангах» и находившие отражение в воинских уставах 1698 и 1716 годов, были

окончательно закреплены законом 1722 года. Первоначально военные чины состояли из четырех разрядов: сухопутные войска, гвардия, войска артиллерии и морской флот. Военные чины объявлялись выше соответствующих им гражданских и даже придворных чинов. Такое старшинство давало преимущество военным чинам в главном — переходе в высшее дворянское сословие. Уже 14-й класс «Табели» военных чинов (фендрик, с 1730 г. — прапорщик) давал право на потомственное дворянство (в гражданской службе потомственное дворянство приобреталось чином 8-го класса — коллежский ассессор, а чин коллежского регистратора — 14-й класс, давал право лишь на личное дворянство).

С усилением кризиса феодального строя в России самодержавие делает попытки ограничить доступ в дворянское сословие. Эти вопросы обсуждались в многочисленных так называемых секретных комитетах. Секретный комитет уже «6 декабря 1826 года»⁴ подготовил законопроект, ограждающий сословие дворян от притока в него разночинцев. Этот законопроект, хотя с задержкой и некоторыми изменениями, был оформлен Манифестом 11 июня 1845 г. По этому закону потомственное дворянство приобреталось с производством офицера в штаб-офицерский чин (8-й класс)⁵. Дети, рожденные до получения отцом потомственного дворянства, составляли особую сословную категорию обер-офицерских детей, причем одному из них по ходатайству отца могло быть дано потомственное дворянство. Александр II указом от 9 декабря 1856 года право получения потомственного дворянства ограничил уже получением чина полковника (6-й класс), а по гражданскому ведомству — получением чина 4-го класса (действительный статский советник).

Особое место в иерархии военных чинов занимали офицеры гвардейских частей всех родов войск, получившие в Петровской «Табели» преимущество в два чина перед армейскими офицерами. Интересен и тот факт, что до 1837 года офицеры гвардии, назначаемые на

² Петровская «Табель о рангах» насчитывала 262 должности.

³ Де Кюстин. Николаевская Россия. — М.: Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев, 1930. — С. 163.

⁴ Имел название по дате образования.

⁵ Гражданские чины от 14-го до 10-го класса получали личное почетное гражданство, с 9-го класса — личное дворянство, с 5-го класса — потомственное дворянство.

новые вышестоящие должности в армию, имели право сохранения своего гвардейского чина и гвардейского чинопроизводства. В документах XVIII века нередко можно встретить обращение типа «полковник армии и лейб-гвардии капитан». В 1798 году чин полковника гвардии был смещен с 4-го класса до 6-го, т. е. сравнялся с чином армейского полковника. Это было связано с тем, что командиры гвардейских полков стали определяться генеральским чином, а полковники гвардии стали занимать должности командиров батальонов. Лишь после реформы военного чинопроизводства 1884 года, когда армейские обер-офицерские чины были переведены на один класс выше, различие между гвардией и армией стало составлять один класс. Служба в гвардейских частях давала преимущество и в чинопроизводстве. Как правило, на вакансию в армейских частях зачислялись гвардейские офицеры, бравшие перевод из гвардии в армию. Особенно это характерно для должностей командиров батальонов и командиров полков. Получив новую должность, а вместе с ней и новый чин, гвардейцы в армии долго не задерживались и снова переводились в гвардию. С таким положением вещей и связано стремление недворян в гвардию. Несмотря на то что служба в гвардейских воинских частях требовала довольно значительных средств, стремление выпускников военных училищ выпуститься в гвардию особенно возросло после 1901 года, когда согласно приказу по Военному ведомству (1901 г., № 166) был установлен прямой выпуск в гвардию на основании результатов выпускных экзаменов. Этот приказ вызвал недовольство среди большинства гвардейских офицеров — выходцев из старых дворянских родов России и служивших в 1-й и 2-й гвардейских дивизиях⁶. Уже через год приказ 1901 года был отменен, и лиц недворянского происхождения в гвардию не направляли, и это при том, что законодательство не ограничивало право недворян поступать офицерами в гвардию.

До конца XVIII века преимущество в один чин перед армией имели офицеры артиллерии и инженерные чины. Объ-

яснялось это тем, что служба в названных родах войск требовала от офицеров большей образованности, особенно в области математики. В 1798 году это преимущество было ликвидировано, однако ненадолго, и уже при Александре I в 1811 году преимущество в один чин против армейских офицеров было возвращено армейской артиллерии и инженерным войскам. Тогда же преимущество в один чин получили и офицеры квартирмейстерской части. После Отечественной войны 1812 года некоторые полки получили статус «молодой гвардии», а их офицеры — преимущество в один чин против обычных армейских офицеров. Названные категории имели это преимущество вплоть до 1884 года.

При производстве в следующий чин по выслуге лет офицеры должны были служить в каждом чине 4 года (в гвардии из-за отсутствия чина подполковника капитаны выслуживали чин полковника 6 лет). Приказом по Военному ведомству № 187 от 21 июля 1896 года утверждались правила производства в штабс-офицерские чины. По этим правилам 50 проц. вакансий замещались производимыми по старшинству и 50 проц. по избранию начальства, причем из числа последних 10 проц. выделялись к производству за «особые отличия» (для строевых капитанов только за «боевые отличия»), 20 проц. — для капитанов, окончивших военные академии, остальные — для капитанов, представленных к производству по избранию. Таким образом, принцип старшинства терял свое значение и главную роль играла аттестация⁷.

Льготы для производства в следующий чин имели и Георгиевские кавалеры. По правилам 1898 года офицеры, награжденные орденом Св. Георгия и прослужившие в этом чине 3 года, производились в чин подполковника на тех же основаниях, что и капитаны, окончившие Академию Генерального штаба, даже если в наличии не было штаб-офицерской вакансии. На льготных условиях осуществлялось и производство подполковников в полковники, если они имели положительную аттестацию и к 26 ноября — празднику Георгиевских кавалеров выслужили в последнем чине 4 года. Эти правила предусматривали

⁶ 3-я гвардейская дивизия, расквартированная в Варшаве, по своему составу была менее аристократична и в среде офицеров-гвардейцев Петербургских дивизий получила название «суконной гвардии».

⁷ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903 гг. — М.: Мысль, 1973. — С. 195.

Артиллерия и инженерные войска						
Класс	1722	1724	1796	1798	1811	1894—1917
I	Ваше высочайшее повеление					
II		Генерал-фельдцейхмейстер		Генерал от артиллерии	Генерал-фельдцейхмейстер	Генерал от артиллерии; инженер-генерал
III	Ваше превосходительство	Генерал-лейтенант	Генерал-поручик	Генерал-поручик	Генерал-поручик	Генерал-лейтенант
IV		Генерал-майор Генерал-майор от фортификации	Генерал-майор	Генерал-майор	Генерал-майор	Генерал-майор
V	Ваше высочайшее повеление	Полковник от артиллерии	Полковник			
VI		Подполковник от артиллерии Полковник-инженер	Подполковник	Полковник	Полковник	Полковник
VII	Ваше высочайшее повеление	Майор Подполковник-инженер	Майор	Подполковник	Подполковник	Подполковник
VIII		Майор-инженер	Капитан	Майор	Капитан	Капитан
IX	Ваше высочайшее повеление	Капитан-лейтенант Капитан-инженер	Капитан-поручик с 1751 по 1796 г.	Капитан Штабс-капитан с 1796 по 1798 г.	Штабс-капитан	Штабс-капитан
X		Лейтенант Капитан-лейтенант-инженер	Поручик	Поручик	Поручик	Поручик
XI	Ваше высочайшее повеление					
XII		Унтер-лейтенант Лейтенант-инженер	Подпоручик	Поручик	Подпоручик	Подпоручик
XIII		Штык-юнкер Унтер-лейтенант-инженер	Штык-юнкер Прапорщик	Подпоручик	Прапорщик	Прапорщик запаса
XIV		Фендрик-инженер				

АРМИЯ

Класс	Пехота					Кавалерия			
	1722	1730	1798	1894—1917	1730	1798	1894—1917		
I	Генерал-фельдмаршал	Генерал-фельдмаршал	Генерал-фельдмаршал	Генерал-фельдмаршал					
II	Генерал от инфантерии	Генерал-аншеф	Генерал от инфантерии	Генерал от инфантерии	Генерал-аншеф	Генерал от кавалерии		Генерал от кавалерии	
III	Генерал-лейтенант	Генерал-поручик	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	Генерал-поручик	Генерал-лейтенант		Генерал-лейтенант	
IV	Генерал-майор	Генерал-майор	Генерал-майор	Генерал-майор	Генерал-майор	Генерал-майор		Генерал-майор	
V	Бригадир	Бригадир			Бригадир				
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник		Полковник	
VII	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Подполковник		Подполковник	
VIII	Майор	Майор, с 1787 г. премьер-майор и секунд-майор	Майор	Капитан	Майор	Майор		Майор	Ротмистр
IX	Капитан	Капитан	Капитан	Штабс-капитан	Ротмистр	Ротмистр		Ротмистр	Штабс-ротмистр
X	Капитан-лейтенант	Капитан-поручик	Штабс-капитан	Поручик		Штабс-ротмистр		Поручик	Поручик
XI									
XII	Лейтенант	Поручик	Поручик	Подпоручик	Поручик	Поручик		Поручик	Корнет
XIII	Унтер-лейтенант	Подпоручик	Подпоручик	Прапорщик запаса	Подпоручик				
XIV	Фендрих	Прапорщик	Прапорщик		Корнет	Корнет		Корнет	

Класс	Драгуны		Казак		Флот						
	1798		1798	1884—1917	1722	1764	1798	1884	1907	1912—1917	
I					Генерал-адмирал	Генерал-адмирал	Генерал-адмирал	Генерал-адмирал	Генерал-адмирал	Генерал-адмирал	
II		Генерал от кавалерии	Генерал от кавалерии	Генерал от кавалерии	Адмирал	Адмирал	Адмирал	Адмирал	Адмирал	Адмирал	
III		Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	Вице-адмирал	Вице-адмирал	Вице-адмирал	Вице-адмирал	Вице-адмирал	Вице-адмирал	
IV		Генерал-майор	Генерал-майор	Генерал-майор	Штабс-капитан (контр-адмирал)	Штабс-капитан (контр-адмирал)	Контр-адмирал	Контр-адмирал	Контр-адмирал	Контр-адмирал	
V					Капитан-командор	Капитан бригадирского ранга	Капитан-командор до 1827 г.				
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Капитан 1 ранга	Капитан 1 ранга	Капитан 1 ранга	Капитан 1 ранга	Капитан 1 ранга	Капитан 1 ранга	
VII	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Войсковой старшина	Капитан 2 ранга	Капитан 2 ранга	Капитан 2 ранга	Капитан 2 ранга	Капитан 2 ранга	Капитан 2 ранга	
VIII		Войсковой старшина	Войсковой старшина	Есаул	Капитан 3 ранга	Капитан-поручик	Капитан-лейтенант	Капитан-лейтенант до 6 дек. 1911 г.	Капитан-лейтенант и старший лейтенант	Старший лейтенант	
IX	Капитан	Есаул	Есаул	Подбесаул	Капитан-лейтенант	Поручик	Лейтенант	Лейтенант	Лейтенант	Лейтенант	
X	Штабс-капитан			Сотник	Лейтенант			Мичман	Мичман	Мичман	
XI					Корабельный секретарь	Корабельный секретарь					
XII	Поручик	Сотник	Сотник	Хорунжий	Унтер-лейтенант	Мичман	Мичман				
XIII	Подпоручик				Мичман с 1758 по 1764 г.		Гардемарины (с 1860 по 1882 г.)				
XIV		Хорунжий	Хорунжий				В зависимости от сроков службы и результатов экзаменов				

Класс	Гражданские чины		Придворные чины	
	1722—1917		1722	XIX в. — 1917
I	Каплер Действительный тайный советник 1-го класса			
II	Действительный тайный советник		Обер-маршал	Обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал обер-шенк, обер-шталмейстер, обер-егермейстер
III	Тайный советник		Обер-шталмейстер	Гофмейстер, гофмаршал, шталмейстер, егермей- стер, обер-церемониймейстер
IV	Действительный статский советник		Обер-камергер, обер-гофмейстер	Камергер
V	Статский советник		Обер-шенк, обер-гофшталмейстер, обер-гофмей- стер при императрице, гофмейстер тайный ка- бинет-секретарь, обер-церемониймейстер	Камер-юнкер церемониймейстер
VI	Коллежский советник		Обер-егермейстер, действ. камергер, гофмаршал, шталмейстер, 1-й лейб-медик	Камер-фурьер
VII	Надворный советник		Гофмейстер и лейб-медик при императрице, церемониймейстер	
VIII	Коллежский асессор		Титулярный камергер, гоф-шталмейстер, надвор- ный интендант	
IX	Титулярный советник		Надворный егермейстер, надворный церемоний- мейстер, камер-юнкер, обер-кухенмейстер	Гоф-фурьер
X	Коллежский секретарь			
XI	Корабельный секретарь			
XII	Губернский секретарь		Гоф-юнкер надворный лекарь	
XIII	Провинциальный секретарь			
XIV	Коллежский регистратор		Гофмейстер лакей, кухенмейстер, мундшenk	

льготы для получения должности командира полка или отдельного батальона⁸.

В армейской среде, так хорошо показанной в «Поединке» Куприна, наличие льгот вызывало почти всегда злобу и зависть. Эти чувства, как правило, не распространялись на Георгиевских кавалеров и офицеров специальных родов войск и адресовывались в основном гвардейцам и офицерам Генерального штаба, для которых были, как вспоминал А. А. Самойло, «весьма характерны разедавшие эту среду интриганство и высокомерие»⁹.

От военных чинов русской армии следует отличать свитские звания генерал-адъютант и флигель-адъютант, которые имели генералы и офицеры, приближенные к императору. В царствование Александра I эти звания составили понятие «Свита его императорского величества». Флигель-адъютантом могли быть только штаб- и обер-офицеры. С производством штаб-офицера в генеральский чин (4-й класс) последний мог получить звание генерал-адъютанта, естественно, если того желал сам император. В 1827 году появляется особое военно-придворное звание — Свиты Его Величества генерал-майор. С 1829 года звание генерал-адъютанта присваивалось лишь генералам, имеющим чины 2-го и 3-го классов. В конце XIX века появляется звание генерал-адъютанта при особе Его Императорского Величества, числившегося выше генерал-адъютанта Его Императорского Величества¹⁰.

В публикациях исторического материала могут встретиться и другие понятия, так или иначе связанные с чинами и званиями дореволюционной России. Многие из них, возникнув в одном значении, со временем приобретали иной смысл. Кратко остановимся на тех, которые наиболее трудны для понимания.

В конце XVIII века среди унтер-офицеров дворянского происхождения устанавливаются особые звания, не входив-

шие в «Табель о рангах»: портупей-прапорщик (в пехоте), эстандарт-юнкер (у драгун), портупей-юнкер (в легкой кавалерии и артиллерии). Просуществовали эти звания недолго, и уже в 1800 году все унтер-офицеры — дворяне из пехотных частей стали именоваться подпрапорщиками. С 1802 года юнкерами стали именоваться все унтер-офицеры егерских, артиллерийских, кавалерийских частей — выходцы из дворян.

В 60-е годы XIX века вновь появляется звание портупей-юнкера, но уже в значении выпускника юнкерского училища, выпущенного в полк в ожидании производства в офицеры. Это же звание имели и кандидаты в офицеры из нижних чинов, выдержавшие экзамен на офицера. Юнкерами с 1865 года стали называться учащиеся юнкерских (военных) училищ.

В 1880 году чин портупей-юнкера вновь был переименован. В войсковых частях, где были прапорщики, он стал называться подпрапорщиком, в кавалерии — эстандарт-юнкером, в казачьих войсках — подхорунжим. В полках подпрапорщики и эстандарт-юнкера исполняли обязанности младших офицеров.

С 1906 года значение чина подпрапорщика изменилось. В этот чин стали производиться сверхсрочнослужащие унтер-офицеры, успешно окончившие войсковую школу.

В военно-морском флоте в 1882 году из «Табели о рангах» был исключен чин гардемарина (13-й или 14-й класс, в зависимости от срока службы), а гардемаринами, как и до 1860 года, стали именоваться учащиеся старших классов Морского училища.

Приведенная таблица чинов показывает, что Петровская «Табель о рангах» менялась в течение почти двух веков в результате основных реформ*.

Ю. А. ТРАМБИЦКИЙ,
заместитель заведующего
отделом ЦГВИА СССР

⁸ Там же.

⁹ Самойло А. А. Две жизни. — М.: Воениздат, 1958. — С. 47.

¹⁰ См.: Шепелев Л. Е. — Л.: Наука, 1977. — С. 45.

* Система награждения гражданских и военных чинов орденами не приводится в связи с тем, что она неоднократно освещалась на страницах «Военно-исторического журнала» в 1989—1990 гг.

АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

(К странице 3 обложки)

В ОДНОМ из заповедных мест Москвы, связанных со многими историческими событиями и преданиями, — на Девичьем поле более ста лет назад, в 1886 г., сооружено было первое в столице специальное здание. Предназначалось оно для Московского архива Министерства юстиции — крупнейшего в дореволюционной России собрания старинных документов. В 20—30-е годы сюда, на Большую Пироговскую, 17, переместили фонды еще четырех исторических архивов Российской империи, а также документальные материалы, ранее принадлежавшие известнейшим монастырям и дворянским родам.

Так сложился Центральный государственный архив древних актов СССР — самое значительное по масштабам и ценное по содержанию хранилище документов о прошлом нашей страны со времен Киевской Руси и до начала XX столетия. Пожалуй, нет ни одного более или менее важного события российской истории, в том числе и военной, которое не нашло бы отражения в делах архива. Общая численность их составляет 3,5 млн. единиц.

Здесь хранятся договорные грамоты и завещания великих и удельных князей XIII—XVI вв., письма представителей династии Романовых, законодательный памятник Древней Руси — «Русская правда» в списке XIV в., подлинный свиток в серебряном ковчеге так называемого «Соборного уложения» 1649 г. — свода законов царя Алексея Михайловича, записи реше-

ний Боярской думы XVII в., сенатские указы XVIII столетия, переписка правительственных учреждений, международные договоры и отчеты русских послов о пребывании за рубежом XVI—XVII вв., росписи полков, отражавших вражеские набеги на южных и западных рубежах Московского государства, тексты древнейших летописей, изящно украшенные миниатюрами и орнаментом рукописные книги, автографы деятелей науки и искусства, старинные чертежи и карты с описанием российских земель и многое другое, без чего невозможно воссоздать многовековую отечественную историю, наполненную и славными, и трагическими страницами.

Мы найдем, например, в архиве документы, рисующие картину страшного разорения России в смуту начала XVII в. и показывающие нелегкий ее путь к единению и возрождению. Среди них грамоты Дмитрия Пожарского, призывающие встать под знамена ополчения и возвещающие о победах над польско-литовскими войсками в 1612 г.

Или вот свидетельство другой славной воинской виктории — собственноручное письмо Петра I жене Екатерине Алексеевне, набросанное в спешке сразу же после Полтавской битвы и извещающее супругу о поражении шведской армии.

На страницах архивных документов отразился и сложный процесс создания многонационального Российского государства. До нас дошли, в частности, грамоты грузинских и молдавских правителей XVII в. с просьбой о принятии их «под высокую государеву руку», письмо Богдана Хмельницкого о готовности Войска Запорожского присягнуть царю Алексею Михайловичу, решение Земского собора в Москве 1653 г. о воссоединении Украины с Россией.

...Невозможно в двух словах рассказать обо всех сокровищах Архива древних актов. Их справедливо называют документальной памятью народа, и одновременно они — неиссякаемый источник его духовного развития.

М. П. ЛУКИЧЕВ

Read In This Issue:

S. A. Gorlov — USSR—Germany Military Cooperation in 20s ● O. G. Losik, A. A. Belousov, V. G. Miller — Nobody Can Resist Them ● Consider Them POWs (Publication by B. I. Kaptelov, A. A. Vazherkin) ● A. F. Katusev, V. G. Oppokov — Movement that never Existed ● They Died for the Motherland (Publication by A. N. Sidorov) ● 1937. Statements by Marshal Tukhachevsky (Publication by V. K. Vinogradov) ● A. I. Talanov — Army Dragoons ● R. Swiatek — The Katyn Forest ● V. A. Avdeev — Forgotten Name ● J. N. Danilov — On the Way to Collapse ● J. A. Trambitsky — Ranks and Grades of the Russian Army ● M. P. Lukitchev — Archives of Ancient Documents

Lesen Sie in diesem Heft:

S. A. Gorlov — Militärische Zusammenarbeit zwischen UdSSR und Deutschland in den 20-er Jahren ● O. G. Lossik, A. A. Beloussow, W. G. Miller — Niemand kann ihnen widerstehen ● Als Kriegsgefangene behandeln (Veröffentlichung von B. I. Kaptelov, A. A. Vazherkin) ● A. F. Katusev, V. G. Oppokow — Die Bewegung, die niemals existierte ● Fürs Vaterland gefallen (Veröffentlichung von A. N. Sidorow) ● 1937. Aussagen vom Marschall Tuchatschewski (Veröffentlichung von V. K. Vinogradow) ● A. I. Talanov — Dragoner in Russischen Heer ● R. Sviatek — Der Katyn Wald ● V. A. Avdeev — Ein vergessener Name ● J. N. Danilow — Auf dem Weg zur Katastrophe ● J. A. Trambitskij — Dienstgrade in der Russischen Armee ● M. P. Lukitschow — Urkundensammlung aus alten Zeiten

О НАШЕЙ ПОЧТЕ

ЗА ВОСЕМЬ месяцев 1991 года в редакцию «Военно-исторического журнала» поступило более двух тысяч писем. Почта разноплановая, но если не придерживаться строгой классификации, по характеру письма можно разделить на три категории. Прежде всего это письма-отклики, или письма-рецензии, поддерживающие линию журнала с предложениями тем для публикаций и рубрик. Вторая категория — письма с откликами на опубликованные материалы и в целом по содержанию журнала. Третья категория писем — это материалы, предложенные редакции для публикации.

Судя по почте, читателей больше всего интересуют темы, раскрывающие неизвестные страницы нашей истории. Этого направления и будет придерживаться редакция в ближайшем будущем. Наиболее четко выразил свое отношение к публикациям журнала А. В. Тафинцев из Воронежа: «Когда читаешь такие материалы, как «Бериевщина» или «Главный телохранитель вождя», то уже после этого никакие кривотолки или слухи нечестных людей не собьют тебя с толку. Поэтому их надо писать более подробно и не в виде судопроизводства, как это написано о «Главном телохранителе...», а в виде очерка или рассказа — художественно». Но хотелось бы сразу оговориться, художественно пишут другие журналы, чья задача публиковать рассказы, повести, романы. Наш журнал — журнал документов и фактов, снабженных комментариями, но лишь в той степени, которая необходима для более четкого понимания событий. Мы не навязываем читателю той или иной точки зрения, но даем ему возможность самому проанализировать факты, осмыслить происходившее и сделать соответствующие выводы. История как она есть, в ее чистом, неискаженном и не подправленном виде — это своего рода девиз нашего журнала.

Наибольший интерес у читателей вызывают такие рубрики, как «Гриф секретности снят», «Эпоха в автобиографиях», «Трибуна писателя», «Из архивов Министерства обороны», «В помощь изучающим военную историю», «В поисках правды» и другие. Хотя есть у читателей и обоснованные претензии к этим рубрикам. Например,

АНКЕТА ЧИТАТЕЛЯ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемый читатель! Просим вас ответить на вопросы нашей анкеты. Выбранный вами номер позиции подчеркните или обведите кружком. После заполнения анкеты просим выслать ее по адресу редакции: 103160, Москва, К-160, «Военно-исторический журнал».

1. Являетесь ли вы подписчиком «ВИЖ»?

- 001 — да, более трех лет,
- 002 — да, два или три года,
- 003 — да, первый год,
- 004 — нет.

2. Получая или покупая «ВИЖ», я...

- 005 — прочитываю все или большинство материалов номера,
- 006 — прочитываю часть материалов номера, то, что интересно,
- 007 — просматриваю номер в основном.

3. Что происходит сегодня с вашим интересом к журналу?

- 008 — не изменяется,
- 009 — возрастает,
- 010 — падает,
- 011 — затрудняюсь ответить.

4. Если ваш интерес к журналу падает, то основными причинами этого, по вашему мнению, являются...

- 012 — политическая ориентация журнала,
- 013 — утрата актуальности публикуемых материалов,
- 014 — малый объем квалифицированного анализа современных событий на основе военно-исторического опыта,
- 015 — отсутствие прогноза развития событий в стране,
- 016 — недостаточная информативность журнала,
- 017 — оформление издания и расположение материалов,
- 018 — труднодоступный язык,
- 019 — появление других, не менее интересных изданий. Напишите, какие?
- 020 — несвоевременная доставка журнала почтой,
- 021 — материальные трудности, недостаток финансовых средств,
- 022 — низкое качество полиграфического исполнения,
- 023 — иное (укажите) _____

5. Ваше отношение к размещению рекламных материалов

- 024 — нейтральное,
- 025 — отрицательное,
- 026 — положительное.

6. Каково ваше отношение к изданию еженедельного приложения к журналу — газе-

ты, в которой отражались бы как военно-историческая проблематика, так и современные армейские и флотские проблемы;

027 — положительное,

028 — отрицательное,

029 — затрудняюсь ответить.

7. По независящим от нее причинам (стоимость бумаги, типографских расценок, услуг связи и т. п.) редакция «ВИЖ» вынуждена несколько повысить розничную и подписную стоимость издания. Намерены ли вы в этом случае подписаться на «ВИЖ» в 1992 году?

030 — да,

031 — скорее да, чем нет,

032 — скорее нет, чем да,

033 — нет,

034 — пока затрудняюсь ответить.

Просим сообщить о себе некоторые формальные данные:

8. Местожительство:

035 — в сельской местности,

036 — в небольшом городе (до 50 тыс. жителей),

037 — в крупном городе.

9. Социальный статус:

038 — военнослужащий,

039 — офицер запаса или в отставке,

040 — рабочий,

041 — крестьянин,

042 — инженерно-технический работник,

043 — научный, медицинский и творческий работник, педагог,

044 — служащий,

045 — учащийся,

046 — не работаю.

10. Возрастная группа:

047 — до 26 лет,

048 — 26 — 40 лет,

049 — 41 — 55 лет,

050 — свыше 55 лет.

11. Регион проживания:

051 — Москва, Санкт-Петербург и области,

052 — европейская часть России (без Москвы, Санкт-Петербурга и обл.),

053 — Урал, Сибирь и Дальний Восток,

054 — Украина, Белоруссия, Прибалтика,

055 — Республики Закавказья, Средней Азии и Казахстан.

12. В заключение напишите, пожалуйста, свое собственное мнение о том, какими бы вы хотели видеть журнал и приложение к нему — газету?

Спасибо за работу!

Н. Н. Карпешин (п/о ст. Руза Московской области) пишет о том, что рубрика «В помощь изучающим военную историю» «недостаточно чувствует конъюнктуру читательского спроса и несколько страдает «водянкой». При настоящем дефиците исторического материала, продолжает он, излишняя литературная популяризация не путь «к удовлетворению читательской «жажды» на освещение различных вопросов военной истории». Редакция, безусловно, принимает к сведению читательскую критику и в дальнейшей своей работе постарается учесть пожелания. А советов и предложений много. Приведем только несколько высказываний. Читатель П. И. Рябов из Томска пишет: «Рубрика «В помощь изучающим военную историю» показывает не только военную, но и гражданскую историю такой, какой она и была на самом деле, а не рассматривая с позиций нового мышления (что на вид отлично, а на самом деле бег в кроссовках по истории)». Далее автор предлагает печатать исследования гражданских историков о военной истории или вести полемику с привлечением архивных документов для получения более объективной картины того или иного события. Кроме того, предлагается систематизировать публикуемый материал по годам, приводить характеристики оружия того периода, о котором идет речь.

Читатели предложили нам много разнообразных тем для публикации — от древней истории до наших дней. Но, к сожалению, объем журнала вряд ли позволит в ближайшее время выполнить все просьбы. Мы будем продолжать публиковать материалы под рубриками, полюбившимися читателям. Надеемся, что в нашем журнале найдут интересные для себя публикации люди всех возрастов. Школьникам и студентам по-прежнему будут помогать материалы рубрики «В помощь изучающим военную историю», любителей истории порадуют статьи о России и русской армии XIX века. Много познавательного будет опубликовано о военно-исторических клубах. Не исчезнет со страниц журнала и «Летопись полков российских». По-прежнему будет работать и рубрика «Нам пишут». Наиболее интересные письма с конкретными предложениями по содержанию журнала будут опубликованы. Редакцию интересуют мнения всех читателей, независимо от возраста и образования. Пишите, мы рады поддерживать связь с теми, кто читает наши материалы.

Л. Н. БУЛЫЧЕВА

АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

• Жалованная грамота конца XVII века.

• Страницы Большой государственной книги (титулярника). 1672 г.

Фото А.Е. ШАДРИНА.

